

№ 3 (44) 2017

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Проф. доктор **Стивен Гуанпенг Донг** – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Доктор **Герхард Шнайдер** – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Енгибарян Р.В. – научный руководитель факультета управления и политики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – и.о. заведующего кафедрой правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили
Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия
Доктор **Душан Павлович** – факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Сардарян Г.Т. – и.о. декана факультета управления и политики, кандидат политических наук, Россия

Субочев В.В. – профессор кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Федотов А.Л. – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Словацкой Республике, кандидат юридических наук, Россия

Антонио Лопес Христопор – Директор института международных отношений “Венанчо де Моура”, Ангола

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Фабрицио Д’Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Камолов С.Г. – научный руководитель кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России, кандидат экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Кузьмина Н.Б. – проректор МГИМО МИД России по финансово-экономическим вопросам, доктор экономических наук, Россия

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Оганесян А.Г. – главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД России, член Союза писателей России, Россия

Рамон Хиль-Касарес Сатрустеги – Посол, Директор дипломатической школы, Испания

Джеффри Уайзмен – Директор Азиатско-Тихоокеанского колледжа дипломатии (Австралийский национальный университет), Австралия

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – **Т.М. Срапян**

компьютерная верстка – **Д.Е. Волков**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ПУБЛИЦИСТА

- 3 **Р.В. Енгибарян**
Возвращаясь к 100-летию Октябрьского переворота...

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 8 **П.А. Шушканов**
Особенности развития российского гражданского законодательства и формирование частного права стран СНГ и Балтии
- 15 **А.И. Иванчак, О.В. Кравченко**
Работа иностранных граждан по гражданско-правовому договору
- 22 **А.С. Смыкалин**
Правовая система Российской Федерации в переходный период (1991–2000 годы)
- 32 **К.Б. Константинов**
Трансформация понятия «цитирование» как категории авторского права в контексте актуальной судебной практики
- 38 **Е.А. Низамова**
О понятии иностранного работника в российском законодательстве
- 48 **Е.В. Неверова**
Курс на совместное освоение Южно-Курильских островов: международно-правовой комментарий
- 58 **В.Д. Сысоев**
Андрей Артамонович Матвеев – глава первого российского представительства за рубежом (Голландия)

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ

И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 68 **В.М. Володин, Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова**
«Мягкая сила» в мировом сообществе и внешней политике России
- 81 **П.В. Меньшиков**
Коммуникация как управленческая функция современного государства
- 91 **В.М. Новикова**
Научно-образовательный комплекс Европейского союза и Евразийского экономического союза: сравнительный аспект

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

Franchesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy;
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. in Political Science, United Kingdom
Robert V. Yengibaryan – Academic Director of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Acting Head of the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Jose A. Morande Lavín – Director of Institute of International Studies (University of Chile), Chile
Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Doctor Dušan Pavlović – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Henry T. Sardaryan – Acting Dean of the Faculty of Administration and Politics, Candidate of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Public Administration and Law of MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Turkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Aleksey L. Fedotov – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the Slovak Republic, PhD in Law, Russia
Antonio Lopes Cristovão – Director of Institute for International Relations "Venancio de Moura", Angola

SCIENTIFIC COUNCIL

Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy;
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor
Sergei G. Kamolov – Academic Director of the Department of Public Administration and Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Natalia B. Kuzmina – Vice-rector of the MGIMO under the MFA of Russia for finances and economics, Doctor of Economic Sciences, Russia
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Armen G. Oganessian – Editor-in-Chief, The International Life journal with the MFA of Russia, Member of the Writers' Union of Russia, Russia
Ramon Gil-Casares Satrustegui – Ambassador, Director of the Diplomatic School, Spain
Geoffrey Wiseman – Director of the Asia-Pacific College of Diplomacy (Australian National University), Australia
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – V. BEREZKO
Proofreading – **T. Srapyan**
Computer make-up – **D. Volkov**

CONTENTS

COLUMN WRITER

- 3 **R.V. Yengibaryan**
Returning to the 100 th anniversary of the October Revolution ...

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

- 8 **P.A. Shushkanov**
The distinctive features of the Russian civil legislation and the formation of private law in the CIS and Baltic States
- 15 **A.I. Ivanchak, O.V. Kravchenko**
Foreign citizens` activity under a civil law contract
- 22 **A.S. Smykalin**
The legal system of the Russian Federation in the transition period (1991–2000)
- 32 **K.B. Konstantinov**
Understanding transformation of citation as a category of copyright in the context of current judicial practice
- 38 **E.A. Nizamova**
On the notion of foreign worker in the Russian current legislation
- 48 **E.V. Neverova**
A push towards the joint development of the Southern Kuril Islands: an international legal commentary
- 58 **V.D. Sysoev**
Andrey Artamonovich Matveev – head of the first russian mission abroad (Holland)

ADMINISTRATION:

CHALLENGES AND PROSPECTS

- 68 **V.M. Volodin, L.V. Rozhkova, O.V. Salnikova**
«Soft power» in the world community and Russia's foreign policy
- 81 **P.V. Menshikov**
Communication as a management function of a modern state
- 91 **V.M. Novikova**
Science and higher education in the European Union and the Eurasian Economic Union: comparative analysis

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Law and Administration. The 21st Century" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Law and Administration. The 21st Century" is available at : www.pravo.mgimo.ru

ВОЗВРАЩАЯСЬ К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА...

*Роберт Енгибарян**

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-3-7

Старшему поколению многое знакомо не понаслышке, а людям молодым может показаться, что события, о которых речь идет, произошли в позапрошлом веке – да и были ли они на самом деле? А ведь по историческим меркам все случилось совсем недавно, более того, в определенном смысле повторяется и сегодня. Человеческая ментальность, традиции и особенно государственно-правовая практика удивительно живучи...

Речь пойдет о нас, русско-советских подданных различной этнической принадлежности, о нашей стране, о наших взаимоотношениях с властью. Я намеренно употребляю слово «подданные», а не «граждане», – это не оговорка и не опечатка. Дело в том, что советский человек по своему политико-правовому положению никогда не дотягивал до статуса гражданина, за исключением разве что конца 80-х годов прошлого века. Более того, при царской власти российский подданный имел больше прав – он мог быть несогласным с политикой властей, мог выбирать место жительства в любом регионе страны (ценз оседлости существовал только для иудеев и был отменен в начале 1890-х годов) и даже эмигрировать, мог иметь частную собственность и вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Всего этого были лишены советские люди, загнанные, как крепостные, в колхозы, в подневольный труд,

прикрепленные к месту жительства институтом прописки. Напомню, что паспорта колхозникам начали выдавать только с середины 50-х годов прошлого века.

Когда изучаешь историю России и ее сателлитов – вернее, если говорить более корректно, стран, находящихся в ее политико-экономическом пространстве, таких как Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и т.д., – невольно отмечаешь, сколько исторических шансов образовывать могучее правовое демократическое государство было упущено. Ведь Россия объединила множество народов, находящихся на самых разных уровнях общественного и хозяйственного развития, от прибалтов до среднеазиатских разрозненных ханств, а после Второй мировой войны круг стран, вошедших в орбиту влияния Советского Союза, – большой России – еще расширился. Смогла ли Россия, претендующая на роль объеди-

* **Енгибарян Роберт Вачаганович**, научный руководитель факультета управления и политики МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
e-mail: igu-mgimo@yandex.ru

нителя и ведущей нации, использовать этот уникальный исторический шанс для создания новой исторической общности — советского, а впоследствии российского гражданина? К сожалению, нет. Россия, русское общество, правовое состояние человека и гражданина очень скоро перестали быть образцом прогресса и благополучия для стран Восточной Европы, Прибалтики, прогрессивной части населения. Вместе с тем русская культура оставила глубокий след в культурном коде этих народов, помогла им подняться на более высокий цивилизационный уровень, а русский язык стал для многих языком межнационального общения, вторым государственным языком и в массовом порядке также и родным языком.

Очевидно и то, что для построения демократического правового государства (что не удалось СССР) Россия должна отказаться от национального принципа строительства федерации в пользу общегражданско-территориального начала. После известной речи Сталина об особой роли русского народа в победе над фашизмом и строительстве социализма (что на самом деле было правдой) русский национализм получил новый импульс и доминирование русских в общегосударственных делах усилилось. В республиках, в свою очередь, отодвинули на задний план принцип «классового братства» и вспомнили о своих национальных особенностях, зачастую противопоставляя себя русским. Допущенную советскими властями в процессе образования СССР ошибку — строительство федерации не по территориальному и общегражданскому, а по национальному принципу — можно было исправить после завершения Второй мировой войны. Время для этого было самое удобное — страна и народ находились на подъеме и искали новые пути развития. Однако шанс был упущен, а в дальнейшем подобной возможности уже не представилось как по объективным, так и по субъективным причинам. Республики слишком укрепились, и дальнейшее развитие страны вело ко все большему расширению их прав. Особенно большой разрыв по всем параметрам образовался между исламскими регионами и остальной частью страны, причем мировоззренческие и бытовые противоречия между мусульманами и европейско-христианским

большинством населения с каждым днем становились все более ощутимыми. Приведу один только факт: до 1960 года в Советском Союзе насчитывалось немногим более 800 мечетей, а перед крушением СССР их число дошло до восьми тысяч.

Объективных и субъективных причин развала СССР можно назвать десятки и сотни, но они уже не столь важны. Важен результат, а он, к сожалению, негативный. Все отвернулись от России: и дрейфующая в Евросоюз братская Украина вместе с полученными в придачу Харьковской, Днепропетровской областями, Одессой и еще рядом территорий, и шарахающаяся из стороны в сторону Белоруссия, и стоящие на позициях резкой конфронтации Грузия и Прибалтика, и исламские Азербайджан, и Средняя Азия. К сожалению, этот процесс продолжается и сегодня: десятки народов, входящих в состав России (население Северного Кавказа, Татарстана, Тывы и т. п.) не идентифицируют себя в качестве носителей русской культуры. Лично у меня нет сомнений, что все они, по примеру Татарстана или Чечни, будут стараться постепенно расширить свои права до ассоциированного членства в федерации, а потом в разное время выйти из состава России, при этом попытки удержать их со временем станут экономически невыгодны, политически затруднительны — ведь цивилизационная общность и экономическая привлекательность уже будет потеряна. Эти народы очень уверенно идентифицируют себя именно как татары, чеченцы и т.д., отчуждаясь от российской общности. У них другой цивилизационный код, и этот фактор сегодня только усугубляется. В современном мире это главный критерий. Здесь уместно вспомнить во многом поучительную историю Великобритании. Правда, она сама инициировала цивилизационный «развод», сохранив при этом заметную культурную и экономическую привлекательность для своих бывших колоний и доминионов и продолжала оставаться значительно более развитой и благополучной, чем они. В нашем случае ряд стран Восточной Европы и Прибалтики уже сегодня имеют значительно более высокий уровень благополучия, чем вечно беспокойная и реформирующаяся Россия. Сегодня тот же Татарстан представляет собой более благополучный субъект федерации, чем

другие ее составные части (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга). Подобная мина, заложенная в этот союз, не говоря уже о цивилизационном отчуждении в условиях растущей религиозности, обязательно когда-нибудь взорвется.

С великим сожалением придется констатировать, что наши предки так и не смогли организовать нормальную жизнь в стране, в результате чего страдал не только сам русский центр, но и все народы, входящие в огромную империю. Есть ли на земле другая страна, где народ подвергался бы таким страданиям и унижениям со стороны своих же правителей, ведущих себя, как оккупанты на чужой и враждебной территории? Невозможно винить во всем Запад и внутреннюю пятую колонну в лице либералов и не признавать собственных неудач, если не сказать бездарности, в организации государственной власти и общественной жизни. Этот подход не выдерживает никакой критики. Ведь это русская знать во главе с Романовыми находилась на вершине власти при монархии, а в советский период доминирование русских в государстве также было неоспоримо (тот же Сталин не считал себя грузином). Разве евреи или казахи расстреляли белую армию, цвет русской нации? И разве не русский народ допустил, чтобы к власти пришли интернационал-авантюристы во главе с Ульяновым-Лениным, который покончил с российским парламентаризмом и положил начало красному террору и тоталитарному государству? А дальше — Сталин, перед зверствами которого в отношении собственного народа тускнеют «подвиги» Чингисхана и других тиранов Средневековья. Эксцентричный экспериментатор Хрущев, своими безумными действиями спровоцировавший Карибский кризис и чуть не начавший третью мировую войну. Недалекий добродушный жизнелюб Брежнев с группой старых полуграмотных ретроградов, которые совместными усилиями довели страну до глубокого застоя. Слабовольный политик и неудачливый реформатор Горбачев, при котором системный кризис получил логическое завершение. И, наконец, Ельцин, неуравновешенный популист, разрушитель, нанесший непоправимый вред государственным интересам, территориальной целостно-

сти страны (Крым, Северный Казахстан, Донбасс и т.д.), национальному духу и общественной морали. Да и сегодня российская власть мало изменилась, добавилась лишь социальная демагогия. Итог — отрицательный рост (а попросту говоря — уменьшение) населения на протяжении вот уже 20 лет. Страна остается непредсказуемой и неблагополучной, поскольку главная проблема — переход к гражданскому обществу, правовому государству, парламентаризму и предсказуемой смене первых лиц — в России еще не решена.

Неоспоримо одно: неудачи России, ее ослабление могут сопровождаться серьезнейшими, возможно, непоправимыми геополитическими последствиями, в первую очередь, усилением исламского мира, не скрывающего своих агрессивных намерений в адрес неизмеримо более свободного и прогрессивного христианского мира, западной цивилизации. Проявление агрессии — это не только терроризм или притеснение христиан, но и взрывной демографический рост — своеобразный «джихад» по отношению к другим цивилизациям, что ставит перед мировым сообществом новые, пока не до конца осознанные проблемы. К примеру, число жителей расположенного рядом с Россией Афганистана даже в условиях страшной бедности и перманентного военного положения удваивается в течение 12–13 лет (в настоящее время это 31 млн человек), то есть уже к 2050-м годам будет превосходить население России (которое, по прогнозам, к этому времени еще сильнее уменьшится и составит 128–135 млн человек, причем минимум 30–40 млн из них не будут считать себя носителями российской культуры). В итоге этот ничего не производящий воинственный народ окажется перед перспективой голодной смерти — или же вместе с 250-миллионным Пакистаном (число жителей которого к середине XXI века составит не менее 350–400 млн) и другими нашими «добрыми» соседями, такими как Турция или Иран, предложит нам «по-соседски» поделиться нашим несметным добром. Другой наш «добрый» сосед, могучий полуторамиллиардный Китай, предпочтет известный конфуцианский принцип: «Когда два хищника дерутся, тигр сидит на горе и ждет исхода борьбы и только потом вступает в бой и легко побеждает ослабевших про-

тивников». И, кстати, другой «могучий тигр» — Америка — если и не «сидит на горе», то всегда находится рядом на могучих авианосцах, чтобы по праву сильного вступить в игру тогда, когда ему это необходимо. Вот такой расклад сил, дорогой читатель, формируется в мире — а как будут развиваться события, можно только гадать...

Трагедии российской жизни, несомненно, по большей части представляют собой результат внутренних проблем. Даже нападения извне во многом провоцировались ослаблением государственности и потерей управляемости страны. Уверен, что, не будь в нашей истории бескомпромиссной гражданской войны, унесшей около десяти миллионов жизней, последовавших за ней разрухи и голодомора, сталинского террора, расстрела высшего офицерского состава армии и общего ослабления страны, события в Европе развивались бы по-другому и заурядный политик Гитлер не стал бы «великим фюрером Третьего рейха».

Вся история России показывает, что она развивается не эволюционно, а в прямой зависимости от личных качеств очередного царя, вождя, генсека, президента. Вся деятельность государственных органов и даже международные отношения строятся в соответствии с мировоззрением правителя. Если учесть, что и сегодня отсутствуют реальные правовые институты, обеспечивающие принцип сдержек и противовесов властных структур, не достигнута фактическая независимость друг от друга законодательных, исполнительных и судебных органов, а политическую деятельность имитируют созданные властью квазипартии и ручная «оппозиция», можно уверенно делать вывод, что политика страны останется неурегулированной, во многом обусловленной субъективными факторами. Уход очередного первого лица и замена его на другого создает непредсказуемые последствия для всей политической системы с возможной потерей управляемости. Так было и в 1917 году, и в 1991-м.

Россия сегодня претендует на признание международным сообществом демократичности своей государственной власти, ее границы открыты, национальная российская валюта — рубль — конвертируем, большое количе-

ство россиян (цифры варьируются от 5-7 млн.) эмигрировали, во многих случаях сохраняя юридическую или фактическую связь с родиной. Процесс эмиграции, особенно российских немцев (2,5 млн.), евреев (более полмиллиона), почти завершен. Значительное количество представителей элиты и бизнеса обосновались за рубежом, продолжая работать в России. Разумеется, все это сказывается и будет менять облик России в сторону вестернизации. Встречный поток — миграция в Россию — значительно мощнее первого и происходит преимущественно из трудно ассимилируемой исламской среды. Этот процесс неконтролируемо продолжается, и есть опасность, что он может дойти до точки невозврата. Для слабо развитой, противоречивой общественно-гражданской системы многонациональной России, имеющей в своем составе многомиллионное исламское население, усиление чужой противостоящей культуры может стать исключительно сложным, разрушающим изнутри страну фактором.

Россия остается авторитарной страной, с нерешенной важнейшей проблемой легитимной, правовой смены высшей власти. Ее главная опора — не гражданское общество или политико-партийная система, а чиновничье-силовые структуры. И сегодня, как и на протяжении всей своей истории, единственным реально действующим государственным институтом остается возвышающийся и доминирующий над всем государственным механизмом институт единоличной власти, названный сегодня президентом. Остальные ветви: законодательная, исполнительная власть, органы правосудия — строго вмонтированы в президентскую вертикаль.

Внешнеполитические успехи стран, сравнительная экономическая стабильность посткризисного периода и первые скромные признаки подъема экономики доказывают, что выбрана оптимальная тактика развития страны. Великое доверие подавляющего большинства населения Президенту страны дает надежду, что в новый срок своего избрания он постарается задействовать механизм и других ветвей власти, сделать их реальными участниками управления страны....

Литература:

1. Торкунов А.В. Исторический опыт Октябрьской революции // Политический класс. 2007. № 36 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
2. Торкунов А.В. Религии мира в современных международных отношениях // Выступление на международной конференции в МГИМО, апрель 2007 года // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.

RETURNING TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE OCTOBER REVOLUTION ...

The older generation has first-hand knowledge of many events, but the younger people may think that the events that are being discussed occurred two centuries ago – perhaps they didn't take place at all. But in terms of history everything happened very recently, moreover, in a sense, history is repeating itself today. Human mentality, traditions and especially state-legal practice are surprisingly tenacious ...

Robert Yengibaryan,
Scientific Supervisor of the School of Governance and Politics, MGIMO(University) under the MFA of Russia, Merited Scholar of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor

Ключевые слова:

Октябрьский переворот, этническая принадлежность, цивилизационный код.

Keywords:

October revolution, ethnicity, civilizational code.

References:

1. Torkunov A.V. Istoricheskii opyt Oktiabr'skoi revoliutsii [Historic Experience of the October Revolution]. Politicheskii klass [Political Class]. 2007. № 36. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.*
2. Torkunov A.V. Religii mira v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh [Religions of the World and Modern International Relations]. Vystuplenie na mezhdunarodnoi konferentsii v MGIMO, aprel' 2007 goda [Speech at the International Conference in MGIMO, April, 2007]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТНОГО ПРАВА СТРАН СНГ И БАЛТИИ

Павел Шушканов*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-8-14

Введение. В статье рассматриваются вопросы формирования современной системы частного права на постсоветском пространстве и влияние на эти процессы гражданского права России и гражданского права СССР. После распада Союза каждая из бывших республик выбрала свой путь формирования гражданского законодательства и частного права как отрасли национального права. Однако сложившиеся за столетия совместного существования принципы построения права, особенности регулирования имущественных и неимущественных отношений не могли не повлиять на данные процессы. Несмотря на независимость частноправовых отраслей бывших союзных республик, они имеют схожие черты, а в некоторых случаях даже минимальные различия. Автор рассматривает вопросы взаимовлияния частного права на постсоветском пространстве на примере нескольких среднеазиатских республик, России, Украины, Белоруссии и Литвы.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере гражданского права: сравнительно-правовой метод; формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что многие принципы и нормы частного права государств на постсоветском пространстве схожи и имеют общие источники формирования, несмотря на использование законодателями опыта стран с институциональной системой частного права при составлении кодифицированных гражданско-правовых актов.

Обсуждение и заключение. Выявлено и обосновано стремление законодателя при работе над проектами кодифицированных гражданско-правовых актов (Гражданских и хозяйственных кодексов) отдавать приоритет стабильности и преемственности в экономических и личных имущественных и неимущественных отношениях с целью предостережения экономики и системы гражданских правоотношений от социально-экономических потрясений.

* **Шушканов Павел Александрович**, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
e-mail: izekkil@yandex.ru

Развитие частного права – процесс, как правило, эволюционный, не терпящий масштабных реформ. В течение десятилетий формирование частного права на постсоветском пространстве осуществлялось по определенным, заложенным в начале 90-х г.г. XX века, принципам, в основе которых лежат еще более глубокие правовые корни. Сейчас, в период реформирования гражданского законодательства, в некоторых постсоветских республиках огромный научный интерес вызывает изучение процессов изменения заложенных в частное право основ, делавших гражданское законодательство практически во всех странах бывшего СССР схожим, что делает исследования подобного рода актуальными, особенно учитывая тот факт, что такие научные исследования являются крайне редкими. Наиболее близко к изучению основ частного права на постсоветском пространстве были только работы А.Л. Маковского [5], касающиеся, прежде всего, кодификации гражданского законодательства Российской Федерации. Заслуживают внимания и другие интересные работы [См., например: 6, 8, 9]. Весьма интересны и суждения крупных ученых о реалиях современного мира [См., например: 7].

Гражданское право практически всех постсоветских республик относится к пандектной¹ подсистеме континентальной системы частного права. Следовательно, им присущи такие общие черты, как: отсутствие дуализма гражданского законодательства (разделение Гражданского кодекса на непосредственно Гражданский и Торговый кодексы), наличие кодификации с выделением общих положений и разделение материальных и процессуальных норм. Попытки внедрения дуалистического подхода к частному праву были безуспешны практически во всех республиках бывшего СССР. Так, в 1993-94 г.г. при разработке проекта гражданского кодекса Республики Казахстан рассматривался вопрос о возможности принятия отдельного Хозяйственного кодекса, который вобрал бы в себя правоотношения торгово-экономического характера между хозяйствующими субъектами, однако проект был отклонен и не только по соображениям целесообразности.

Гражданское право стран СНГ и России, в частности, имеет общие корни. Не стоит забывать о том, что в его основе лежат в

первую очередь не многовековые традиции формирования частного права и не классические примеры пандектного или институционного кодексов (Германское гражданское уложение и Гражданский кодекс Наполеона, соответственно), а в первую очередь структура кодекса советского образца, основы построения которых заложены в 1922-м году. В этом, по мнению ученых цивилистов [4], состоит одна из особенностей о российского гражданского законодательства.

Не будем также забывать, что в основе гражданского законодательства бывших союзных республик лежит один кодифицированный акт – Основы гражданского законодательства Союза ССР 1991 года. Закон был призван подготовить почву для крупного реформирования советского гражданского законодательства – принятия кодексов союзных республик в период с 1991 по 1993 г.г., и частично свою задачу он выполнил. Основы гражданского законодательства Союза ССР 1991 года, несмотря на особый подход к гражданско-правовому регулированию общественных отношений, по своей природе были типичным кодифицированным актом с чертами построения, присущими пандектному праву, положенному в основу российского частного права еще со времен проекта Гражданского уложения Российской Империи. Пребывание в правовом поле пандектного частного права в течение многих десятилетий (даже учитывая особый «урезанный» характер советского гражданского права) не могло не сформировать особое восприятие частного права как системы норм, направленных на регулирование имущественных и неимущественных отношений вне зависимости от субъекта. В отличие, скажем, от французского частного права, где критерием выделения отрасли гражданского права является именно субъект. Таким образом, отношение к пониманию гражданского права как отрасли сыграло большую роль, чем стремление к механическому копированию системы кодификации по голландскому, бельгийскому, французскому образцам. Сохранение пандектных принципов в формировании частного права можно считать положительным влиянием остатков советского гражданского права в период формирования нового законодательства стран СНГ в вопросе сохранения своеобразной единой модели правового пространства (если говорить не об общем законодательстве по об-

¹ Способ систематизации норм частного права. Заключается в том, что нормы гражданского кодекса подразделяются на общую и особенную (специальную) части.

разцу таможенного, а об общих принципах его формирования).

В то же время многие недостатки советского и российского частного права были частично восполнены законодателями бывших союзных республик, что приводило к огромным различиям в вопросах структуры гражданского права. Если обратиться к Гражданскому кодексу Грузии², к примеру, мы увидим, что семейное право занимает свое место среди гражданско-правовых норм без намека на выделение в отдельную частно-правовую отрасль. Однако данный процесс не следует считать чуждым единой системе гражданского права постсоветского пространства. Вспомним, что разделение семейного и гражданского права было во многом искусственным и началось с разделения источников гражданско-правовых и семейно-правовых норм. Изначально в российском гражданском праве, как и в большинстве других стран, семейное право не выделялось в качестве самостоятельной отрасли ни в теории, ни в структуре законодательства. Проект Гражданского уложения Российской Империи содержал целую книгу (Книга Вторая «Семейственное право»), призванную регулировать семейные правоотношения. Идея о разделении частного права на гражданское и семейное пришла много позже, после Октябрьской революции 1917 года. По идеологическим соображениям семейное право было противопоставлено гражданскому. Если семейное право – отрасль, регулирующая формирование ячейки социалистического общества, то гражданское – пережиток буржуазного общества, который неизбежно постигнет отмирание. Законодатель всячески стремился «очистить» семейное право от любых экономических отношений, что выразилось в принятии отдельного семейного кодекса, а потом и в доктринальном «сепаратизме», искусственно разделившем, хоть и не окончательно, две частноправовые отрасли. Возврат имущественных отношений в семейные в 1995 году способствовал возникновению новых взглядов на место семейного права в структуре частного. Но не будем забывать, что у семейного и гражданского права по сути один предмет – имущественные и личные неимущественные отношения, а раздел отраслей проходит преимущественно по субъекту (что при аналогии с наследственным правом делает такое деление абсолютно бессмысленным). Французское и немецкое гражданское право включают в

свой состав семейные правоотношения. При этом, если во французском праве это продиктовано отношением к самому понятию гражданского права как права граждан, то в немецком – логикой построения структуры частного права исходя из предмета правового регулирования. В связи с этим, включение законодателем Грузии семейно-правовых норм в гражданское законодательство представляется логичным и обоснованным. В реалиях российского права подобное невозможно, поскольку гражданское и семейное законодательство относятся, согласно ст. 71 и ст. 72 Конституции РФ, к ведению федерации и совместному ведению, соответственно.

Кроме того, в Гражданском кодексе Грузии сосредоточены нормы о жилищных отношениях, поскольку не существует отдельного кодифицированного акта. Это дает основание на включение жилищного права в гражданское как подотрасли, что в российском частном праве является спорным вопросом. В течение долгого времени в России не существовало единого подхода к определению жилищного права в структуре гражданского. Его было принято выделять как составную часть гражданского права [1. С. 21], комплексный институт на стыке гражданского и административного права [3. С. 28], либо и вовсе выделять в отдельную отрасль Российского права [2. С. 13].

Следует заметить, что гражданское законодательство республик Средней Азии на постсоветском пространстве практически идентично как по структуре кодексов, так и системе дополнительных гражданско-правовых законов (Законы об ипотеке, О рынке ценных бумаг, О банкротстве и т.п.). Структура Гражданского кодекса Киргизской Республики практически в точности повторяет аналогичные структуры кодексов России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана как по общим принципам, так и по расположению глав и разделов. Свою определенную роль в этом сыграл Модельный гражданский кодекс, принятый на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 года (далее – Модельный кодекс). Однако, если мы посмотрим на структуру модельного кодекса и сравним его с Гражданским кодексом Казахстана, Узбекистана или Киргизии, проглядывается копирование структуры и норм не из положений модельного

² Вступил в действие в 1997 году.

кодекса, а скорее Гражданского кодекса РФ. Особенно это касается первой части каждого из упомянутых кодексов.

Что касается различий, они, безусловно, есть. Гражданский кодекс почти каждой среднеазиатской республики содержит раздел об интеллектуальной собственности во второй либо третьей части. Что же касается России, часть гражданского законодательства об интеллектуальной собственности была принята существенно позже, но является более подробной. Здесь налицо копирование законодателями среднеазиатских республик норм Модельного кодекса, в то время как в России по причине действия разрозненного законодательства об охране интеллектуальной собственности и серьезной работы по его кодификации в связи с вступлением во Всемирную торговую организацию, процесс включения в ГК РФ норм об интеллектуальной собственности существенно затянулся.

Существуют и другие расхождения. Вопреки рекомендациям Модельного кодекса, гражданское законодательство Казахстана имеет очень урезанный перечень организационно-правовых форм юридических лиц и в то же время включает в него не существующие ни в Модельном кодексе, ни в ГК РФ товарищества с ограниченной ответственностью. Здесь проявляется нежелание законодателя менять сложившуюся систему хозяйствующих субъектов, действующую в хозяйственном обороте с 1992-го года в угоду унификации гражданского законодательства.

Существенны и различия в структуре гражданского права Казахстана и РФ. К примеру, гражданское право России выделяет в качестве подотрасли жилищное право, в то время как в казахстанском частном праве жилищное право - самостоятельная отрасль. Подобное расхождение обусловлено тем фактом, что ГК Республики Казахстан не содержит норм, регулирующих право собственности на жилье и земельные участки, в отличие от российского Гражданского кодекса.

Нередки и вкрапления в гражданское законодательство норм, подчеркивающих культурные особенности нации. Так статья 1 Гражданского кодекса Кыргызской республики содержит норму следующего содержания « Особенности отношений в области исламских принципов банковского дела и финансирования регулируются другими законами. К отношениям в области исламских принципов банковского дела и финан-

сирования настоящий Кодекс применяется в части, не урегулированной другими законами», что подчеркивает особенности вероисповедания и роль ислама в культурной жизни Кыргызской Республики.

Тем не менее кодифицированное гражданское законодательство республик постсоветского пространства, а именно - России, Белоруссии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана в целом достаточно унифицировано, чтобы говорить о единой модели частного права постсоветского пространства, не противоречащей принципам построения пандектного права и входящей в него.

Совершенно иная ситуация с кодификацией гражданского законодательства Украины. Подчеркнем основные особенности Гражданского кодекса Украины и его отличия от кодексов других постсоветских республик.

Для начала остановимся на том, что украинскому частному праву присущ дуализм, который не наблюдается в пандектной подсистеме континентального права. Таким образом, законодатель демонстрирует скорее институционный подход к кодификации гражданских норм, разделяя кодексы на непосредственно Гражданский кодекс Украины 2003г. и Хозяйственный кодекс Украины 2003г. При этом оба кодекса регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, но используют разную терминологию и частично противоречат друг другу. Но, оставив в стороне правовое регулирование общественных отношений, обратимся к структуре кодексов. Гражданский кодекс Украины имеет двойственную природу. С одной стороны, он повторяет деление кодифицированного частного законодательства Франции и других стран с институционным гражданским правом на разделы (книги): лица, собственность, обязательства. Но, с другой стороны, он содержит Раздел 1. «Общие положения», что кодексам институционного типа не свойственно. Напомним, что институционное гражданское право вообще не знает деления норм на общие и специальные, таким образом, гражданский кодекс Украины сочетает в себе черты как институционного, так и пандектного закона. Хозяйственный кодекс Украины - типичный институционный акт.

Однако нельзя относить Украину к системе стран с институционной системой гражданского права лишь на этом основании, поскольку второй особенностью гражданского законодательства Украины является продолжительность работы над новыми

кодифицированными актами. В большинстве постсоветских республик принятие новых гражданских кодексов пришлось на 1994 год, после предварительной работы над проектами. В то же время работа над кодификацией гражданского права на Украине затянулась почти на 10 лет. До момента вступления в силу Гражданского и Хозяйственного кодексов в 2004 году на территории Украины действовал Гражданский кодекс Украинской ССР от 18 июля 1963 г. При работе над проектами модельный кодекс законодателем Украины использован не был, однако, несмотря на использование моделей кодификации стран Западной Европы при работе над проектом ГК и ХК Украины, основы правового регулирования имущественных и неимущественных отношений, заложенные советским частным правом, в новой кодификации сохранились. Украина не смогла уйти в систему институционного частного права, поскольку различия между ним и пандектным правом гораздо глубже, чем использование принципа дуализма частного права. Таким образом, влияние, оказанное советским гражданским законодательством на формирование украинского частного права является достаточно глубоким, чтобы можно было говорить о полном разрушении единого пространства пандектного права и частного права стран постсоветского пространства.

Третьей особенностью кодификации является выделение семейно-правовых норм за пределы гражданско-правового регулирования и формирование отдельной отрасли семейного права по российскому образцу. Это обстоятельство делает гражданское право Украины еще более запутанным. При дуализме частного права семейные правоотношения всегда относятся к гражданским, поскольку затрагивают граждан и их права. В то время как в частном праве Украины мы видим сразу три независимые отрасли:

- гражданское право (за исключением семейных норм);
- семейное право;
- хозяйственное право (противоречащее частично гражданскому).

Аналогичная ситуация характерна и для кодификации частного права Литвы. Безусловно, как член Европейского союза, Литва максимально старалась приблизить гражданское законодательство к европейскому, но процесс работы над проектом Гражданского кодекса также затянулся. Только в 2000 году вступил в силу Гражданский кодекс Литвы, имеющий свои особенности кодифи-

кации. Если сравнивать украинское и литовское гражданское законодательство, можно обнаружить много схожих черт в процессе кодификации:

- в обеих республиках в течение десятилетия после независимости действовало гражданское законодательство (ГК) советского образца;
- оба кодекса имеют структуру построения разделов (книг), характерную для институционной системы;
- законодатель как Литвы, так и Украины не отказался от деления норм на общие и специальные и ввел в кодекс раздел «Общие положения».

Однако гражданское законодательство Литвы имеет черту, в корне отличающую его от украинского частного права и сближающую с правом пандектным - монизм частного права. Гражданские и хозяйственные отношения регулируются единым кодифицированным актом. И второе - гражданский кодекс Литвы регулирует семейно-правовые нормы.

При разработке проекта гражданского кодекса Литвы были использованы модели кодификации как Германии, так и Франции, что не могло не отразиться на структуре кодекса. Однако не обошлось и без влияния советских частноправовых норм. В основе работы над кодификацией гражданского законодательства, литовский законодатель исходил из принципов стабильности экономики и непрерывности частного права. Резкий переход на новую систему гражданских правоотношений вызвал бы социально-экономические потрясения, которые негативно отразились бы на гражданских и хозяйственных отношениях. Поэтому переход от Гражданского кодекса Литовской ССР к Гражданскому кодексу Литовской республики произошел плавно, с сохранением многих ранее действующих норм.

Изучение развития частного права на постсоветском пространстве показывает, что, несмотря на культурные, политические, религиозные различия между государствами, необходимым условием для стабильности экономики является отказ от революционных реформ частного права в угоду перечисленным выше условностям.

Таким образом, для большинства стран постсоветского пространства характерно влияние гражданского права, сложившегося в 1964 году в СССР и гражданского права России. Несмотря на различия в кодификации и выборе принципа построения частного права (монизм или дуализм), многие нор-

мы, заложенные советским правом остаются неизменными на пространстве от стран Балтии до Тихого океана: понятие гражданского законодательства, правовое положение граждан, общие понятия обязательственного права, понятие договора и его правовая природа, отдельные традиционные виды

обязательства, наследственное право. В основе частного права каждой постсоветской республики лежат одинаковые принципы: свободы договора, неприкосновенности собственности, невмешательства в частные дела.

Литература:

1. Брауде И.Л. Некоторые вопросы системы советского права // Ученые записки ВШОН. 1955. Вып. 4.
2. Корнеева И.Л. Жилищное право Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2004.
3. Литовкин В.Н. Жилищное право, жилищное законодательство – соотношение с гражданским правом // Новый Гражданский кодекс России и отраслевое законодательство. М., 1995.
4. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права М., 2010.
5. Makovskii A.L. A new stage of development of private international law in Russia // Review of Central and East European Law. 1996. Т. 22. № 6.
6. Raff, M., Taitslin, A. A Comparative Perspective on the Concept of Ownership in Russian Law: From the Svod Zakonov to the 1994 Civil Code // Review of Central and East European Law. 2016. Volume 41. Issue 3-4.
7. Торкунов А.В. Новая Россия в новом мире // Вступительная статья к изданию: Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 томах / Председатель ред. коллегии А.В. Торкунов; сост. Т.А. Шаклеина. Т. I. М., 2002 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
8. Bílková, V. Sovereignty, Property and the Russian Revolution // Journal of the History of International Law. 2017. Volume 19. Issue 2.
9. Ampleeva, T.Yu., Karaulova, J.A., Constitutional control in Russia: Issues of evolvement, theory and practice // Giornale di Storia Costituzionale. Volume 33. Issue 1. 2017.

THE DISTINCTIVE FEATURES OF THE RUSSIAN CIVIL LEGISLATION AND THE FORMATION OF PRIVATE LAW IN THE CIS AND BALTIC STATES

Introduction. *The article explores the issue of formation of the modern system of private law in the FSU states and the influence of the civil law of Russia and the civil law of the USSR on these processes. After the disintegration of the Soviet Union each of the former republics chose their way of developing civil law and private law as a branch of national law. However, the principles of law, peculiarities of regulation of property and non-property relations that had developed over centuries of co-existence could not but affect these processes. Despite the independence of the private law branches of the former Soviet republics, they have similar features, and in some cases even minimal differences. The author considers the issues of interaction of private law in the post-Soviet states using the evidence of several of the Central Asian republics, Russia, Ukraine, Belarus and Lithuania.*

Materials and methods. *Methodological basis of research consists of the following general scien-*

tific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the field of civil rights law: a comparative legal method, formal logical method.

The results of the study. *The result of the analysis revealed that many of the principles and rules of private law of the FSU states are similar and have common sources, despite the use by legislators of experiences of the countries with the institutional systems of private law in the preparation of codified civil legal acts.*

Discussion and conclusions. *Desire of the legislator working on drafts of codified civil acts (Civil and Economic Codes) to give priority to stability and continuity in economic and personal property and non-property relations with the purpose of preventing the economy and the system of civil legal relations from socio-economic shocks is revealed and justified.*

Pavel Shushkanov,
Candidate of Science (Law), PhD , Head,

Department of Civil Law Disciplines, State
University of the city of Bryansk

Ключевые слова:

система гражданского права, кодификация, пандектное частное право, институциональное частное право, гражданское право СНГ, цивилистика, дуализм частного права, гражданский кодекс, основы гражданского законодательства.

Keywords:

civil law system, codification, pandectae private law, institutional private law, civil law, the CIS, the civil law, the dualism of private law, the civil code, the fundamentals of civil legislation.

References:

1. Braude I.L., 1955. Nekotorye voprosy sistemy sovetskogo prava [Some Issues of Soviet Law]. *Uchenye zapiski VSHON [Proceedings of the Higher School of Social Sciences]*. Issue. 4.
2. Korneeva I.L., 2004. Zhilishhnoe pravo Rossijskoj Federatsii [Housing Law of the Russian Federation]. Moscow.
3. Litovkin V.N., 1995. Zhilishhnoe pravo, zhilishhnoe zakonodatel'stvo – sootnoshenie s grazhdanskim pravom [Housing Law, Housing Legal Acts in their Relation to Civil Law]. *Novyj Grazhdanskij kodeks Rossii i otraslevoe zakonodatel'stvo [New Civil Law of Russia and Sectoral Legislation]*. Moscow.
4. Makovskij A.L., 2010. O kodifikatsii grazhdanskogo prava [On Codification of Civil Law]. Moscow.
5. Makovskii A.L., 1996. A new stage of development of private international law in Russia. *Review of Central and East European Law*. Vol. 22. № 6.
6. Raff, M., Taitslin, A., 2016. A Comparative Perspective on the Concept of Ownership in Russian Law: From the Svod Zakonov to the 1994 Civil Code. *Review of Central and East European Law*. Volume 41. Issue 3-4., Pages 263-341
7. Torkunov A.V. Novaia Rossiia v novom mire [New Russia in The New World]. Vstupitel'naia stat'ia k izdaniuu: Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1991-2002: Khrestomatii: V 4 tomakh [Introductory Article for the Edition: Foreign Policy and Security of Modern Russia]. Predsedatel' red. kollegii [Chief of the Editorial Board] A.V. Torkunov; sost. T.A. Shakleina. T. I. Moscow, 2002. Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
8. Bílková, V., 2017. Sovereignty, Property and the Russian Revolution. *Journal of the History of International Law*. Volume 19. Issue 2.
9. Ampleeva, T.Yu., Karaulova, J.A., 2017. Constitutional control in Russia: Issues of evolvement, theory and practice. *Giornale di Storia Costituzionale [Journal of Constitutional History]*. Volume 33. Issue 1.

РАБОТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМУ ДОГОВОРУ

Анна Иванчак*
Оксана Кравченко**

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-15-21

Введение. Значимой новеллой последних лет стало дополнение Трудового кодекса (ТК) РФ отдельной главой, регламентирующей труд иностранных граждан. Вместе с тем, российский закон допускает трудоустройство иностранцев и по гражданско-правовому договору. Однако особенности регулирования такого рода отношений не нашли своего отражения в гражданском законодательстве. Такое положение дел создает определенные сложности на практике. В настоящем исследовании предпринята попытка обосновать необходимость разработки института найма иностранных граждан в рамках гражданско-правового регулирования. В этой связи проводится анализ правовой природы подрядного договора, его отличий от трудового договора, а также оснований возникновения подрядных отношений с иностранным гражданином.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили такие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного частного права, как: метод анализа и синтеза социально-правовых явлений; метод системно-структурного анализа; формально-логический метод; метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что осуществление трудовой деятельности по договору подряда – широко распространенное явление, в том числе и среди иностранных граждан. Вместе с тем, как и устройство на работу на основании трудового договора, правовое регулирование труда иностранцев по договору подряда должно отражать специфику статуса названных субъектов, поскольку на практике подобные пробелы в законе создают для участников данных правоотношений ряд трудностей.

Обсуждение и заключение. Обосновано мнение о том, что включение отдельных глав, закрепляющих особое положение иностранных лиц, осуществляющих деятельность по гражданско-правовому договору, в текст Гражданского кодекса (ГК) РФ представляется наиболее оптимальным решением, поскольку отсутствие подобной кодификации и коллизии норм, применяемых при регулировании труда иностранных граждан в сфере подрядных отношений, препятствуют надлежащей реализации субъективных прав названными субъектами и зачастую не позволяют им сделать выбор в пользу осуществления деятельности на основании договора подряда.

* **Иванчак Анна Ивановна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России
e-mail: ivanchak@mail.ru.

** **Кравченко Оксана Владимировна**, магистрант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России
e-mail: oksana.kravchenko95@gmail.com

Введение

Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет понятие трудовой деятельности иностранного гражданина, которое охватывает его работу на основании как трудового договора, так и гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг)¹. Вместе с тем, законодатель не проводит разграничение правового режима осуществления иностранцами указанных видов деятельности. В действующем гражданском законодательстве отсутствует специальная глава, в которой были бы отражены особенности данных правоотношений по аналогии с гл. 50.1. Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства»². Иными словами, закон не устанавливает специфику правового режима деятельности по договору подряда для особой категории лиц - иностранных граждан.

В то же время анализ ст. 2 Гражданского кодекса РФ, закрепляющей принцип национального режима в отношении иностранных граждан, позволяет утверждать, что иностранный подрядчик имеет такие же права и обязанности, как и подрядчик-российский гражданин [3. С. 179]³. Возникает вопрос: не нарушит ли стремление к обособлению отдельных категорий подрядных работников единство правового регулирования такого рода отношений [5]? Насколько необходима и практически обоснована разработка гражданско-правового института, отражающего специфику труда иностранных граждан? Ответ на поставленные вопросы, в частности, требует изучения особенностей и оснований возникновения подрядных отношений с иностранным гражданином.

Исследование

Согласно ст. 702 ГК РФ, договор подряда – это договор на выполнение определенных видов работ, в котором одна сторона (подрядчик) обязуется перед другой стороной (заказчиком) выполнить работы, перечень которых указан в договоре, и сдать её результат заказчику в заранее оговоренные

сроки, а последний обязуется принять результаты работ и оплатить их.

Приведенное законодательное определение весьма удачно тем, что позволяет сразу обозначить предмет соглашения и его стороны. Что касается предмета, то это, в первую очередь, сам процесс работы и ее овеществленный результат. Закон устанавливает, что договор заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику.

Однако, что касается статуса сторон подрядного договора, ситуация несколько сложнее, учитывая, что в Гражданском кодексе РФ они лишь поименованы в качестве «заказчика» и «подрядчика». Чтобы очертить статус иностранного гражданина как подрядчика, необходимо обратиться к Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Согласно положениям названного Закона, заказчиком работ (услуг) является физическое или юридическое лицо, получившее в установленном порядке разрешение на привлечение и использование иностранных работников и использующее труд иностранных работников на основании заключенных с ними гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг). Дополнительно устанавливается, что заказчиком может выступать иностранный гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. Закон связывает право заказчика привлекать и использовать иностранных работников с наличием у него разрешения на привлечение и использование таких лиц, а право иностранного гражданина осуществлять трудовую деятельность – с достижением возраста восемнадцати лет, а также с наличием разрешения на работу или патента.

Кроме названного, следует обратить внимание ещё на ряд особенностей трудоустройства иностранных граждан. Во-первых, разрешение на работу или патент, являясь документами, подтверждающими право иностранного гражданина на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности, не тождественны и не взаимозаменяемы [1. С. 119-120]. Так, разрешение необходимо для

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 № 115-ФЗ // Российская газета. 2004. 7 июля. № 153.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ Российская Газета 2001. 31 дек. № 256.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238239.

тех категорий лиц, которые прибыли в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, в то время как получение патента предусмотрено для иностранных граждан, на которых распространяется безвизовый режим.

Во-вторых, законодатель установил ряд исключений из общего правила в отношении получения названных разрешительных документов. В частности, такого рода разрешения не требуются для трудоустройства постоянно и временно проживающих в РФ иностранных граждан. Таким образом, очевидно, что оформлению гражданско-правовых отношений с иностранным гражданином должно предшествовать определение миграционного статуса последнего: является ли он лицом, постоянно проживающим, временно проживающим или временно пребывающим на территории принимающего государства.

Кроме того, положения ст. 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» также закрепили ряд случаев, освобождающих заказчика по подрячному договору от обязанности получения разрешения на привлечение и использование иностранных работников. Это, среди прочих, случаи заключения договора с лицами, прибывшими в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы; высококвалифицированными специалистами или членами их семей; лицами, обучающимися в Российской Федерации по очной форме в профессиональной образовательной организации или организации высшего образования по основной профессиональной образовательной программе, имеющей государственную аккредитацию.

Не менее важным для установления правового режима труда по договору подряда представляется положение рассматриваемого Закона, запрещающее временно пребывающему в Российской Федерации иностранному гражданину осуществлять трудовую деятельность вне пределов того субъекта РФ, на территории которого ему было выдано разрешение на работу или патент, а также по той профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), которая не указана в подтверждающем документе. Названной норме корреспондирует запрет в отношении заказчика работ привлекать иностранного гражданина к деятельности

вне пределов субъекта РФ, на территории которого последнему было выдано разрешение или патент, а также по не указанной в них профессии. Очевидно, что приведенное правило необходимо для эффективной регламентации деятельности иностранных лиц на территории РФ.

Следует заметить, что в исключительных случаях, с учетом особенностей региональных экономических связей уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти может допустить осуществление трудовой деятельности иностранным гражданином, временно пребывающим в РФ, вне пределов субъекта РФ, на территории которого ему выдано разрешение на работу. Иностранному гражданину, временно проживающему в РФ, в аналогичных случаях может быть допущен к деятельности вне пределов субъекта РФ, на территории которого ему разрешено временное проживание.

Анализ приведенных выше законодательных положений позволяет нам указать на стремление к такой организации деятельности иностранных лиц в РФ, которая одновременно отвечает и критерию безопасности, и критерию наибольшей экономической выгоды.

Положения российского закона детально регламентируют порядок подготовки документов для оформления иностранному гражданину разрешения на работу. Он сопряжен с проверкой федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции (или его территориальным органом) факта постановки лица на учет в налоговом органе (на основании сведений, содержащихся в государственной информационной системе миграционного учета)⁴. Также установлена обязанность заказчика работ, привлекающего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, уведомлять территориальный орган МВД в субъекте РФ о заключении и прекращении (расторжении) договора с данным лицом в трехдневный срок. Уведомление также должно быть подано в случае самовольного оставления иностранным лицом места работы, досрочного прекращения договора подряда, увольнения лица.

Существенным условием договора подряда является срок выполнения работы (оказания услуг). В стандартных договорах, как правило, указываются две даты: срок начала

⁴ С 5 апреля 2016 г. полномочия федерального органа исполнительной власти в сфере миграции переданы МВД РФ, в котором создано Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ).

выполнения работ и срок их завершения. Вместе с тем, по согласованию между сторонами в договоре могут быть предусмотрены также сроки завершения отдельных этапов работы (промежуточные сроки). В таком случае, по общему правилу, подрядчик несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работы. Учитывая данную специфику договорных отношений, заказчик, привлекая временно пребывающих в РФ иностранных граждан, должен удостовериться, чтобы срок действия подрядного договора не превышал срока, на которое иностранным лицам выдано разрешение. В противном случае, возникает риск того, что иностранный гражданин не продлит разрешение на работу и не завершит выполнение работ по договору подряда в полном объеме.

Следует обратить внимание и на специфику различных видов подрядных работ. Действующее гражданское законодательство регламентирует особый порядок и условия выполнения работ в рамках бытового, строительного подряда, подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, а также подрядных работ для государственных или муниципальных нужд.

Сравнительный анализ правового регулирования труда иностранных граждан во Франции свидетельствует о существовании в этой республике ещё более строгого режима устройства на работу по договору подряда [7. С. 98].

Как и в ГК России, Французский Гражданский кодекс (ФГК), где закреплены общие положения о договоре подряда, не содержит специальной главы, в которой были бы отражены особенности гражданских правоотношений с иностранным элементом⁵. Особенности привлечения иностранных лиц к осуществлению деятельности на основании такого договора предусмотрены Кодексом Франции о въезде и пребывании иностранцев⁶. Его положения, в частности, устанавливают необходимость получения разрешительных документов, разновидность которых, как и в России, зависит от миграционного статуса иностранного гражданина.

Так, для лиц, временно пребывающих на территории республики, обязательно получение временного разрешения в целях осуществления деятельности по гражданско-правовому или срочному трудовому договору в течение срока, не превышающего один год. По истечении года, иностранное лицо, имеющее намерение остаться во Франции, имеет право на получение разрешения сроком на четыре года, которое становится документальным подтверждением его деятельности. В дальнейшем, такое разрешение продлевается автоматически в случае, если лицо продолжает удовлетворять критериям, установленным при получении документа. Разрешительный порядок установлен не только для временно пребывающих в стране иностранцев, но и для постоянно проживающих⁷.

Понятие подрядного договора во Франции практически совпадает с определением, приведенным в ГК РФ. Согласно ст. 1710 ФГК, одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить определенную работу по заданию другой стороны (заказчика), которая, в свою очередь, должна принять работу и уплатить за нее обусловленную цену. Как и российское, французское законодательство допускает заключение различных видов договора подряда. Например, специальное законодательство о строительном подряде представлено многочисленными актами, которые имеют как директивное, так и рекомендательное значение. Особого внимания, в этой связи, заслуживают Общие условия строительных работ, подготовленные Association française de normalisation (AFNOR)⁸.

Заслуживает внимания отсутствие во французском законодательстве нормы о необходимости представления отчета о расходовании материалов. Она указывает на большую самостоятельности подрядчика и фидуциарную природу отношений сторон. Вместе с тем, хотя подобное положение вещей оправдано в определенных случаях, особенно в ситуации длительного сотрудничества заказчика с одним и тем же подрядчиком, подобная норма способна повлечь значительные трудности при заключении договора с физическим лицом – иностранным гражданином. В целях исключения ситуаций

⁵ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) // Отв. ред. А.С. Довгерт. Киев, 2006. С. 1008.

⁶ Кодекс Франции о въезде и пребывании иностранных граждан и правах на территориальное убежище // Официальная газета Французской Республики. 2006. № 17.

⁷ Закон № 2006-911 в отношении иммиграции, интеграции и национальности // Журнал Офисьель Французской Республики, 2006. № 17.

⁸ Декрет № 2009-697 в отношении обязательных норм стандартизации, принятый Ассоциацией по стандартизации Франции // Журнал Офисьель Французской Республики, 2009. № 9.

нецелесообразного расходования материала целесообразно установить дополнительный контроль над хозяйственно-оперативной деятельностью иностранного лица, зачастую не осведомленного обо всех тонкостях делового оборота в стране приема [8. С. 130]. Это позволит избежать возникновения спора между сторонами по названному предмету. Французский законодатель также не дает ответа на вопрос о необходимости возврата подрядчиком, предоставленных заказчиком и не использованных в ходе выполнения работ материалов, оставляя данный аспект на самостоятельное регулирование сторон. Если же стороны этот вопрос не урегулировали, суды, как показывает практика, разрешают такие споры в соответствии с правилами взыскания сумм неосновательного обогащения.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет отметить, что основные положения о договоре подряда закреплены в гражданских кодексах России и Франции практически в идентичной редакции. Но если отечественный законодатель избрал путь более жесткой регламентации деятельности подрядчика и его ответственности перед контрагентом, французское право допускает большую степень автономии воли, оставляя ряд вопросов на усмотрение сторон. Тем самым, стороны договора подряда во Франции, не будучи связанными императивными положениями закона, более свободны в избрании того или иного варианта взаимоотношений.

Однако представляется, что отсутствие в гражданском законодательстве указания на особый статус подрядчика – иностран-

ного гражданина является сдерживающим фактором для привлечения иностранной рабочей силы, при несомненно позитивном воздействии иммиграции на социально-экономическое развитие государства приема в целом [6. С. 910]. Особенности реализации иностранцами своих прав и обязанностей в сфере трудоустройства должны найти свое адекватное отражение в рамках правовой регламентации реального статуса этого субъекта, поскольку такой подход сам по себе уже составляет надежную гарантию реализации и защиты его прав [2. С. 52, 4. С. 196].

Правила, установленные в отношении порядка и условий привлечения иностранной рабочей силы в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и Кодексе Франции о въезде и пребывании иностранцев, не могут заменить специальные режимы труда иностранцев по договору подряда. Оптимальным решением поднятой проблемы представляется включение отдельных норм, закрепляющих особое положение иностранных лиц, осуществляющих деятельность по гражданско-правовому договору, в тексты гражданских кодексов.

Заключение

Ведь отсутствие кодификации, противоречивые и двоякие нормы препятствуют надлежащей реализации субъективных прав конкретными лицами и зачастую не позволяют иностранным гражданам сделать выбор в пользу осуществления деятельности на основании договора подряда, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на национальную экономику.

Литература:

1. Вечканов Г.С. Миграция населения как фактор формирования трудовых ресурсов // Проблемы трудовых ресурсов РФ (социально-экономическое исследование). СПб, 1995.
2. Иванчак А.И. Правовой статус иностранного гражданина в сфере труда: понятие и структура // Право и управление. XXI век. 2012. № 1 (22).
3. Иванчак А.И. Принцип национального режима как основа правового статуса иностранного работника // Московский журнал международного права. 2014. №1 (93).
4. Хабриева Т.Я. Правовая система Российской Федерации в условиях международной интеграции // Вестник российской академии наук. 2015. № 3.
5. Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей / отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М., 2015. Доступно в СПС КонсультантПлюс.
6. Цапенко И.П. Социальные эффекты иммиграции // Вестник российской академии наук. 2015. № 10.

7. Cahuc P., Kramarz P. De la précarité vers une sécurité sociale professionnelle // Presses Universitaires de France. Paris, 2004.
8. Thiollet J.-P. Baux commerciaux et professionnels // Axiome editions. Paris, 1999.
9. Yengibaryan, R. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior // Giornale di Storia Costituzionale. Volume 27. 2014.

FOREIGN CITIZENS' ACTIVITY UNDER A CIVIL LAW CONTRACT

Introduction. Adoption of a separate chapter regulating employment of foreign citizens in the body of the Labor Code of Russia (LC) has become a significant amendment of the recent years. At the same time, the Russian law also sets forth the employment of foreigners under a civil law agreement. Specifics of this kind of legal relations have not been reflected in the civil legislation. Current state of affairs entails certain difficulties in practice. This study is aimed at the justification of the necessity to develop a concept of foreign citizens' employment in the civil law framework. In this connection, an analysis on the legal nature of the work and labor agreement has been conducted with a view to differentiating such an agreement from the employment contract, as well as to highlighting the grounds of the work and labor relations with a foreign citizen.

Materials and methods. The methodological basis of the research constitute such general scientific and special cognitive methods in the sphere of private international law as analysis and synthesis of social and legal phenomena; system-structural analysis; the formal-logical method; the method of comparative law.

Results of the study. Results of the analysis reveal that labor activity conducted under a work contract is a widespread practice, particularly among

foreign citizens. At the same time both employment agreement and work agreement should reflect the specific status of foreign citizens, since such gaps in law create plentiful difficulties for parties in such legal relations.

Discussion and conclusions: the article substantiates the idea that the inclusion of separate chapters setting forth the special status of foreign persons conducting activities under a civil law contract to the body of the Civil Code of the Russia seems to be the most optimal solution. The absence of such codification and the conflict of norms applied in foreign labor regulation impede the proper implementation of subjective rights by the given persons and often do not allow them to opt for entering into work and labor agreement.

Anna I. Ivanchak,
Doctor of Science (Law), Full Professor;
Professor with the Department of International
Private and Civil Law, MGIMO (University)
under the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Oksana V. Kravchenko,
Master's Course Student, Department of
International Private and Civil Law, MGIMO
(University) under the Ministry of Foreign Af-
fairs of Russia

Ключевые слова:

правовое регулирование, гражданское законодательство, иностранный гражданин, трудовая деятельность, договор подряда, Франция.

Keywords:

legal regulation, civil legislation, foreign citizen, labor activity, work and labor agreement, France.

References:

1. Vechkanov G.S., 1995. Migracija naselenija kak faktor formirovanija trudovyh resursov [Migration of the Population as a Formation Factor of Labor Resources]. *Problemy trudovyh resursov RF (social'no-jekonomicheskoe issledovanie) [Labor Resources Issues in Russia (socio-economic study)]*. Spb.
2. Ivanchak A.I., 2012. Pravovoj status inostrannogo grazhdanina v sfere truda: ponjatie i struktura [The Legal Status of a Foreign Citizen in the Sphere of Labor: Concept and Structure]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1 (22).
3. Ivanchak A.I., 2014. Princip nacional'nogo rezhima kak osnova pravovogo statusa inostrannogo rabotnika [The Principle of National Treatment as the Basis for the Legal Status of a Foreign Worker]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 1(93).
4. Habrieva T.Ja., 2015. Pravovaja sistema Rossijskoj Federacii v uslovijah mezhdunarodnoj integracii [Russian Legal System under Conditions of International Integration]. *Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. № 3.

5. Habrieva T.Ja., 2015. Osnovnye vektory i problemy razvitija social'nogo zakonodatel'stva [Main Vectors and Problems of the Social Legislation Development]. *Pravo i social'noe razvitie: novaja gumanisticheskaja ierarhija cennostej [Law and Social Development: New Humanistic Hierarchy of Values]*. Otv. red. A.V. Gabov, N.V. Putilo. Moscow, Dostupno v SPS Konsul'tantPljus.
6. Capenko I.P., 2015. Social'nye jeffekty immigracii [Social Consequences of Immigration]. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. № 10.
7. Cahuc Pierre, Kramarz Pierre., 2004. De la précarité vers une sécurité sociale professionnelle [From Precariousness to Professional Social Security]. *Presses Universitaires de France [French University Press]*. Paris.
8. Thiollet Jean-Pierre, 1999. Baux commerciaux et professionnels [About Commercial and Professional Hire]. *Axiome éditions [Axiome Edition]*. Paris.
9. Yengibaryan, R., 2014. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitution History]*. Volume 27.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1991–2000 ГОДЫ)

Александр Смыкалин*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-22-31

Введение. В статье рассматриваются изменения, которые произошли в правовой системе Российской Федерации в 1991–2000-х гг., так называемый в исторической и историко-правовой литературе «переходный период». Отмечается, что новые политические и экономические условия потребовали кардинального изменения всех отраслей права, что впоследствии было закреплено в новых кодексах и самой Конституции РФ 1993 г. Автором последовательно рассматриваются новации в уголовном, гражданском, административном, трудовом, налоговом и других видах законодательства. В заключение отмечается, что пробелы развития правовой системы в переходный период не исчерпаны полностью и для юристов открывается новое поле научных исследований.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере теории и истории государства и права, а именно: 1. Общие; 2. Общенаучные (методы, применяемые для изучения всех наук); 3. Междисциплинарные (методы, используемые в смежных областях науки); 4. Специальные (собственно юридические и историко-правовые методы). Основным средством исследования материала является историко-сравнительный (специальный) метод.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлены изменения, которые произошли в правовой системе Российской Федерации в 1991–2000 гг., в так называемый переходный период. Автор проанализировал и показал, какие конкретно изменения произошли в отраслевом законодательстве современной России: уголовном, гражданском, административном, процессуальном. Дается краткая характеристика новых кодексов РФ. Особая ценность исследования заключается не просто в констатации факта того или иного законодательного пробела, но и высказывается авторская, доктринальная позиция по их устранению. Подчеркивается, что поставленные проблемы в российской правовой системе в настоящее время далеко не исчерпаны.

Обсуждение и заключение. Многочисленные конференции ученых-юристов являются подтверждением того, что российская правовая система нуждается в совершенствовании из-за значительных пробелов в законодательстве. Курс на модернизацию страны, выдвинутый в 2009 г., вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Модернизация должна коснуться не только политики и экономики, но и в целом государственно-правовой сферы.

* **Смыкалин Александр Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, академик военно-исторических наук, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.
e-mail: nich@usla.ru.

Введение

В рассматриваемый период времени в нашей стране за сравнительно короткий промежуток времени произошли существенные изменения, затронувшие все сферы жизни общества. В настоящее время уже укоренилась тенденция в исторической и историко-правовой литературе обозначать этот период как *переходный*. Но естественно возникают вопросы, на которые необходимо отвечать.

Во-первых, вопрос от чего к чему? На него ответить довольно легко: «переходный период» знаменует важный этап развития российского государства: переход от разрушения социалистического государства к стабильно функционирующему новому демократическому государству, берущему начало с 1991 г. и имеет хронологические рамки, оцениваемые авторами по-разному. Сложные процессы изменения общественно-политической обстановки сопровождались серьезными преобразованиями во властной сфере. И государственные органы весьма болезненно перестраивались под новые рамки функционирования государства и общества. Уже имеются диссертационные исследования, посвященные этой проблеме.

Во-вторых, важный вопрос касался выбора дальнейшего пути нового демократического государства. Этот вопрос неоднократно поднимался обществом. И здесь уместно будет сказать, что, выступая на Валдайском форуме (сентябрь 2013 г.), Президент В.В. Путин обратил внимание на необходимость смены политико-правового дискурса – перехода от либерально-западного (механически скопированного) обществоведения и правовеждения к национальному. Российское правовеждение, сложившееся после событий 1993 г., активно способствовало формированию колониально-сырьевой модели российской экономики и имитационной модели функционирования политической системы [3. С. 3].

Проблемой правовой оценки и будущего пути России озабочены и видные ученые-юристы. Так, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Бельх В.С. в недавно вышедшей монографии «Россия – вчера, сегодня, завтра» отмечает: «В 2009 году был провозглашен курс на модернизацию, который вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Идея модернизации сама по себе не вызывает критики. Однако необходимо четко определить ее сферы, цели и принципы. В модернизации нуждается не только экономика страны, но и

политическая система, а также иные сегменты общества и государства. На мой взгляд, модернизация должна коснуться и Церкви, в том числе православной. У нее не меньше проблем: политизированность, коррумпированность и другие пороки...» [1. С. 212].

Предыдущий Президент Российской Федерации не любил использовать в своих выступлениях различные «...измы». Но от этого никуда не уйти, обозначать социально-экономическую формацию, государственный строй и правовую систему все равно необходимо! И здесь, безусловно, необходимо отметить, что тот капитализм, при котором мы живем сейчас – это позавчерашний день мировой цивилизации. Еще В.И. Ленин в начале XX века отмечал, что Россия отстает от Западной Европы лет на 60. Мало что изменилось и сегодня. Несмотря на развитие новых отраслей экономики, Россия остается главной сырьевой державой мира. Навязанный нам победителями в «холодной войне» периферийный капитализм исторической перспективы не имеет, и материальное благополучие – это не путь духовного возрождения российского общества. Верно отмечалось, что невозможно строить, предназначенный для ликвидации России и разгрома русского мира, переформатировать на развитие.

Кстати, в год 100-летия Великой Русской революции, следует подчеркнуть, что крупнейшие современные ученые – например, академик А.В. Торкунов, – отмечают весьма существенное влияние событий Октября 1917 на «трансформацию современного мира» [11. С. 209].

Следует также особо подчеркнуть важность современных научных исследований, посвященных цивилизационно – национальной принадлежности и гражданству, как важнейшим критериям формирования человеческой личности [См.: 13, 14].

Исследование

Новые экономические и политические условия развития российского общества потребовали и кардинального пересмотра всей правовой системы. Коренной ломке подверглись все отрасли законодательства. В период с 1994 по 2006 гг. было принято 20 кодексов. Поэтому все базовые отрасли права и многие специальные имеют своими источниками кодифицированные акты.

Изменения произошли очень серьезные, особенно в отраслях, так называемого публичного права: конституционном, уголовном, а также в комплексных публично-

правовых и частноправовых отраслях и институтах. В основу правового регулирования были положены принципы: верховенства закона, приоритета прав и свобод личности (сначала личность, а потом государство), приоритета международного права над национальным. Все эти изменения были закреплены в новой Конституции РФ 1993 г.

В связи с этим значительно обновлению подверглось конституционное право. Политические преобразования в обществе привели к тому, что старое название «советское государственное право» было заменено на конституционное право. Принятие новой Конституции способствовало корректировке предмета и метода отрасли. Изменились система и источники права. И самое главное были пересмотрены субъекты правоотношений: личность, общество и государство.

Признание принципа разделения властей повлекло трансформацию другой важной отрасли российского права – административного. Поскольку изменить все законодательство в одночасье невозможно, на протяжении 1990-х – начале 2000-х гг. еще продолжал действовать Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. Однако он подвергался постоянным корректировкам в силу чего он утратил свойство системности. В 2002 г. ему на смену пришел Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В новом законодательном акте нашли отражение коренные экономические и социальные изменения в жизни России, приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Субъектами ответственности, по Кодексу, стали не только физические, но и юридические лица. Это вызвано коренными изменениями социально-экономической структуры нашего общества.

В КоАП РФ дано четкое понятие *должностного лица*. Причем с учетом изменений в экономике страны к должностным лицам по ответственности приравнены иные лица, выполняющие управленческие функции как в государственных организациях, так и в организациях других форм собственности, а также индивидуальные предприниматели. Эти лица несут повышенную ответственность наравне с должностными лицами органов государственной власти.

Существенно повышена роль судов в применении законодательства об административных правонарушениях.

С момента введения в действие Кодекс претерпел значительные изменения. Так, были усовершенствованы меры административной ответственности и механизм их применения в области экспортного контроля. Усилена ответственность за нарушение правил государственной охраны объектов археологического наследия и ведения археологических полевых работ. Повышены меры ответственности за привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранной рабочей силы с нарушением установленного законодательства Российской Федерации.

В конце XX века наблюдалось становление новой отрасли – *муниципального права*. Ускоренными темпами идет становление *финансового права*, которое существует во всех странах континентальной правовой семьи. Стали появляться законы, устанавливающие режим формирования и использования государственных ресурсов (о бюджетной и налоговой системах, о бюджетной классификации, о бухгалтерском учете, о государственном заказе и др.).

В социальной сфере Россия прилагает усилия по формированию развитого законодательства социального государства. В области охраны окружающей природной среды приняты основные акты, но они реализуются крайне неэффективно. Многие правовые нормы и институты (например, ответственность) бездействуют. Приняты отдельные законы о культуре, здравоохранении, науке, образовании, но за ними не последовали законы о важных участках этих отраслей. Реформируемая сфера не опирается на прочный законодательный фундамент, хотя Семейный кодекс, законы о ветеранах, о молодежной политике и другие создали для этого хорошие предпосылки [4. С. 797–800].

Формирование новой российской государственности связано с кардинально изменившимися экономическими условиями, и в частности появлением новых форм собственности. В ныне действующей Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. в статье 8 ч. 2 отмечено, что: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности»¹. Достаточно вспомнить, что период советской власти отличался тем, что частная собственность, как не соответствующая коммунистической идеологии не

¹ Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2016.

признавалась вообще, что нашло отражение во всех кодексах РСФСР.

Важнейшим законодательным актом после принятия Конституции РФ 1993 г. стал новый Гражданский кодекс Российской Федерации, цель которого в регулировании правовых отношений по поводу собственности в новых условиях рыночных отношений и экономической свободы личности.

Признание новых принципов регулирования гражданско-правовых отношений потребовало новых подходов к обеспечению государственного участия в экономике. В России стали появляться законы о государственном прогнозировании и программах, о государственном регулировании или государственной поддержке ряда отраслей и подотраслей (агропромышленного производства, малого бизнеса и т.д.), о защите экономических интересов и др. Параллельно принимались законы о естественных монополиях (о связи, о федеральном железнодорожном транспорте, Воздушный кодекс и др.).

Одновременно шла практическая апробация гражданско-правовых норм, формировалась судебная практика, не всегда совпадающая по регионам и даже отдельным судам. В частности, явно прослеживается разное понимание и соответственно применение норм гражданского права судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Особенностью ГК РФ рассматриваемого периода времени было обилие отсылочных норм к законам, которые еще предстояло принять в будущем (в последующие годы были приняты законы о благотворительной деятельности, о формах собственности, о банкротстве и т.п.).

Существенные изменения произошли в уголовном законодательстве еще в 1970-е годы XX столетия. Здесь четко прослеживаются тенденции: с одной стороны, гуманизация наказаний в отношении лиц, виновных в преступлениях, за совершение которых предусматривалось наказание до 3-х лет лишения свободы, а с другой – ужесточение репрессий для особо опасных преступников. В 1973 г. были установлены строгие меры наказания вплоть до смертной казни за угон воздушного судна, если эти действия повлекли гибель людей или причинение тяжких телесных повреждений [10. С. 194].

Принятый в 1996 г. УК РФ сменил Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Среди наиболее существенных изменений можно назвать переход к приоритетной защите прав и свобод человека, а не интересов го-

сударства. В связи с переходом к рыночной экономике предусмотрено значительное число новых составов преступлений, призванных защищать развитие рыночных отношений.

Коренным образом изменилась система Особенной части УК РФ: введено около 70 новых составов преступлений, декриминализовано более 80 составов. Это явилось результатом смены приоритетов уголовно-правовой охраны. Иначе построена структура этой части УК. На первом месте находится раздел «Преступления против личности», затем – раздел «Преступления в сфере экономики». Далее следуют «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». После него идут «Преступления против государственной власти». Заключительные разделы Особенной части составляют «Преступления против военной службы» и «Преступления против мира и безопасности человечества». Кроме этого в состав УК РФ включены ранее неизвестные составы преступлений.

Реформа судопроизводства в России коснулась и уголовного процесса, который полностью был перестроен с учетом утверждения принципа состязательности.

Перспективы развития процессуального права связаны с процессами, во-первых, глобализации и, как ее следствие, демократизации и гуманизации в развитии юридического процесса; во-вторых, дифференциации и одновременной унификации процессуального права [4. С. 803].

Коренной ломке подверглись все отрасли права – уголовное, гражданское, трудовое, налоговое, земельное и др., а также вследствие этого все процессуальное законодательство. Хотелось бы отметить также, что в связи с изменением правового статуса Церкви (признанием ее вновь «юридическим лицом» с 1 октября 1990 г.) были внесены соответствующие новеллы практически во все кодексы Российской Федерации.

Базовым правовым актом, непосредственно регулирующим отношения между Церковью и Государством в переходный период (1991–2000 гг.) был, безусловно, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» вступивший в силу 1 октября 1997 года.

В настоящее время в российском законодательстве уже насчитывается более сотни нормативных правовых актов, регламентирующих взаимоотношения между Церковью и Государством, а также различные аспекты деятельности религиозных объединений.

Попытаемся последовательно рассмотреть эти изменения в ныне действующих кодексах Российской Федерации.

Гражданско-правовые отношения

Появление новой российской государственности прежде всего связано с таким экономическим моментом, как признание частной собственности, что отрицалось советским государством на протяжении 74 лет!

Это вызвало активные кодификационные работы в сфере гражданско-правовых отношений. В октябре 1994 г. Государственная Дума приняла первую часть Гражданского кодекса РФ, в апреле 1995 г. – Арбитражный процессуальный кодекс РФ, в октябре 1995 г. – Водный кодекс РФ, в декабре 1995 г. – вторую часть Гражданского кодекса РФ, в декабре 1996 – Уголовно-исполнительный кодекс РФ, в январе 1997 г. – Лесной кодекс, в феврале 1997 г. – Воздушный кодекс РФ, в апреле 1998 г. – Градостроительный кодекс, в июле 1998 г. – Бюджетный кодекс РФ и Налоговый кодекс РФ, в декабре 2001 г. Кодекс РФ об административных правонарушениях, в июле 2002 г. – Арбитражно-процессуальный кодекс. С марта 2002 г. была введена в действие третья часть ГК РФ, а 24 ноября 2006 г. Государственная дума приняла четвертую часть ГК РФ, регулиующую вопросы интеллектуальной собственности. Впервые за многие десятки лет Церковь (1 октября 1991 г.) была признана юридическим лицом, а следовательно, и имущественные отношения стали регулироваться гражданским законодательством.

Особенности правового регулирования имущественных отношений религиозных объединений были изложены в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (см. ст. 17, 18, 21, 22)².

Появились и новые гражданско-правовые институты, ранее не известные советскому гражданскому праву. Например, пожертвование (ст. 582 ГК РФ).

Налоговое законодательство

Здесь также в настоящее время имеется своя специфика. Постановка на налоговый учет религиозных организаций как юридических лиц обязательна, независимо будет ли религиозная организация вести финан-

совую деятельность или нет. Т.е. она обязана встать на учет в налоговый орган.

Учитывая специфику деятельности религиозных организаций, Налоговым кодексом предусмотрены налоговые льготы, в частности об этом говорит ст. 149 НК РФ. Кроме этого, предприятия и организации, перечисляющие пожертвования религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности, при определении налоговой базы имеют право на получение социальных налоговых вычетов в размере фактически произведенных расходов, но не более 25% суммы дохода, полученного в налоговом периоде (ст. 219 НК РФ)³.

Налоговые льготы религиозным организациям предусмотрены и некоторыми другими статьями налогового кодекса (в частности ст. 251 НК РФ, ст. 270 НК РФ, ст. 381 и ст. 395 НК РФ) [6. С. 62].

Трудовое право и религия

Серьезные изменения произошли в трудовом законодательстве. Развитие трудового законодательства после принятия новой Конституции РФ 1993 г. отразило переходный характер российской экономики. Только в КЗоТ начиная с 1993 года было внесено более 30 различных поправок...

Достаточно вспомнить, что во времена коммунистического режима священнослужители официально объявлялись «нетрудовым элементом» и на них трудовое законодательство не распространялось. Многие нормативные акты, регулирующие взаимоотношения Церкви и Государства, в том числе и в области трудовых правоотношений носили секретный характер. И лишь Трудовой кодекс Российской Федерации, принятый 30 декабря 2001 г. (ФЗ № 197), ввел в кодекс главу 54, посвященную регулированию особенностей труда религиозных организаций. Семь статей этой главы (342, 343, 344, 345, 346, 347, 348) предусматривают эти особенности⁴.

Таким образом, Трудовой кодекс РФ, вступивший в действие с 1 февраля 2002 года, ввел значительное количество новаций и ввел понятие «социального партнерства» как систему взаимоотношений между работником и работодателем. Приведенные здесь особенности регулирования труда работников религиозных организаций лишь

² Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. ФЗ № 125. М., 2006.

³ Налоговый кодекс РФ с комментариями (текст с изменениями и дополнениями на 1 мая 2013 г.). М., 2013.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации (текст с изменениями и дополнениями на 1 июня 2015 г.). М., 2015.

небольшой пример, как изменилась система трудовых правоотношений вообще.

Как уже отмечалось выше, наиболее серьезные изменения наряду с гражданским правом произошли в уголовном законодательстве. Экономические и политические преобразования потребовали серьезного пересмотра, разработки и принятия нового уголовного законодательства. 13 июня 1996 г. был принят Уголовный кодекс Российской Федерации. В нем устанавливались основания и принципы уголовной ответственности.

Кодекс состоит из двух частей – Общей и Особенной. Рост профессиональной и организованной преступности вызвал необходимость решить проблему множественности и совокупности преступлений. Более определенным стало понятие цели наказания. А именно, целями наказания теперь являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Хотя УК сохранил смертную казнь как исключительную меру наказания, с 1996 г. ее применение приостановлено указом президента Ельцина.

Система особенной части отразила принципиально новые подходы к иерархии защищаемых уголовным правом ценностей: личность, общество, государство. В состав УК включены ранее неизвестные составы преступлений, например, гл. 23 «Преступления в сфере компьютерной информации», гл. 26 «Экологические преступления». Впервые появился раздел «Преступления против мира и безопасности человечества». УК отразил и появление новых видов общественно опасных деяний, многие главы дополнены новыми статьями: «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации» (ст. 120), «Нарушение неприкосновенности частной жизни» (ст. 137) и др. Значительное внимание уделено законодательной базе для борьбы с организованной преступностью: ст. 210 «Организация преступного сообщества» предусматривает ответственность до 20 лет лишения свободы. Принципиально новые, отвечающие изменениям в общественных отношениях подходы показаны в конструкции раздела «Преступления в сфере экономики». Гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» включает ряд ранее неизвестных уголовному праву составов преступлений: незаконная банковская деятельность, лжепредпринимательство, отмывание незаконных доходов, ложная реклама, невозвраще-

ние из-за границы средств в иностранной валюте, преднамеренное банкротство и др. [2. С. 703]

В соответствии с историческим развитием государства в 1991–2000 годы произошли изменения практически во всех сферах жизни общества, а следовательно, и отраслевого законодательства, выраженного в кодексах.

Изменения коснулись не только материального, но и процессуального законодательства и системы судоустройства Российской Федерации в целом.

Если говорить о концепции судебной реформы в РСФСР – это был достаточно целостный план строительства одной из трех ветвей государственной власти новой России, определивший цели, основополагающие правовые, институциональные и процессуальные принципы построения судебной власти.

Концепция судебной реформы была ориентирована на преодоление кризиса юстиции, который в полной мере достался постсоветской России в наследство от СССР. Важнейшими проявлениями кризиса признавались: несостоятельность и неспособность юстиции справиться с задачами по охране законности и правопорядка; некачественная работа системы правоохранительных органов при их чрезвычайной перегруженности; обвинительный уклон судопроизводства; ориентация работников правоохранительных органов и юстиции в целом на исполнение навязанной воли [4. С. 803–804].

Набор накопившихся проблем в сфере уголовной юстиции был достаточно большой – от некачественной работы правоохранительных органов до социально-бытовых условий деятельности судейского сообщества. Поэтому в рассматриваемый период возник вопрос о кардинальной реформе системы судоустройства Российской Федерации. Существовавшая система судоустройства уже не отвечала новым историческим условиям. В истории судебной реформы конца XX – начала XXI века можно выделить три периода.

Первый период (1992–1996 гг.). Были приняты законодательные акты уже перечисленные выше. Ключевые идеи Концепции судебной реформы нашли свое воплощение в Конституции России (декабрь 1993 г.). Судебная власть была выделена как самостоятельная, создан Конституционный Суд РФ и отдельная система арбитражных судов во главе с Высшим Арбитражным Судом РФ. Окончанием первого периода можно счи-

тать принятие 31 декабря 1996 г. Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Второй период судебной реформы (1997–2004 гг.). В 1998 г. появился Закон «О судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», призванный изменить систему материально-технического обеспечения деятельности судов. В 2001 г. были приняты законы, которые продолжили судебную реформу в стране. В России был введен институт мировых судей, реально заработал суд присяжных (хотя и не во всех регионах), изменился статус судей (сократились возможности для злоупотреблений, а также усилилась независимость судебного корпуса). В 2001–2002 гг. после долгих споров наконец-то были изданы новые Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы РФ. В итоге были расширены полномочия судов и в то же время сократились возможности для внесудебного преследования.

Третий период судебной реформы (2004 г. и по настоящее время). В Поручении Президента РФ по итогам VII Всероссийского съезда судей от 31 декабря 2008 г. был обозначен целый комплекс мер по дальнейшему совершенствованию судебной системы. Он включал в себя широкий круг вопросов: от разработки новой редакции федерального закона о судостроительстве РФ до подготовки нового Кодекса судейской этики [9. С. 10].

Некоторые задачи решены уже на сегодняшний день. Практически решена задача становления мировой юстиции. Создание института мировых судей позволило обеспечить доступ населения к правосудию и разгрузить районное звено судебной системы. Назначены и осуществляют правосудие 5977 мировых судей. В 25 субъектах Российской Федерации штат мировых судей укомплектован полностью [5. С. 367].

Однако в судебной сфере остается еще много нерешенных проблем. Главные из них заключались в том, что не завершен процесс формирования независимой судебной власти, не создана ветвь административного судопроизводства, нет четкой и понятной для граждан процедуры рассмотрения административных дел. Сохраняются большие претензии к качеству судейского корпуса, оперативности работы судей.

Завершая краткий обзор современного состояния судебной системы Российской Федерации, необходимо отметить: несмотря на то, что новая судебная система в целом

сложилась, не следует считать, что судебная реформа полностью завершена, а система превратилась в нечто неизменяемое и застывшее. Развитие судебной системы, законодательства о суде, процессуальных и материальных норм права продолжается. Внимание к суду со стороны гражданского общества и государства не ослабевает [10. С. 219].

Результаты исследования

Давая оценку в целом правовой системе Российской Федерации в переходный период (1991–2000 гг.), необходимо, на наш взгляд, отметить следующее:

- развитие российского законодательства рассматриваемого периода напрямую связано с экономическими преобразованиями в стране;
- коренной ломке подверглись все отрасли законодательства в соответствии с новыми целями и задачами общества;
- завершился процесс создания кодифицированных актов по основным отраслям российского права;
- в рамках юридической науки не сложилась современная национальная юридическая школа. Срочно предпринимаемые попытки реформы судебной системы являются доказательством сохраняющейся стагнации российского права.

Поэтому вполне можно согласиться с мнением ученых, считающих что: «...без переосмысления либерально-западного научного багажа, преодоления растерянности перед западной юридической наукой, развитие идей национальной философии хозяйствования, проведение научных исследований отечественной юридической науки – невозможно» [3. С. 46].

Перестройка правовой системы идет. Но идет медленно и неравномерно. И здесь большая заслуга нынешнего Президента страны Владимира Владимировича Путина. Именно он и его команда сумели прекратить распад России, подобно распаду СССР, сплотить народ России, поставить четкие и ясные цели и задачи. Огромное внимание при этом было уделено военно-промышленному комплексу, что заставило средства массовой информации Запада вновь заговорить о России, как супердержаве, не уступающей США. И главное здесь – это возрождение идей патриотизма, гордости за свою Родину.

Ясно одно, Россия должна идти своим путем! Что не очень нравится нашим западноевропейским коллегам, а особенно США. После присоединения исторически принадлежащего России Крыма и событий на Укра-

ине выросло число стран, которые стали недружелюбно и даже агрессивно относиться к нашей стране. К ним относятся: прибалтийские государства, Польша, Румыния, Великобритания [12]. Естественно, возник вопрос о правильной внешней политике. Среди респондентов 39 стран, которым задавали вопрос о правильности внешней политики России, ответили, что считают ее верной – 24%. Что касается ответов внутри страны, то ее популярность дома значительно выше, ей доверяют – 88% населения.

«Внешняя политика – это продолжение внутренней в других формах и сферах. Однако именно во внутренней политике России наблюдается экономическая слабость, что сильно не соответствует масштабам ее дипломатии... В 2009 году был провозглашен курс на модернизацию...» [7. С. 88]. В модернизации нуждается не только экономика страны, но и политическая система, в том числе и правовая система и Церковь.

Нет сомнения, нужна научно обоснованная концепция модернизации России. Такой футурологический прогноз поможет вывести правовую систему вперед, а пока подытоживая, что было сделано в отношении правовой системы России в переходный период 1991–2000-е годы можно еще раз вкратце отметить, что важнейшим нормативно-правовым актом после Конституции РФ 1993 г. стал Гражданский кодекс, принятый по частям в 1994, 1995, 2001 и 2006 гг. Кодекс регулирует взаимоотношения граждан и их коммерческих и некоммерческих объединений, определяет основные формы договоров и правовых институтов. Последние части Кодекса расширяют круг наследников (чтобы наследником автоматически не становилось государство) и регулируют права интеллектуальной собственности. Еще в 1996 г. принят новый Уголовный кодекс, выстроивший приоритеты: на первом месте охрана прав граждан, на последнем – государства. Но практика последующих лет показала, что государственные чиновники и приближенные к власти лица по-прежнему неприкасаемы для правоохранительных органов и, напротив, используют следственные и судебные органы в своих интересах.

В 2002 г. принят новый Гражданский процессуальный кодекс, закрепивший участие мировых судей в отправлении правосудия, и Арбитражный кодекс, направленный на мирное урегулирование хозяйственных споров.

Общая «Концепция судебной реформы» была принята Верховным Советом

РСФСР еще в октябре 1991 г. Она предусматривала независимые федеральные суды, мировые суды, суды присяжных, суды для несовершеннолетних и самостоятельный следственный комитет, которому бы были подведомственны следственные дела и милиции, и ФСБ, и таможни, и военной юстиции. Предполагалось и создание независимой адвокатуры. Концепция эта частично осуществлялась. Появились мировые суды, но они подчинены федеральным судам. Появились суды присяжных, но возникли и способы манипулировать ими в интересах обвинения. Следственный комитет в составе Генеральной прокуратуры появился в 2007 г., но с урезанными полномочиями, при сохранении следственных функций ФСБ и других правоохранительных органов. Суды для несовершеннолетних не появились. С 2004 г. вступил в силу закон «Об адвокатской деятельности», обязавший создать адвокатские палаты в каждом субъекте Федерации. Но в то же время закон ограничил возможность адвокатов получать информацию от должностных лиц и не дал им права на самостоятельное адвокатское расследование.

В 1998 и 2000 гг. принят по частям Налоговый кодекс, и в 2000 г. – Бюджетный кодекс. Налоговая система была упрощена, но задача долгосрочного закрепления налогов за разными уровнями власти решена не была. Налоговая и бюджетная политика федерального центра в отношении регионов и местного самоуправления несколько раз пересматривалась в сторону большей централизации налоговых платежей.

В конце 2001 г. принят Трудовой кодекс, значительно расширивший свободу трудоустройства и выбора условий работы, а в 2004 г. – Жилищный кодекс, соответствующий рыночным условиям. Он закрепил приоритет прав собственника жилья, но создал возможность нежелательных социальных последствий (например, выселения неплательщиков) и поэтому не раз пересматривался.

Заключение

В итоге новая правовая система в рассматриваемый период перестраивалась медленно, но последовательно [8. С. 527–528].

В заключение хотелось бы отметить, что пробелы развития правовой системы Российского государства в переходный период не исчерпаны полностью. Пройдут десятки лет, появятся сотни научных исследований по-разному трактующих этот непростой период 1991–2000-х годов. Важно отметить то,

что историю страны нельзя строить на «лакированных мифах», удобных той или иной политической верхушке. Придет время, и все мифы разрушатся. Ее можно строить

лишь на поиске истины и разработке принципиально новой национальной правовой доктрине.

Литература:

1. Белых В.С. Россия – вчера, сегодня, завтра. М., 2017.
2. Вологдин А.А. История отечественного государства и права. М., 2015.
3. Дойников И.В., Эришвили Н.Д. Проблемы государства и права переходного периода // Закон и право. М., 2016.
4. Захаров В.В. Развитие российского права / История государства и права. Под общ. ред. Рубаник В.Е. М., 2012.
5. История российского правосудия / Под ред. Колоколова Н.А. М., 2009.
6. Погасий А. Религиозное правоведение. СПб., 2008.
7. Проект Россия – 2. Выбор пути. М., 2008.
8. Пушкарев Б.С. Две России XX века (1917–1993). М., 2008.
9. Российская юстиция. 2008. № 8.
10. Смыкалин А.С. История судебной системы России. М., 2010.
11. Торкунов А.В. Исторический опыт Октябрьской революции // Политический класс. 2007. № 36 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
12. Недружественные России страны // <http://newsruss.ru/doc/index.php/html>.
13. Енгибарян Р.В. Цивилизационно-национальная принадлежность и гражданство – определяющие критерии формирования человека и его поведения // Право и управление. XXI век. 2011. № 4(21).
14. Yengibaryan R. Ethnicity and Citizenship as Key Factors Shaping Human Personality and Behavior // *Giornale di Storia Costituzionale*. 2014. № 27.

THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TRANSITION PERIOD (1991–2000)

Introduction: *the article considers the changes that took place in the legal system of the Russian Federation in 1991-2000, the so-called “transitional period”. It is noted that the new political and economic conditions required a drastic change in all branches of law which was subsequently enshrined in the new codes and the 1993 Constitution itself. The author sequentially reviews innovations in criminal, civil, administrative, labor, tax and other types of legislation. In conclusion, it is noted that all the gaps in the development of the legal system during the transition period have not been bridged and a new field of scientific research is opening up for lawyers*

Materials and methods: *the methodological basis of the research contains general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the sphere of theory and history of state and law, namely: 1. general; 2. general scientific (methods used to study all sciences); 3. interdisciplinary (methods used in related fields of science); 4. special (legal and historical-legal methods proper). The main means of researching the material is the historical-comparative (special) method.*

Results: *the study identified the changes that occurred in the legal system of the Russian Federation in 1991-2000, during the so-called transition period. The author analyzed and showed exactly what changes occurred in the sectoral legislation of modern Russia: criminal, civil, administrative, procedural. A brief description of the new codes of the Russian Federation is given. The special value of the research is not just in ascertaining the fact of certain legislative gaps, but also in expressing the author’s original, doctrinal position on their elimination. It is emphasized that the problems existing in the Russian legal system are far from being resolved.*

Discussion and conclusion: *The numerous law conferences are proof that the Russian legal system needs improvement due to significant gaps in legislation. The course on the modernization of the country, put forward in 2009, caused a mixed reaction in the society. Modernization should encompass not only policies and economy, but also the whole state-legal sphere.*

Alexander Smykalin,
Doctor of Science (Law), Professor, Academician (Military-Historical Sciences), Head of

the Department of History of State and Law,
Ural State Law University

Ключевые слова:

«переходный период» 1991–2000 гг., изменения в законодательстве, новые кодексы, правовое регулирование, новое поле деятельности для юристов.

Keywords:

«transition period» 1991–2000, changes in legislation, new codes, legal regulation, a new field of activity for lawyers.

References:

1. Belykh V.S., 2017. Rossiya – vchera, segodnya, zavtra [Russia – Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow.
2. Vologdin A.A., 2015. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of National State and Law]. Moscow.
3. Doynikov I.V., Erieshvili N.D., 2016. Problemy gosudarstva i prava perekhodnogo perioda [The Topical Issues of State and Law on transition period]. *Zakon i pravo [Legislation and Law]*. Moscow.
4. Zakharov V.V., 2012. Razvitie rossiyskogo prava [The Development of Russian Law] / Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]. Pod obshch. red. Rubanik V.Ye. Moscow.
5. Istoriya rossiyskogo pravosudiviya [History of Russian Justice] / Pod red. Kolokolova N.A. Moscow, 2009.
6. Pogasiy A., 2008. Religioznoe pravovedenie [Religious Jurisprudence]. SPb.
7. Proekt Rossiya – 2. Vybor puti [Project 'Russia-2'. Choice of Way]. Moscow, 2008.
8. Pushkarev B.S., 2008. Dve Rossii XX veka (1917–1993) [Two Russia of 20th Century]. Moscow.
9. Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justice]. 2008. № 8.
10. Smykalin A.S., 2010. Istoriya sudebnoy sistemy Rossii [The Judicial System of Russia]. Moscow.
11. Torkunov A.V. Istoricheskii opyt Oktiabr'skoi revoliutsii [Historic Experience of the October Revolution]. Politicheskii klass [Political Class]. 2007. № 36. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
12. Nedruzhestvennye Rossii strany [Unfriendly Countries for Russia]. URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php/html>.
13. Yengibaryan R.V., 2011. Civilizacionno-nacional'naja prinadlezhnost' i grazhdanstvo – opredeljayushhie kriterii formirovaniya cheloveka i ego povedeniya [Belonging to a Civilization and a Nation, and Nationality as the Determinant Factors of Formation of an Individual and Their Behavior (abstract)]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 4(21).
14. Yengibaryan R., Ethnicity and Citizenship as Key Factors Shaping Human Personality and Behavior. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. 2014. № 27.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИТИРОВАНИЕ» КАК КАТЕГОРИИ АВТОРСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Кирилл Константинов*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-32-37

Введение. В статье анализируется изменение подхода к пониманию категории «цитирование» в авторском праве на основе определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Так, в рассматриваемом определении подтверждается возможность применения норм о цитировании не только в отношении литературных произведений, но и в отношении фотографий.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составляют следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере частного права: метод системно-структурного анализа, метод синтеза социально-правовых явлений, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования выявлена взаимосвязь Определения Верховного суда РФ от 05.12.2003 N 78-Г03-77 г. и Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. N 305-ЭС16-18302 в части подтверждения возможности применения понятия «цитирование» не только в отношении литературных, но и иных произведений. Сделан вывод о том, что, несмотря на то, что Верховный суд в своем определении от 2003 г. указывал на наличие такой возможности, судебная практика в рассматриваемой сфере не отличалась единообразием. Кроме этого, автор анализирует критерии правомерности цитирования в контексте новой судебной практики. Также в статье делается вывод о том, что рассматриваемое решение Верховного суда РФ подтвердило возможность применения норм о цитировании не только в отношении фотографических, но вообще любых объектов авторского права.

Обсуждение и заключение. В результате проведенного в статье анализа делается вывод о том, что правомерный и допустимый объем заимствования произведения при цитировании не может быть закреплен нормативно или универсально сформулирован судебной практикой. В каждом конкретном случае он должен оцениваться судом, рассматривающим соответствующий спор.

* **Константинов Кирилл Борисович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: kirry11@mail.ru.

Современное отечественное законодательство в сфере регулирования авторско-правовых отношений базируется на четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Этот документ в достаточной мере регулирует спектр правоотношений, складывающихся в рассматриваемой сфере. Тем не менее, его положения в значительной степени конкретизируются судебной практикой. Особенная роль в этом процессе принадлежит Суду по интеллектуальным правам. В контексте осмысления особенностей развития авторско-правовых отношений, представляется интересным обратиться к одному из относительно недавних судебных решений, связанному с рассмотрением спора о цитировании.

Кратко освещая фабулу дела, отметим, что Общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО), опубликовало на своем сайте материалы, посвященные архитектурной и градостроительной тематике, а также размещало материалы, связанные с охраной культурного наследия. Это были оригинальные материалы, создаваемые работниками ООО. В ряде публикаций ООО в обоснование своей позиции по соответствующим вопросам, были использованы фотографии и тексты различных материалов, размещенные в сети Интернет. Через некоторое время автор этих фотографий, обнаружив, что они были использованы в публикациях ООО без его согласия, обратился с претензией к ООО, а затем и в суд. Фотограф просил выплатить ему компенсацию в размере 20 000 рублей за каждую фотографию (всего их насчитывалось 22).

Возражая против требований истца в суде первой инстанции, ООО ссылалось, в частности, на статью 10 ГК РФ, указывая на то, что размещение фотографий не имело целью причинить вред другому лицу, а также что действия ООО были добросовестными. Кроме этого, ООО ссылалось на подпункт 1 пункта 1 статьи 1274 ГК РФ, в соответствии с которым допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях, в целях раскры-

тия творческого замысла автора правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования, включая воспроизведение отрывков из газетных и журнальных статей в форме обзоров печати. Суд первой инстанции признал действия ООО правомерными, согласившись, что ООО размещало фотографии в обзорных произведениях, преследуя информационную цель, что подтверждается характером и жанром изложения материала.

Фотограф обжаловал это решение, и суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что в рассматриваемом случае не было оснований применять нормы пп. 1 и 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ о свободном использовании произведений. Суд указал, что в связи с тем, что понятие «цитирование» применимо только к литературным произведениям (к тексту или высказываниям), а «процитировать» фотографии или иные подобные произведения невозможно, то применить указанную норму в данном случае нельзя. При этом, суд признал факт нарушения интеллектуальных прав фотографа и частично удовлетворил его требования, руководствуясь ст. 1301 ГК РФ. Суд по интеллектуальным правам поддержал выводы суда апелляционной инстанции. Однако через некоторое время, это дело поступило на рассмотрение в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации [8. С. 96].

Проанализировав имеющиеся материалы, судьи Судебной коллегии по экономическим спорам сделали следующие выводы. Поскольку фотографические произведения являются объектами авторского права, то на них распространяются общие нормы о произведениях, в том числе, и о свободном использовании. Таким образом, п. 1 ст. 1274 ГК РФ в части регламентации цитирования применим к любым объектам авторского права, в том числе, и к фотографиям. Суд подчеркнул, что закон допускает использование произведений с целью цитирования без согласия автора и выплаты ему вознаграждения, если пользователем соблюдены следующие условия: произведение используется в информационных, научных, учебных или культурных целях; в объеме, оправданном целью цитирования; указывается имя автора и источник заимствования¹.

¹ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-18302 [Электронный ресурс] : Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru>.

В рассматриваемом спорном случае фотограф заблаговременно разместил на своем сайте предупреждение о том, что он разрешает использовать свои произведения в некоммерческих целях, с указанием его авторства и размещением ссылки на свой сайт. Поэтому, учитывая то, что ООО при использовании фотографий исполнило эти требования, а также то, что оно публиковало фотографии в некоммерческих целях и для иллюстрирования своей позиции по теме публикаций, нарушения прав предпринимателя не было, решения апелляционного суда и Суда по интеллектуальным правам должны быть отменены, а решение суда первой инстанции соответствует закону.

Казалось бы, достаточно типичный спор, получивший вполне логичное разрешение (пусть и миновав череду инстанций). Однако он обращает на себя внимание тем, что в судебном решении впервые на уровне коллегии Верховного суда РФ зафиксирована возможность применения к фотографическим произведениям норм о цитировании.

Ранее мнение о существовании такой возможности высказывалось юристами. Так, например, А.П. Сергеев отмечал, что «цитата представляет собой дословную выдержку из какого-либо текста, отрывок музыкального произведения, графическое воспроизведение части произведения изобразительного искусства и т.п.» [9. С. 236]. Такая позиция была поддержана и судами различных инстанций. Так, Верховный суд РФ в своем определении еще в 2003 г. отметил, что «под цитированием понимается включение одного или нескольких отрывков из произведения одного автора в произведение другого автора. В частности, как цитату следует рассматривать графическое воспроизведение части произведения изобразительного искусства. К последним относятся произведения живописи, графики, дизайна»². Несмотря на то, что фотографические произведения здесь не приведены, думается, что исходя из вектора умозаключений суда, они вполне могут быть отнесены к перечисленным объектам.

При этом, как справедливо отмечала С.Г. Бунина, «в российском гражданском законодательстве термин «заимствование» используется только в словосочетании «источник

заимствования», подразумевая использование правомерно опубликованного произведения без согласия автора и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника заимствования в определенных строго оговоренных законом случаях» [3. С. 80].

Вместе с тем, представители Суда по интеллектуальным правам отмечали, что в отсутствие нормативного понятия «цитирование», суды руководствуются позицией Верховного суда РФ. При этом необходим самостоятельный текст, в который помещается та или иная цитата. В случае если произведение состоит только из цитат, цитирования не будет.

Однако Девятый арбитражный апелляционный суд в одном из дел сделал вывод, что использование фотографии представляет собой не цитирование, а иллюстрирование. Мотивировал суд свою позицию тем, что в рассматриваемой ситуации не был соблюден критерий правомерности целей цитирования³. При этом любопытно, что в своем постановлении суд ссылался как раз на приведенное выше определение Верховного суда! Однако выводы сделал противоположные.

Также интересным аспектом в позиции апелляционного суда является то, что при анализе «цитирования», он обращался к Толковому словарю В.И. Даля, указывая, что в нем приводится следующее определение этого понятия: «цитовать кого, немецк. ссылаться, приводить чьи-либо слова, делать выписку дословно. Цитация, цитованье или цитовка, действие по глаголу. Цитать, ссылка на кого, приведенье слов его и самые слова эти» [4. С. 9836]. Получается, что в отсутствие нормативного понятия цитирования, суд обратился к грамматическому способу толкования. Если учесть, что словарь был составлен во времена, когда фотографические произведения не признавались объектами авторского права, опора суда на такой источник вызывает недоумение.

Итак, важный тезис, который теперь закреплен Верховным судом РФ: понятие «цитирование» распространяется и на фотографии, как на объекты авторского права. Фактически же суд, на наш взгляд, подтвердил возможность цитирования любого про-

² Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2003 N 78-Г03-77 [Электронный ресурс] : Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru>.

³ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] / База данных судебных решений // <http://www.sudact.ru/arbitral/doc/zxNoy3T8nFbO>.

изведения. Разумеется, речь идет именно о цитировании, а не об использовании чужого произведения, пусть даже третьими лицами. В связи с этим, по аналогии, вспоминается недавнее дело фотографа Даниэла Морела и его спор с «Франс Пресс» (AFP) относительно использования последним его фотографий, размещённых в социальной сети Twitter [2. С. 62].

Однако в практическом аспекте нередко возникает контрвопрос: где находится грань между цитированием и неправомерным заимствованием; и существует ли возможность урегулировать этот вопрос нормативно. Отметим, что п. 1 ст. 1274 ГК РФ устанавливается критерий правомерного цитирования. Во-первых, исходя из целей цитирования (научная, полемическая, критическая, информационная, учебная). Отметим, что перечень закрытый. Во-вторых, необходимо указывать автора цитируемого произведения. В-третьих, цитирование должно осуществляться для раскрытия творческого замысла автора. В-четвертых, в объеме, оправданном целью цитирования. Отметим, что при толковании каждого из этих оснований на практике нередко возникают сложности.

Прежде всего, представляется, что во многих случаях неправомерное цитирование можно подвести под информационную (некоммерческую) цель. Так, например, рекламу тех или иных товаров либо услуг нередко маскируют как раз под информационные сообщения, например, под обзоры актуальной информации. При этом такая реклама может включать в себя и охраняемые законом произведения. Вместе с тем, суды, оценивая наличие или отсутствие информационной цели, нередко исходят из того, преследовало ли использование чужого произведения коммерческую цель или нет. Такой подход представляется здравым, однако, на наш взгляд, не во всех случаях. Представляется, что коммерческое использование произведения не противоречит определенным в законе целям. В противном случае существовал бы прямой запрет применять положения ГК РФ о цитировании в деятельности коммерческих организаций. Ведь когда законодатель хотел ввести такое ограничение, он прямо указывал на это: например, публичное исполнение произведений образовательными организациями возможно только в некоммерческих целях. Применительно к цитированию подобный запрет в законе отсутствует. Поэтому представляется, что характер деятельности не должен быть единственным и прямым отве-

том на вопрос о том, имело место цитирование или неправомерное заимствование.

Отметим, что не всегда есть возможность однозначно утверждать, что автор заимствовал чужой текст исключительно с целью раскрытия своего творческого замысла.

Что касается определения объема допустимого цитирования, то представляется очевидным, что урегулировать этот вопрос нормативно невозможно. Существует немало измышлений о «правиле» десяти секунд в отношении музыкальных произведений (якобы допустимо использовать без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения части музыкальных композиций длительностью не более десяти секунд), «правиле» тридцати секунд – для аудиовизуальных произведений и т.д. Не будем распространяться на эту тему, поскольку общеизвестно, что никакого правового основания такие подходы не имеют. В лучшем случае речь может идти о деловом обыкновении. Однако с учетом того, что одним из главных показателей ценности произведения является его творческий характер и содержание, применять здесь количественные показатели представляется бессмысленным. Особенно если речь о произведениях малой формы, например, о хокку: какое количество использованного текста хокку не превысит установленные нормы цитирования?! Таким образом, в каждом конкретном случае это необходимо устанавливать суду. Согласимся с мнением О. Лутковой о том, что «...произведения с незначительным уровнем творчества не вписываются ни в объективный, ни в субъективный доктринальные подходы к определению критериев охраноспособности авторских произведений» [5. С. 10].

Возвращаясь к изложенному в начале статьи решению Верховного суда РФ о возможности цитирования фотографических произведений, отметим, что Верховный суд указал, что в рассматриваемом случае имели место именно информационные цели, поскольку по характеру и жанру изложения публике действительно представлялась актуальная информация в форме обзора по градостроительной тематике и охране культурного наследия.

В целом, указанное решение Верховного суда РФ представляется положительным, поскольку, во-первых, оно сняло вопрос о возможности или невозможности цитирования фотографических (а по сути – любых произведений). Во-вторых, уточнено (хотя и косвенным образом) разграничение понятий «иллюстрирование» и «цитирование».

В-третьих, решение Верховного суда РФ породило целый ряд интересных дискуссий в профессиональном сообществе по вопросам заимствования произведений в связи с их использованием в средствах массовой информации. В частности о том, возможно ли законодательно (или иным универсальным способом) установить объем допустимого цитирования при использовании произведения.

Представляется, что этот вопрос не может быть решен нормативно. При толкова-

нии судами понятия «объем заимствования» именно в этой сфере, как правило, и возникают разногласия. Обычно суды исходят из объема цитирования в соотношении с объемом самого произведения. Такой подход, в целом, представляется верным, но недостаточным. В каждом конкретном случае решение необходимо принимать индивидуально, исходя из целей цитирования, субъектов отношений, контекста материала, сферы его использования, а также и объема цитирования.

Литература:

1. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в гражданском процессе. Тверь, 2013.
2. Андрощук Г.А. Дело фотографа Морела (американский суд запретил СМИ использовать фото из Twitter) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 12.
3. Бунина С.Г. К вопросу об этико-правовых пределах научного цитирования // Современное право. 2016. № 9.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. М., 1998.
5. Луткова О. Проблема охраноспособности произведений с незначительным уровнем творчества и повторных произведений в авторском праве зарубежных государств и Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 8.
6. Кондратьева Е.А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. М., 2014.
7. Михайлов С.М., Моргунова Е.А. и др. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / Под общ. ред. Е.А. Моргуновой. М., 2014.
8. Порохов М.Ю. Проблемы реализации отдельных принципов российского правосудия как конституционных гарантий судебной защиты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т. 58. № 2.
9. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1996.
10. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: гражданско-правовой аспект: монография. М., 2015.
11. Yengibaryan R. The institution of presidency in the USA // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 33. Issue 1. 2017.
12. Ampleeva T.Yu., Karaulova J.A. Constitutional control in Russia: Issues of evolution, theory and practice // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 33. Issue 1. 2017.
13. Ohki K. International intellectual property rights protection and economic growth with costly transfer // *Review of International Economics*. Volume 25. Issue 5. November 2017.

UNDERSTANDING TRANSFORMATION OF CITATION AS A CATEGORY OF COPYRIGHT IN THE CONTEXT OF CURRENT JUDICIAL PRACTICE

Introduction. *The article examines the changing approaches to understanding the category of “citation” in copyright law based on the definition of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court. The definition confirms the possibility of applying the rules of citation not only to literary works, but also to photos.*

Methods. *The methodological base of the research consists of the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and*

processes in the sphere of private law: systemic structural analysis, synthesis of socio-legal phenomena, comparative legal method, formal logical method.

Results. *The results of the studies revealed the relationship of the Definition of the Supreme court dated 05.12.2003 No. 78-Г03-77, and Definition of Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2017 N 305-ЭС16-18302 to confirm the possibility of applying the concept of “quoting” not only literary works*

but also to other works. It is concluded that, despite the fact that the Supreme Court in its order of 2003 points to the existence of this possibility, the judicial practice in this sphere was not uniform. In addition, the author analyzes the criteria of the legality of the citation in the context of the new judicial practice. The article also concludes that the decision of the Supreme Court of the Russian Federation confirmed the possibility of applying rules on the citation not only to photographic, but to any copyright works.

Conclusion. As a result the article concludes that the legitimate and valid size of quotations can

not be fixed in a legal norm or universally formulated by judicial practice. In each case it must be up to the court to assess it when considering the dispute in question.

Kirill Konstantinov,
Candidate of Science (Law), PhD, Associate Professor with the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

Ключевые слова:

авторское право, исключительное право, производное произведение, творчество, неприкосновенность произведения, цитирование, иллюстрирование.

Keywords:

copyright law, exclusive rights, derivative work, creativity, the inviolability of the work, quoting, illustration.

References:

1. Abushenko D.B., 2003. Problemy vzaimovlijaniya sudebnyh aktov i juridicheskikh faktov material'nogo prava v civilisticheskom processe [Problems of interference of judicial acts and legal facts of substantive law in civil process]. Tver'.
2. Androshhuk G.A., 2016. Delo fotografa Morela (amerikanskij sud zapretil SMI ispol'zovat' foto iz Twitter) [The case of the photographer Morel (U.S. court has banned the media to use a photo from Twitter)]. *Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and neighboring rights]. No. 12.
3. Bunina S.G., 2016. K voprosu ob jetiko-pravovyh predelah nauchnogo citirovaniya [To the question about the ethical and legal limits of scientific citation]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. No. 9.
4. Dal' V.I., 1998. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja [Explanatory dictionary of the living great Russian language by Vladimir Dal]. Moscow.
5. Lutkova O., 2016. Problema ohranosposobnosti proizvedenij s neznachitel'nym urovnem tvorcestva i povtornyh proizvedenij v avtorskom prave zarubezhnyh gosudarstv i Rossijskoj Federacii [The issue of the protectability of works with low level of creativity and re-works in the copyright law of the foreign States and the Russian Federation]. *Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and neighboring rights]. No 8.
6. Kondrat'eva E.A., 2014. Ob'ekty intellektual'nyh prav: osobennosti pravovoj ohrany [Objects of intellectual property rights: peculiarities of legal protection]. Moscow.
7. Mihajlov S.M., Morgunova E.A. i dr., 2014. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: aktual'nye problemy [Intellectual property: current problems], Moscow.
8. Porohov M.Ju., 2013. Problemy realizacii otdel'nyh principov rossijskogo pravosudija kak konstitucionnyh garantij sudebnoj zashhity [Problems of implementation of individual principles of justice as the constitutional guarantees of judicial protection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Saint-Petersburg MVD University of Russia]. Volume 58. No. 2.
9. Sergeev A.P., 1996. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual property law in the Russian Federation]. Moscow.
10. Frolov A.I., 2015. Chrezvychajnaja situacija: civilisticheskij aspekt [Emergency situation: civil law aspect]. Moscow.
11. Yengibaryan R., 2017. The institution of presidency in the USA. *Giornale di Storia Costituzionale* [The Journal of Constitutional History]. Volume 33. Issue 1.
12. Ampleeva T.Yu., Karaulova J.A., 2017. Constitutional control in Russia: Issues of evolvement, theory and practice. *Giornale di Storia Costituzionale* [The Journal of Constitutional History]. Volume 33. Issue 1.
13. Ohki K., 2017. International intellectual property rights protection and economic growth with costly transfer. *Review of International Economics*. Volume 25. Issue 5. November.

О ПОНЯТИИ ИНОСТРАННОГО РАБОТНИКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Елена Низамова*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-38-47

Введение. Активизация международной трудовой миграции населения, расширение сферы привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности порождает многоаспектные правовые проблемы. В связи с этим одной из основных задач Российской Федерации является формирование сбалансированного механизма правового регулирования трудовой деятельности иностранных граждан на своей территории, учитывающего как интересы государства и его населения, так и интересы самих иностранцев. Для адекватного правового регулирования трудовой деятельности иностранных работников, в первую очередь, должен быть сформулирован единый понятийно-категориальный аппарат, исключающий неоднозначность толкования основных терминов. К сожалению, несмотря на оживленные дискуссии в доктрине и активное совершенствование российского законодательства в этой сфере, единого подхода к раскрытию понятия иностранного работника до сих пор не сложилось.

Автором представлен обзор научных подходов иностранных и российских исследователей к определению дефиниции «лицо, осуществляющее трудовую деятельность на территории государства, гражданином которого оно не является». Проанализированы легальные определения смежных понятий, содержащиеся в универсальных и региональных международных актах, двусторонних соглашениях государств и нормативных актах национального законодательства. Рассмотрены подходы отечественного правоприменителя к квалификации отношений с участием иностранного работника. В результате, выявлены различия в объеме и содержании критериев, определяющих категорию иностранного работника как в юридической доктрине, так и в международных актах и актах отечественного законодательства.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили всеобщий метод познания - диалектика, общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование, дедукция и индукция и частнонаучные методы: исторический, сравнительный и системный анализ, формально-логический и иные методы, принятые в юриспруденции.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования выявлено, что используемые отечественным законодателем категории при характеристике правового статуса иностранцев в сфере трудовой деятельности, не отличаются однозначностью и единообразием в различных отраслях права. Усугубляют проблему и терминологические расхождения в международных актах и отечественном законодательстве. Кроме того, в российском праве не отражена специфика регулирования трудовой деятельности иностранного работника на основании гражданско-правового договора.

* **Низамова Елена Анатольевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
e-mail: nizamovaea@list.ru.

Обсуждение и заключение. Критический анализ подходов к определению понятия иностранного работника в иностранной и отечественной юридической доктрине, а также анализ и сопоставление нормативных источников национального законодательства, отдельных источников международного права позволили сформулировать основные системообразующие элементы понятия «иностраный работник» и дать его определение. В статье обосновывается необходимость расширения легального понятия иностранного работника путем определения трудовой деятельности иностранного работника как любой оплачиваемой (возмездной) деятельности, основанной на его личном трудовом участии.

Введение

Понятие лица, осуществляющего трудовую деятельность на территории другого государства, гражданином которого оно не является, закреплено как в международном, так и в национальном праве. Однако содержание указанной категории раскрывается по-разному.

В международных актах универсального и регионального характера правовая категория иностранного работника чаще всего обозначается термином «трудящийся-мигрант», который не используется в действующем российском законодательстве, но употребляется в юридической литературе. Объем и содержание термина «трудящийся-мигрант» в источниках международного права наполняется разными квалифицирующими признаками. В Конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей термин «трудящийся-мигрант» определяется как лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является (ст.2)¹. В конвенциях и рекомендациях МОТ понятие «трудящийся-мигрант» дополняется критерием законности нахождения на территории государства трудоустройства².

В региональных международных актах также отсутствует единообразие в определении понятия «трудящийся-мигрант». Так, в Европейской Конвенции «О правовом положении трудящихся-мигрантов» 1977 г. к чис-

лу основных признаков, характеризующих иностранного работника, относятся наличие гражданства Договаривающейся Стороны и разрешение Стороны трудоустройства проживать на ее территории трудящемуся-мигранту³. В Договоре о Евразийском экономическом союзе используется термин «трудящийся государства-члена», под которым понимается лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает (ст. 96)⁴. Здесь делается акцент на гражданство государства-члена, законность нахождения на территории государства трудоустройства, законность осуществления трудовой деятельности и временный характер нахождения на территории государства трудоустройства.

Таким образом, международное сообщество при определении понятия лица, осуществляющего трудовую деятельность на территории государства, гражданином которого оно не является, не выработало единой дефиниции, а имеющиеся определения значительно разнятся, что, не позволяет четко определить правовое положение названного субъекта в государстве приема.

Не отличаются четкостью и однозначностью правовые категории, используемые отечественным законодателем при характеристике правового статуса иностранца, осуществляющего трудовую деятельность на

¹ Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. М., 1996. С. 492.

² См., напр., п. 1 ст. 11 Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» от 1 июля 1949 г.; ст. 11 Конвенции МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» от 24 июня 1974г.; ст. 1 Рекомендации МОТ № 86 «О трудящихся-мигрантах» от 1 июля 1949 г.

³ Европейская Конвенция «О правовом положении трудящихся-мигрантов» от 24 ноября 1977 г. //Сборник международных правовых документов, регулирующих процессы миграции. М., 1994. С. 272.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014г. // <https://docs.eaeunion.org>

территории Российской Федерации. В действующем национальном законодательстве для обозначения статуса такого иностранного гражданина наряду с легальным термином «иностранный работник» используются такие дефиниции, как: «трудоустроенный-мигрант», «иностранная рабочая сила», «работники, являющиеся иностранными гражданами или лицами без гражданства», «иностранный гражданин, осуществляющий трудовую деятельность»⁵. При этом значение указанных терминов законодателем не раскрывается.

Таким образом, в настоящее время ни на международном уровне, ни на национальном не выработано единого подхода к определению понятия иностранного работника. В то время как выработка емкого и точного понятия носит не только теоретический, но и практический характер, поскольку позволяет разграничить легальных и нелегальных мигрантов.

Исследование

Согласно ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее - Закон о правовом положении иностранных граждан) иностранный работник - это иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность⁶. Несмотря на наличие легального определения иностранного работника, в научной литературе неоднократно подчеркивается как нелогичность использования термина «иностранный работник», не соответствующего содержанию принятой в международном праве дефиниции «трудоустроенный-мигрант», так и несовершенство законодательной техники при его формулировании⁷. Многочисленная критика в адрес законодателя, оперирующего понятием «иностранный работник», имеет вполне убедительную аргументацию, од-

нако в науке так и не выработан единый подход в определении понятия иностранного лица, осуществляющего трудовую деятельность на территории другого государства. В большинстве своем ученые предлагают использовать термин «трудоустроенный-мигрант», вкладывая в него различное содержание.

Отметим, что противоречивость в самом термине «иностранный работник», прежде всего, связана с использованием категории «работник», выработанной наукой трудового права. Именно в этой связи, как представляется, возникают противоречия между нормами Закона о правовом положении иностранцев, с одной стороны, и положениями Гражданского Кодекса РФ (далее - ГК РФ) и Трудового Кодекса РФ (далее - ТК РФ), - с другой. Так, Трудовой кодекс РФ устанавливает особенности регулирования труда всех иностранных граждан, независимо от времени нахождения на территории РФ, называя их «работниками, являющимися иностранными гражданами или лицами без гражданства» (гл. 50.1). Напротив, Закон о правовом положении иностранцев к числу иностранных работников относит только лиц, временно пребывающих на территории РФ. Соответственно, следуя логике законодателя, постоянно и временно проживающие иностранные граждане не могут быть иностранными работниками, что явно противоречит положениям трудового законодательства и здравому смыслу.

В отличие от трудового законодательства Гражданский Кодекс РФ не устанавливает специальных правил участия иностранных работников в гражданско-правовых отношениях, хотя Закон о правовом положении иностранных граждан предусматривает возможность осуществления иностранным работником трудовой деятельности на основании гражданско-правовых договоров о выполнении работ и оказании услуг. Гражданский кодекс РФ не оперирует понятием «работник», поскольку этот термин

⁵ Термин «трудоустроенный-мигрант» используется в подзаконных нормативных актах, напр., Указ Президента РФ № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 30.11.2016г.; Указ Президента РФ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» от 07.05.2012г. Понятием «иностранная рабочая сила» оперирует Закон № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁷ См., напр., работы таких авторов как: Андриченко Л.В. Проблемы развития законодательства Российской Федерации в сфере миграции // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Ершов, Н.А. Тузов. М., 2008; Иванчук А.И. Иностранец-работник: к вопросу об унификации понятия // Московский журнал международного права. 2014. № 4; Корнилов С.Г., Малышев Е.А. К вопросу об определении понятия «трудоустроенный-мигрант» в правовой системе Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. №4; Наумова Р.Л. Труд иностранцев у российского работодателя. М., 2009; и др.

используется трудовым законодательством при регулировании трудовых отношений. Сторонами договоров о выполнении работ и оказании услуг в соответствии с гражданским законодательством являются подрядчик и исполнитель соответственно. Право, применимое к отношениям, возникающим из договоров подряда и возмездного оказания услуг, определяется общими коллизионными нормами. ГК РФ не содержит особого подхода к регулированию гражданских отношений с участием иностранных работников. Их статус уравнивается с другими иностранными гражданами, вступающими в любые договорные отношения, будь то купля-продажа, дарение, наем жилого помещения, страхование и т.д. Однако очевидно, что участие иностранного работника в гражданско-правовых договорах, опосредующих трудовую деятельность, имеет свою специфику, которая, к сожалению, не нашла отражения в действующем гражданском законодательстве.

В структуре понятия «иностраный работник», закрепленного в Законе о правовом положении иностранных граждан, можно выделить и охарактеризовать следующие основные системообразующие элементы:

1) отсутствие у лица гражданства Российской Федерации и наличие гражданства (подданства) иного государства (иностраный гражданин);

2) временный характер пребывания в Российской Федерации;

3) цель пребывания - осуществление трудовой деятельности;

4) соблюдение установленного порядка, необходимого для осуществления трудовой деятельности (наличие разрешения на работу или патента).

Несмотря на критику со стороны ученых, при конструировании понятия «иностраный работник» отечественным законодателем были использованы основные признаки, характеризующие трудящихся-мигрантов в международных актах. В результате сравнительного анализа норм международного права, содержащихся в международных конвенциях, договорах и соглашениях в сфере трудовой миграции, А.И. Иванчук справедливо называет среди них следующие: наличие гражданства и (или) постоянного проживания в стране выезда; легитимность пребывания в стране приема; временный характер пребывания в стране приема; цель

пребывания - выполнение оплачиваемой работы; наличие трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ [2 С. 177-178].

Итак, иностранным работником является иностранный гражданин. Действующее российское законодательство раскрывает содержание понятия иностранный гражданин: это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства (ст. 2 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»)⁸. Закон о правовом положении иностранных граждан уточняет это понятие, определяя иностранного гражданина как физического лица, не являющегося гражданином Российской Федерации и имеющего доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Как и большинство зарубежных государств, Россия при отнесении физического лица к категории иностранных граждан использует два критерия: лицо не должно являться гражданином Российской Федерации и должно иметь документы, подтверждающие тесную связь (гражданство) с иностранным государством.

Согласно Конституции РФ, иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62). Положение, устанавливающее юридическое равенство иностранцев и собственных граждан страны приема, именуется в доктрине национальным режимом.

Действие национального режима распространяется на все сферы жизнедеятельности иностранного гражданина. Наиболее ярко принцип национального режима проявляется в области частного права. Так, в соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 2 ГК РФ правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. В ст. 11 ТК РФ закреплено, что на территории Российской Федерации правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных

⁸ Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

граждан, лиц без гражданства. Это означает, что к отношениям с участием иностранных лиц гражданское и трудовое законодательство применяется так же, как к отношениям с участием граждан РФ.

В сфере трудовой деятельности иностранцы пользуются правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, за рядом ограничений, установленных законом (ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан). Очевидно, что право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род занятий и деятельности во многом зависит от уровня квалификации и специальных знаний иностранного гражданина. Вместе с тем заметим, что в отечественной и зарубежной литературе обращается внимание на ряд трудностей, связанных с реализацией этого права [6. С. 116; 8. С. 277].

Объем ограничений осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина во многом зависит от режима его пребывания (проживания) в России. В отношении постоянно проживающих и временно проживающих на территории РФ иностранцев установлен только запрет на занятие определенных должностей и на осуществление определенных видов деятельности (ст. 12, ст. 14 Закона о правовом положении иностранных граждан). В отношении временно проживающих иностранных граждан также установлен запрет на осуществление трудовой деятельности вне территории субъекта РФ, где разрешено временное проживание. Объем ограничений для занятия трудовой деятельностью временно пребывающими иностранными гражданами значительно больше. Таких иностранцев работодатели (заказчики) вправе привлекать при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а иностранные граждане, временно пребывающие в Россию в порядке, требующем получения визы, должны иметь разрешение на работу.

Во многом такое положение дел объясняется целями, которые преследуют иностранные граждане, въезжающие на территорию Российской Федерации. При этом целью пребывания иностранного работника является не получение гражданства или места постоянного проживания, а осуществле-

ние трудовой деятельности и возвращение на родину по её завершению.

Очевидно, что при определении понятия «иностраный работник» законодатель ограничился включением в число таких субъектов только иностранных граждан, временно пребывающих на территорию РФ и осуществляющих трудовую деятельность. Вместе с тем на 87-ой сессии Международной конференции труда по проблемам трудовой миграции в официальном докладе при раскрытии дефиниции трудящийся-мигрант указывается на отсутствие разницы между работниками, которые мигрировали для постоянного поселения и работниками, которые не намерены оставаться в стране пребывания на длительный срок⁹.

Закон о правовом положении иностранных граждан под трудовой деятельностью иностранного гражданина понимает работу иностранного гражданина в Российской Федерации на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг). Ранее осуществление такой деятельности было возможно только в рамках трудовых отношений, то есть на основании трудового договора. Такой подход явно ограничивал свободу иностранцев при выборе способов реализации своих способностей в сфере трудовой деятельности и не позволял осуществлять ее вне пределов трудовых отношений.

Альтернатива выбора, предусмотренная действующим Законом о правовом положении иностранных граждан в РФ, позволяет иностранцам и лицам, привлекающим их для осуществления оплачиваемой деятельности, самостоятельно определять в рамках каких - гражданских или трудовых отношений будет осуществляться работа иностранным гражданином. Это положение в полной мере отвечает и конституционному принципу свободы труда, и отраслевому гражданско-правовому принципу свободы договора. Оно позволяет учесть как потребности иностранного работника, так и потребности работодателя (заказчика), а также специфику выполняемой работы, при этом условия и порядок привлечения иностранцев к работе одинаковы, независимо от основания возникновения отношений. Поэтому не согласимся с авторами, которые предлагают «терминологически разделить» иностранных работников, осуществляющих оплачиваемую деятельность на основании трудового договора, и иностранных работ-

⁹ Migrant workers. International Labour Conference. 87th Session. 1999. Report III (Part 1B). P.43

ников, заключивших гражданско-правовой договор на выполнение работ или оказание услуг¹⁰. Считаем, что реализация такого предложения не принесет пользу, поскольку гарантии прав и механизм их защиты должны быть едины, независимо от оснований возникновения отношений с участием иностранного работника.

Определение трудовой деятельности как работы на основании трудового или гражданско-правового договора в полной мере соответствует международным нормам, которые используют в качестве признака трудящегося-мигранта занятие им оплачиваемой деятельностью, не уточняя при этом, на каком договоре эта деятельность основывается. Статья 2 Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. к трудящимся-мигрантам относит любое лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является. Заметим, что страны, в массовом порядке экспортирующие свою рабочую силу, рассматривают указанную Конвенцию в качестве основного документа, устанавливающего гарантии защиты прав своих граждан, трудящихся по всему миру [5. С. 91]. Не уточняется основание осуществления трудовой деятельности при определении понятия трудящегося-мигранта в Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств 2008 г., в Договоре о Евразийском экономическом союзе при формулировании понятия «трудящийся государства-члена». Представляется, что российский законодатель необоснованно сузил понятие трудовой деятельности иностранного работника.

В действующем гражданском законодательстве в качестве основного начала регулирования договорных отношений выступает принцип свободы договора. Известно, что свобода договора включает в себя не только свободу усмотрения лица на вступление в договорные отношения, но и возможность выбора любой договорной формы, как предусмотренной действующим законодательством, так и не поименованной в нем, а также возможность заключения смешанных договоров.

Например, в договоре аренды имущества, где арендатором является иностранный гражданин, формой арендной платы могут выступать услуги, оказываемые арендатором - иностранцем, или выполняемые им работы (п. 2 ст. 614 ГК РФ). Арендодатель может предоставить в наем иностранцу помещение для проживания взамен на косметический ремонт этого помещения. Будет ли такая форма арендной платы являться трудовой деятельностью иностранца? Действующее законодательство не дает ответа на поставленный вопрос.

Также не ясно, является ли личное участие иностранного гражданина в качестве члена крестьянского фермерского хозяйства трудовой деятельностью. Схожий, с юридической точки зрения, вопрос возникает при личном трудовом участии иностранца в производственном кооперативе. Открытым остается вопрос и о том, будет ли иностранный гражданин, заключивший смешанный или непоименованный в ГК РФ договор, считаться иностранным работником, если по условиям договора используются его личные способности?

Отметим, что при буквальном толковании норм Закона о правовом положении иностранных граждан в РФ примеры указанных видов работы не входят в понятие трудовой деятельности, следовательно, иностранные лица - наниматели, арендаторы, члены крестьянского (фермерского) хозяйства или производственного кооператива не являются в силу закона иностранными работниками.

Такое ограниченное толкование трудовой деятельности иностранного работника, с одной стороны, является почвой для злоупотреблений лицами, использующими труд иностранцев, а с другой - выступает основанием для необоснованного исключения указанных иностранных граждан из категории иностранных работников, что не позволяет им воспользоваться правовыми механизмами защиты прав, которые имеются в арсенале у трудящихся-мигрантов, в том числе в рамках двусторонних соглашений РФ со странами, гражданами которых являются иностранцы.

На наш взгляд, трудовая деятельность иностранного работника должна трактоваться широко, как любая оплачиваемая (возмездная) деятельность, основанная на

¹⁰ См., например, такие работы как: Жильцова Ю.В. Регулирование труда мигрантов: пробелы трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом, 2010. № 3; Особенности правового регулирования трудовых отношения отдельных категорий работников: научно-практическое пособие / Отв. ред. О.Ю. Коршунова. М., 2015; и др.

личном трудовом участии иностранца. Таким образом, деятельность, в которой задействован личный труд иностранного гражданина, временно пребывающего на территории Российской Федерации, должна являться трудовой деятельностью, а иностранный гражданин должен считаться иностранным работником. Следует учесть, что международные акты универсального характера при определении понятия трудящегося-мигранта используют критерий осуществления им оплачиваемой деятельности на территории другого государства без указания оснований и специализации такой деятельности. Например, согласно позиции МОТ, изложенной на 100-й сессии Конференции, при определении терминологии и условий труда мигрантов указывается, что к иностранному работнику относятся в том числе лица, занимающиеся ведением домашнего хозяйства [7. С. 67].

При определении статуса иностранного работника российская правоприменительная практика также не отличается единообразием. Причиной тому, как представляется, выступают пробелы в регулировании труда мигрантов. Так, решением Санкт-Петербургского городского суда производственно-строительный кооператив (ПСК) был привлечен к административной ответственности вследствие использования труда на территории Российской Федерации гражданки Республики Узбекистан при отсутствии у последней разрешения на работу¹¹. Судом не было учтено, что ПСК использовал труд гражданки Республики Узбекистан как члена кооператива, а договор подряда связывал ПСК и хозяйственное общество, а не самого работника. Выводы суда также не в полной мере соотносятся с легальным понятием трудовой деятельности иностранного работника.

Не согласуется определение трудовой деятельности, закрепленное в Законе о правовом положении иностранных граждан в РФ, с понятием, содержащимся в примечании к ст. 18.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях¹². В частности, в примечании указано, что под привлечением к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства понимается допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг либо иное использование тру-

да иностранного гражданина. В результате буквального толкования положений КоАП РФ следует вывод, что трудовой деятельностью иностранного гражданина является не только выполнение работ или оказание услуг, но и любое иное использование труда иностранного работника.

Не менее важной проблемой является отсутствие в действующем гражданском законодательстве положений, регулирующих трудовую деятельность иностранных работников на основании гражданско-правового договора. С одной стороны, законодателем учтены современные тенденции развития рынка трудовой миграции, трудовая деятельность иностранца не ограничивается исключительно трудовыми отношениями, но, с другой стороны, в Гражданском кодексе РФ нет ни одной нормы, определяющей особенности положения иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность по договору о выполнении работ (оказании услуг), что существенно снижает степень правовой защиты названной категории граждан.

Результаты исследования

Таким образом, для адекватного, четкого и определенного правового регулирования трудовой деятельности иностранцев, в первую очередь, должен быть сформулирован понятийно-категориальный аппарат, включающий в себя логически выстроенный понятийный ряд, элементы которого взаимосвязаны, «смысл каждого раскрывается друг через друга: последующее понятие включает в себя характеристику предыдущего, базового, становясь производным, но одновременно пополняясь специальными квалифицирующими признаками, приобретая более конкретное содержание» [1. С. 115].

Закон о правовом положении иностранных граждан в РФ является базовым нормативным актом, закрепляющим статус иностранного гражданина, в том числе в сфере трудовой деятельности [3. С. 594]. Его положения должны детализироваться и развиваться в рамках специального гражданского и трудового законодательства, регулирующего отдельные виды трудовой деятельности иностранца. Однако, с одной стороны, Закон о правовом положении иностранных граждан содержит противоречивые и не отличающиеся четкостью формулировки, а, с

¹¹ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 24.08.2010 № 12-763/10 // <https://rospravosudie.com>

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.

другой стороны, ни трудовое, ни гражданское законодательство не предусматривает особых норм, устанавливающих специфику возмездной деятельности иностранного работника. Трудовой Кодекс РФ, урегулировав особенности трудовых отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства (гл. 50.1), распространяет свое действие на всех работников-неграждан РФ, как постоянно и временно проживающих в России, так и временно пребывающих. Гражданский Кодекс РФ, напротив, не содержит норм, отражающих особенности участия иностранных работников в гражданско-правовых отношениях, ограничившись лишь общими коллизионными нормами, применимыми к договорам международного характера.

С учетом изложенного, считаем необходимым:

- во-первых, рассматривать трудовую деятельность иностранного работника как любую оплачиваемую (возмездную) деятельность, основанную на личном труде иностранного гражданина;

- во-вторых, законодательно закрепить категорию «трудящийся-мигрант», указав на ее соотношение с понятием «иностран- ный работник»;

- в-третьих, разработать специальный комплекс правовых норм, учитывающих специфику участия иностранных работников в гражданских отношениях, основанных на их личном труде.

Заключение

Признание Россией общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ частью национального законодательства возлагает на государство обязанность при имплементации международных норм строго следовать их целям и содержанию [4. С. 197]. Препятствием к достижению указанных целей, в частности, являются расхождения в использовании понятий, содержащихся в международных актах и внутригосударственном законодательстве, а также несогласованность национальных норм в рассматриваемой сфере. Названные недостатки снижают эффективность правового регулирования трудовой деятельности иностранных работников, что, в свою очередь, требует от Российской Федерации неотложных законодательных решений в соответствии со взятыми на себя обязательствами по соблюдению международных стандартов.

Литература:

1. Иванчак А.И. Иностраный работник: к вопросу об унификации понятия // Московский журнал международного права, 2014. № 4.
2. Иванчак А.И. Правовой режим труда иностранных граждан в Российской Федерации: монография. М., 2016.
3. Международное частное право / Отв.ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. В 2-х т. Т. 2. М., 2015.
4. Хабриева Т.Я. Правовая система Российской Федерации в условиях международной интеграции // Вестник российской академии наук, 2015. № 3.
5. Чеснаков А.А. Международное регулирование прав мигрантов // Международные процессы. 2015. Том 13. №1 (40).
6. Currie S. De-Skilled Devalued: The Labour Market Experience of Polish Migrants in the UK Following EU Enlargement // International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. Volume 23 (2007).
7. Fudge J. Global Care Chains: Transnational Migrant Care Workers // International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. Volume 28 (2012).
8. Sawyer C., Blitz B. Statelessness in the European Union: Displaced, Undocumented, Unwanted. Cambridge, 2011.

ON THE NOTION OF FOREIGN WORKER IN THE RUSSIAN CURRENT LEGISLATION

Introduction: The intensification of international labor migration and the expansion of foreign citizens' involvement in various spheres of labor trigger multidimensional legal problems. Due to this fact, one of the essential challenges that the Russian Federation is facing is to establish a balanced mechanism for regulation of foreign workers' labor activity on Russian territory, a mechanism that would accommodate both the interests of the country and its population, and the foreign workers' needs. In order to form an adequate regulation system of foreign workers' labor, a conceptual and categorial framework needs to be established to preclude any ambiguity in the interpretation of key terms. Unfortunately, despite the heated policy discussions and a vigorous enhancement of the Russian Federation's legislation in this sphere, an integrated approach to the concept of a foreign worker has not yet been established.

Here-in-under is a survey of scientific approaches adopted by Russian and foreign researchers in determining the definition of "a person who works in a country other than the country of his or her citizenship". Legal definitions of related concepts, contained in universal and regional international regulations, countries' bilateral agreements and statutory acts of national legislation were analyzed. Various approaches to qualifying relationships involving foreign workers adopted by domestic law enforcers were examined. As a result, differences were revealed in the scope and contents of the criteria that define the foreign worker category both within legal policy and in international and domestic legislative acts.

Materials and methods: The methodological basis of the research was formed by a universal method of cognition (dialectics), general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, and induction) and specific scientific methods adopted in legal studies (historical, comparative and systemic analysis, formal logic method, etc.).

Results: The research revealed that the categories used by Russian legislators for qualifying the foreign workers' status in the sphere of labor activity are characterized by ambivalence. Besides, Russian legislation does not reflect the specific aspects of regulating labor activity of a foreign worker on the basis of a civil law contract.

Discussion and conclusion: Critical analysis of approaches to defining the concept of foreign worker in domestic and foreign legal studies, the analysis and comparison of regulatory acts in national legislation as well as in certain international legal resources allowed us to articulate the essential systemic elements of the "foreign worker" concept and provide a definition for it. This research paper substantiates the need to expand the legal concept of foreign worker by establishing labor activities of a foreign worker as any paid (compensated) activities based on his or her personal labor efforts.

Elena Nizamova,

Ph.D. (Law), Associate Professor with the Civil Law Department of the North-Western branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation)

Ключевые слова:

иностраннный гражданин, временное пребывание, иностраннный работник, трудящийся-мигрант, работник-мигрант, трудовая деятельность иностранного работника, гражданско-правовой договор.

Keywords:

foreign citizen, temporary stay, foreign worker, migrant worker, migrant laborer, labor activity of a foreign worker, civil contract.

References:

1. Ivanchak A.I., 2014. Inostrannyj rabotnik: k voprosu ob unifikacii ponjatija [Foreign Worker: Questions Concerning Terminology Unification (Summary)]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 4.
2. Ivanchak A.I., 2016. Pravovoj rezhim truda inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii: monografija [Legal framework of foreign citizens' labor in the Russian Federation: a monograph]. Moscow, MGIMO-Universitet [MGIMO-University].
3. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [International private law]. Otv. red. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova. V 2-h t. T. 2. Moscow, 2015.

4. Habrieva T.Ja., 2015. Pravovaja sistema Rossijskoj Federacii v uslovijah mezhdunarodnoj integracii [Russian Legal System under Conditions of International Integration]. *Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. № 3.
5. Chesnakov A.A., 2015. Mezhdunarodnoe regulirovanie prav migrantov [International regulation of migrant rights]. *Mezhdunarodnye processy [International processes]*. Tom 13. № 1 (40).
6. Currie S., 2007. De-Skilled Devalued: The Labour Market Experience of Polish Migrants in the UK Following EU Enlargement. *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. Volume 23.
7. Fudge J., 2012. Global Care Chains: Transnational Migrant Care Workers. *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. Volume 28.э
8. Sawyer C., Blitz B., 2011. Statelessness in the European Union: Displaced, Undocumented, Unwanted. Cambridge, 2011.

КУРС НА СОВМЕСТНОЕ ОСВОЕНИЕ ЮЖНО-КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Евгения Неверова*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-48-57

Введение. Статья посвящена предварительному исследованию российско-японской договоренности о совместном освоении Южно-Курильских островов в контексте территориальных разногласий об их принадлежности и цели по заключению мирного договора с точки зрения международного права.

Материалы и методы. Описанные ниже результаты исследования были получены посредством теоретического и эмпирического анализа имеющихся сведений о содержании российско-японской договоренности, оценок российских и зарубежных экспертов, а также международно-правовых материалов (международных договоров, практики и доктрины) по вопросам норм, регулирующих относимые к рассматриваемой ситуации аспекты, в целом, и исхода российско-японского спора, в частности.

Результаты исследования. В 2016-2017 гг. главы Российской Федерации и Японии пришли к принципиальной договоренности о совместном хозяйственном освоении Южно-Курильских островов, находящихся под суверенитетом России с 1945 года в соответствии с соглашениями военного времени, но с 1950-х гг. являющихся предметом территориальных притязаний Японии. Руководство двух стран выразило общую надежду на то, что такая деятельность позволит им приблизиться к заключению мирного договора по итогам Второй мировой войны. Между тем, данная перспектива вызывает опасения, в том числе среди специалистов, о возможной утрате Россией правового титула ввиду допущения японских инвесторов на эти территории и предположительно сопутствующего этому молчаливого признания японских притязаний.

Обсуждение и заключение. При рассмотрении с точки зрения применимого международного права, молчаливое признание правового титула другого государства на территорию требует недвусмысленного отказа от осуществления суверенитета над ней. Кроме того, помимо прямого высказывания глав двух государств о том, что совместная деятельность не затронет их позиции по территориальному вопросу, на основании практики российско-японских соглашений о совместном промысле морских живых ресурсов в пространствах вокруг Южно-Курильских островов высказывается предположение о том, что этот риск будет исключен с помощью защитной клаузулы в будущем международном договоре о таком совместном освоении. Кроме того, в ответ на высказываемые опасения предлагаются рекомендации о признании наличия спора в рамках отношений сторон и формах соблюдения права населения Южно-Курильских островов и всей Российской Федерации на самоопределение в случае изменения территориального статуса этих территорий.

* Неверова Евгения Владимировна, аспирантка кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: serra90@mail.ru.

Введение

За последние полтора года существенно активизировались переговоры между Россией и Японией об экономическом сотрудничестве, направленные на сближение двух стран и достижение согласия по вопросу, остающемуся неурегулированным между ними уже более семидесяти лет, - заключению мирного договора по итогам Второй мировой войны. В декабре 2016 года прошел первый раунд переговоров между главами государств - Президентом РФ В.В. Путиным и Премьер-министром Японии С. Абэ в г. Нагато и Токио¹. В апреле текущего года уже японский Премьер-министр посетил российского коллегу в Москве². Японские источники назвали их переговоры «содержательными и откровенными»³. Кроме того, впервые за последние 4 года состоялась встреча в формате «2 + 2» между министрами иностранных дел и обороны двух стран. Все три раунда совещаний были сосредоточены вокруг перспектив и планов совместного освоения Южно-Курильских островов. Острова, а, точнее, японские притязания на суверенитет над ними, являются основным препятствием для заключения мирного договора и окончательной нормализации российско-японских отношений [13. С. 119-120; 18. С. xvii-xviii; 24. С. 4; 26. С. 1; 27. 712-720; 28. 108-109, 112, 116-117, 119].

Острова были заняты советскими войсками ко 2-4 сентября 1945 г. [24. С. 164-166] в соответствии с международными договоренностями союзников военного времени⁴, однако, поскольку СССР по ряду причин [14. С. 36] отказался подписать Сан-Францисский

мирный договор с Японией от 8 сентября 1951 г., хотя договор предусматривал отказ Японии от «всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова», помимо прочего⁵, острова не были недвусмысленно переданы СССР⁶, и с января 1950 года японское руководство возобновило притязания на эти территории [24. С. 198-199]. В рамках Совместной советско-японской декларации 1956 года, прекратившей состояние войны между двумя странами, СССР согласился на передачу Японии меньших из четырех островов - о. Шикотана и о-вов Хабомаи - после подписания мирного договора⁷. Такой договор так и не был подписан, и Япония продолжила проводить так называемую политику *yontō ikkatsu henkan-ron*, предусматривающую заключение мирного договора только после передачи всех четырех островов, а также исходить из принципа «неразделимости политики и экономики» в переговорах, в результате которого экономическое содействие ставилось в зависимость от территориальных уступок, тем самым, заведя отношения с СССР, а затем и с Российской Федерацией в тупик, существующий и по сей день [8. С. 2-6]. Острова обладают экономической, стратегической и, чего нельзя не учитывать, sentimentalной ценностью для обоих государств [12. С. 54-69; 25. С. 232, 237], и ни одно не готово поступиться своей позицией⁸ [8. С. 142-156 (где автор последовательно рассматривает каждый из аргументов, питающих надежду японской стороны на то, что четыре острова однажды будут ей переданы, и приходит к выводу, что российская сторона едва ли когда-то примет их)]. Между тем, их главы пришли к принципиаль-

¹ Визит в Японию. 15-16.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/trips/53488> (дата обращения: 27.09.2017).

² Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ. 27.04.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54388> (дата обращения: 27.09.2017).

³ Правительство Японии: переговоры с Россией прошли с большим успехом. 28.04.2017. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3283935> (дата обращения: 27.09.2017).

⁴ Речь, прежде всего, о Ялтинском соглашении СССР, США, Великобритании по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 года, предусмотревшем передачу СССР Курильских островов в качестве условия его вступления в войну против Японии. Сборник документов, С. 117.

⁵ Сборник документов и материалов по Японии (1951-1954 гг.). М.: ДПО МИД СССР, 1954, С. 89-104. Оригинал-текст на английском языке см. в San Francisco Peace Treaty, 46 U.N.T.S. 1952.

⁶ Несмотря на то, что других очевидных претендентов на суверенитет над Курильскими островами кроме СССР не было, двусмысленность возникла, прежде всего, ввиду положения ст. 25 Сан-Францисского мирного договора, согласно которому «Договор не будет предоставлять каких-либо прав, правооснований или преимуществ государству, которое не является Союзной Державой», то есть не подписало указанный договор.

⁷ Сборник документов, С. 186-189 («9. [...] Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»).

⁸ Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>.

ной договоренности о совместном освоении островов, что нельзя не признать зрелым решением, успех которого позволит России повысить свою экономическую, культурную и политическую привлекательность и приобрести важного партнера [3. С. 7]. В этой связи важно понять, какие перспективы открывает «новый подход», согласованный Президентом Путиным и Премьер-министром Абэ, в первую очередь с точки зрения международного права.

Исследование

Хотя подробности рассматриваемой договоренности пока не раскрываются, некоторые аспекты следуют из заявлений глав государств и их ответов на вопросы журналистов⁹. Так, известно, что:

1) договоренность будет направлена на «развити[е] всего комплекса связей между двумя странами и создани[е] атмосферы доверия и сотрудничества, вывод отношений на качественно новый уровень», в качестве «важн[ого] шаг[а] на пути к заключению мирного договора»;

2) совместное освоение будет осуществляться в областях промышленности, энергетики, сельского хозяйства, инфраструктуры, инноваций, рыболовства, марикультуры, туризма, медицины, экологии и др.;

3) предусматривается также развитие гуманитарных мер, таких как облегчение посещения островов для их бывших жителей – граждан Японии;

4) форма реализации этой договоренности (международный договор) будет разработана после оценки конкретных проектов и предложений;

5) переговоры будут вестись в соответствии с международным правом и на базе Совместной декларации 1956 года;

6) совместное освоение не затронет позиции сторон по территориальному вопросу.

Отметим также, что 23 августа 2017 г. Премьер-министр РФ Д.А. Медведев подписал акт о создании территории опережающего развития (ТОР) «Курилы», охватывающей Южно-Курильский городской округ (т.е. о-ва Кунашир, Шикотан и Хабомай)¹⁰; соответствующие изменения были внесены в федеральную программу освоения этих территорий¹¹. Создание на Южно-Курильских островах ТОР предполагает введение особого правового режима для предпринимательской деятельности в шести обозначенных в актах Правительства РФ областях. Вместе с тем этот шаг не означает отказа России от сотрудничества с Японией¹²; по-видимому, обе модели освоения будут существовать одновременно.

Для тех, кто знаком с историей российско-японских отношений по этому сложному вопросу, идея совместного хозяйственного освоения Южных Курил вряд ли покажется новой. Она высказывается в той или иной форме практически во всех предлагаемых специалистами концепциях компромиссного (то есть не включающую нереалистичную [16. С. 27-28; 10. С. 415; 7. С. 6; 11. С. 25-26] безусловную передачу Японии этих территорий) решения территориального вопроса между сторонами. Так, знаменитая *формула «два плюс альфа» (Ельцинская формула)* предполагала передачу территорий в обмен на экономическое сотрудничество. Этот вариант начал продвигаться в 1990-е гг. в рамках нового политического курса в России [6. С. 179, 228-229]. Решение состояло в том, чтобы передать Японии незамедлительно о-ва Шикотан и Хабомай, а затем постепенно договориться о «судьбе» о-вов Кунашир и Итуруп, тогда как Япония, со своей стороны, должна была содействовать созданию режима «совместного хозяйственного освоения» спорных островов. Однако эти предложения были «истолкован[ы] в Японии как косвен-

⁹ Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>; Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), 16.12.2016 // <http://kremlin.ru/supplement/5151>.

¹⁰ Постановление Правительства РФ № 992 от 23.08.2017 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Курилы»» // <http://static.government.ru/media/files/xNkRI6dakoAbvVQj9iBxjpxwGeKtAH0i.pdf>.

¹¹ Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016-2025 годы», URL: <http://static.government.ru/media/files/JCaHgEI5IzUMCxPZDPmoLmLBU3FsTKB6.pdf> (дата обращения: 27.09.2017); Постановление Правительства РФ № 990 от 23.08.2017 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016-2025 годы» // <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201708240007.pdf>.

¹² Объем частных инвестиций в ТОР «Курилы» составит 10 миллиардов рублей. 23.08.2017. РИА Новости // <https://ria.ru/economy/20170823/1500907204.html>.

ное признание российской стороной «обоснованности» японских притязаний на эти острова [6. С. 230-231] и в преддверии визита Б. Ельцина в Японию в 1992 г. столкнулись с широчайшим сопротивлением. С тех пор курс был задан на более твердую позицию, не предусматривающую никакие уступки [6. С. 228-229; 25. С. 241]. Более современный аналог этого предложения принадлежит Д. Тренину, директору Центра Карнеги в Москве, который предлагает России немедленно передать Японии о-ва Хабомаи и Шикотан, а затем, по прошествии 50 лет, в течение которых на оставшихся двух островах – Кунашире и Итуруп – будет создана и введена в действие система экономического сотрудничества и правовой режим совместного пользования, передать и их [23. С. 1-2]. Даже японским комментатором эта перспектива оценивается как слишком далекая от подхода текущего российского руководства к проблеме [23. 2-4]. Ни одна из этих концепций не была реализована.

Противление такому решению происходит из страха, что допущение японских инвесторов – физических и юридических лиц, – а также потенциальное разрешение гражданам Японии (прежде всего – бывшим жителям островов) беспрепятственно посещать или проживать на Южно-Курильских островах тождественно территориальным уступкам со стороны России. «По мнению экспертов, – пишет новостной портал RT, – японские политики рассчитывают применить к оспариваемой территории тактику ползучей экспансии. Для этого острова планируется заселить японскими гражданами и вывести постепенно под юрисдикцию Японии»¹³. «То есть, по сути дела, речь идёт о фактическом предоставлении японцам на нашей суверенной территории статуса экстерриториальности», – высказывается А.А. Кошкин, академик, профессор Восточ-

ного университета¹⁴. Вместе с тем, подобные опасения беспочвенны, если рассматривать ситуацию сквозь призму международного права и, в частности, материалов практики России и Японии, успешно регулирующих некоторые аспекты хозяйственного освоения ресурсов региона.

Возможный переход правового титула на территорию в ситуации, когда государство своевременно не заявляет протест против властных действий другого государства, претендующего на ту же территорию, регулируют международно-правовые принципы молчаливого признания и эстоппеля и доктрина приобретательской давности [21. С. XXV; 10. С. 166-174; 15. С. 468-469]. Вместе с тем эти принципы и доктрина не подменяют собой эффективное осуществление фактического контроля (суверенитета) над территорией, а в случае молчаливого признания и эстоппеля не являются самостоятельным основанием для приобретения правового титула. Для их действия необходимо, чтобы прежний суверен недвусмысленно отказался от своего суверенитета¹⁵ [17. С. 46-47]. В случае же, если между Россией и Японией будет заключен международный договор о совместном освоении Южно-Курильских островов, или мирный договор, прямо не предусматривающий полного замещения российского суверенитета японским, успешность заявления Японией аргумента на основании такого признания даже по прошествии длительного времени невысока. Кроме того, учитывая предшествующую практику двух государств, а именно, заключенные между ними в области совместного промысла морских живых ресурсов договоры¹⁶ [2. С. 40-45], а также уже упомянутое прямое заявление о том, что договоренность о совместном освоении не будет влиять на позиции сторон по территориальному вопросу¹⁷, опасаться нечего. Названные международные договоры в

¹³ Мирный договор и немирный атом: о чем будут говорить в Москве Владимир Путин и Синдзо Абэ. 27.04.2017. RT. // <https://russian.rt.com/russia/article/383240-moskva-putin-abe-peregovory>.

¹⁴ Острова преткновения: к чему приведёт совместное освоение Курил Россией и Японией. 17.06.2017. RT // <https://russian.rt.com/russia/article/400815-kurilskie-ostrova-rossia-yaponia>

¹⁵ *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962, P. 25-27; *Legal Status of Eastern Greenland (Denmark v. Norway)*, P.C.I.J. Reports, Series A/B, No. 53, P. 42-44.

¹⁶ Федеральное агентство по рыболовству – Раздел «Международное сотрудничество» // <http://old.fish.gov.ru/activities/Pages/IntCooper.aspx>.

¹⁷ В Кремле прокомментировали протест Японии по Курилам. 14.02.2017. Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/14/677599-kreml>; Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016. // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>; Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), 16.12.2016 // <http://kremlin.ru/supplement/5151>; Песков опроверг передачу Курил Японии. 09.02.2017. Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/09/676854-kurili-peskov>.

области промысла морских живых ресурсов содержат «защитные» клаузулы о том, что никакие положения соответствующего договора или вытекающая из них деятельность не должны рассматриваться как влияющие каким-либо образом на позиции обоих государств «по вопросам о ширине территориальных вод и юрисдикции в области рыболовства» (Соглашение 1975 г.), «по вопросам морского права, так и по вопросам взаимных отношений» (Соглашение 1984 г.), «по вопросам морского права» (Соглашение 1985 г.) и «по вопросам взаимных отношений» (Соглашения 1998 и 2012 гг.). Такие клаузулы распространены в восточно-азиатских соглашениях о морских живых ресурсах. Так, Ст. VIII Соглашения 1985 года идентична Ст. 14 Соглашения о рыболовстве, заключенного между Китаем и Южной Кореей в 2001 г.; сходное положение предусмотрено в Ст. 15 Соглашения между Японией и Южной Кореей о промысле в районе спорного острова Такэсима (кор. Токто) 1999 года [24. С. 63; более подробно см. в 5. С. 45-56].

Представляется, что эта практика, может и, хотя она не имеет нормативного характера (т.е., несмотря на ее существование, затруднительно говорить о приобретении ею обязательной силы, например, в рамках некоего регионального обычая [1. С. 82]), вероятней всего, будет по практическим соображениям использоваться для подготовки соглашения о совместном освоении островов. Прямое выражение воли государств, закрепленной таким образом, полностью исключит риск «молчаливого» перехода правового титула. Даже в случае теоретического создания на территории Южно-Курильских островов специальной зоны с российским, японским, смешанным или специально разработанным правовым регулированием (несмотря на то, что конкретные договорные положения еще недоступны, из комментария помощника Президента РФ Ю. Ушакова следует, что деятельность будет основана на законодательстве России¹⁸), четко и компетентно сформулированная клаузула устранила бы всякое недопонимание. При должном применении юридической техники государствами, как нам кажется, не стоит бояться смелых и новаторских схем, которые позволят учесть специфику региона, экономических и инвестиционных моделей принимающей стороны (России) и нового партнера (Японии) и

создать на территории Южно-Курильских островов свой Гонконг – то есть район с особым режимом, направленным на привлечение инвестиций. Подчеркнем: речь не шла бы в таком случае о каком-либо разделении суверенитета или его совместном осуществлении (если об этом прямо не договорятся стороны, что маловероятно в свете их текущих позиций), но о ведении совместной экономической деятельности на основе двустороннего международного договора при сохранении территориального статус-кво.

В свете любого предложения, затрагивающего судьбу Южно-Курильских островов, обеспокоенность специалистов [14. С. 41-42 (где отмечается также неопределенность в части учета населения бывших жителей островов и потомков коренного народа – айнов); 8. С. 98-99 (где рассматривается вопрос о возможности, в случае согласия России на уступки, оспаривания вновь обретенного суверенитета Японией на основании нарушения права народов на самоопределение, и приводится сравнение с крымским референдумом 2014 года)] вызывает вопрос учета интересов такого населения в случае территориальных уступок в пользу Японии. В дополнение к уже освещенному выше тезису о том, что совместное освоение Южно-Курильских островов не повлечет перехода суверенитета над ними, необходимо отметить еще несколько значимых моментов. В первую очередь, с первого взгляда кажется, что российское право, а именно ч. 3 ст. 3 («Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.») и ч. 3 ст. 67 («Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия.»), п. «н» ст. 71 («В ведении Российской Федерации находятся: ... н) определение статуса и защита государственной границы...»), ч. 1 ст. 76 («По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.») Конституции РФ¹⁹ и ст. 5 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) («Прохождение Государственной границы устанавливается и изменяется международными договорами Российской Федерации, федеральными законами.»)²⁰, не

¹⁸ СМИ сообщили о плате Японии по сотрудничеству с Россией на Курилах. 26.02.2017. Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/26/678948-smi-yaponii-kurilah>.

¹⁹ Конституция РФ от 12 декабря 1993 года // <http://www.constitution.ru>.

²⁰ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Гарант.

так четко, как хотелось бы, регламентирует участие населения в разрешении вопроса о его собственной территории. Однако же названные положения, по всей видимости, были разработаны на основании Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., чей п. 8 гласит: «Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума»²¹. Таким образом, при установлении (впервые за послевоенный период) международной границы между Российской Федерацией и Японией, потребуется всероссийский референдум. В подкрепление этого толкования действует и международное право, а именно принцип самоопределения народов, имеющий статус императивной нормы международного права (*jus cogens*) и действующий в интересах всех (*erga omnes*)²² [22; 20. С. 8-9]. В широком понимании этот принцип означает, что лишь народ как источник суверенитета вправе распоряжаться своей территорией [9. С. 469-470]. Из этого следует, что в практическом плане территориальная уступка должна быть одобрена не только населением самих островов (или шире – Сахалинской области, в которую они входят), но и всей Российской Федерации. Разумеется, можно предположить, что в случае заключения международного договора цессии, воля народа Российской Федерации будет выражена его представителями в российском Парламенте при ратификации такого договора в форме принятия федерального закона²³. Вместе с тем во избежание рисков оспаривания действительности этого договора в будущем как с точки зрения российского, так и международного права желательно, на наш взгляд, провести общероссийский референдум для решения вопроса о судьбе Южно-Курильских островов. Эти правовые требования можно считать еще одной гарантией для тех, кто опасается «торговли» российской территорией, и залогом доверия российских граждан своему государству [4; 31].

Следующий важный аспект, который такая договоренность, смеем надеяться, может разрешить – это признание Россией наличия спора о территории на международном уровне. На наш взгляд, спор существует объективно (имеются ясно сформулирован-

ные позиции сторон, известен и существует объект спора [5. С. 16, 21]). Возможно, в начале послевоенного периода отрицание его существования и было целесообразным (чтобы дискредитировать притязания Японии как односторонние, в надежде, что со временем она оставит их), но сейчас утратило смысл: территориальные требования Японии поддержали США и КНР [24. С. 216-225], и она не отказывается от них уже более полувека. Позиции обеих сторон выкристаллизовались; налицо территориальный спор. Его разрешению вредит не только непримиримость и непоколебимость обеих сторон, но и нежелание считать его спором, то есть уделить пристальное внимание разработке позиций и концепций разрешения. Кроме того, с российской стороны существование нерешенного территориального вопроса было признано косвенно Совместной декларацией 1956 года, и прямо – Совместным советско-японским заявлением от 18 апреля 1991 г. (п. 4), Токийской декларацией от 13 октября 1993 г., Московской декларацией об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией от 13 ноября 1998 г. (п. 2), Токийским заявлением Президента РФ и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора от 5 сентября 2000 г. (п. 4) и Совместным российско-японским заявлением о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора от 25 марта 2001 г. [6. С. 185-189, 221-223, 238-242], и, как представляется, в силу действия принципов эстоппеля и добросовестности Россия не вправе отказываться от своего предшествующего поведения.

Результаты исследования

В статье исследованы известные аспекты достигнутой Россией и Японией договоренности о совместном хозяйственном освоении Южно-Курильских островов с точки зрения ее потенциального воздействия на территориальный спор о суверенитете над ними между двумя государствами. Сделан вывод о том, что согласно международному праву, заявления сторон в рамках их переговоров, а также возможность включения в соответствии с предшествующей практикой защитной клаузулы в подлежащий заклю-

²¹ Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (дата обращения: 27.09.2017).

²² East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90, para. 24.

²³ Ратификация требуется для всех договоров «о территориальном разграничении Российской Федерации с другими государствами» в соответствии со ст. 15(1)(в) Федерального закона РФ № 101-ФЗ от 15.07.1995 «О международных договорах Российской Федерации». КонсультантПлюс.

чению международный договор полностью исключают риск утраты Россией правового титула в пользу Японии в ходе такого совместного освоения. Сделан акцент на необходимости учитывать интересы и волю населения Российской Федерации в целом в свете международно-правового принципа самоопределения. Кроме того, прокомментировано объективное наличие и необходимость недвусмысленного признания существования территориального спора. В практическом смысле по международному праву объективное наличие спора влечет обязанность не оставлять его неразрешенным, мирными средствами стремиться к его урегулированию [5. С. 44-51]. Однако же механизм, способный принудить государства к достижению компромисса (если ситуация не создает угрозу миру и безопасности), в международном праве отсутствует. То есть признание спора не понуждает ни Россию,

ни Японию прийти к незамедлительному решению.

Заключение

Необдуманное, не согласованное с международно-правовыми обязательствами государства перед другими государствами и собственными гражданами решение может лишь ухудшить ситуацию. И именно в этом плане сделанный шаг к совместному освоению Южно-Курильских островов, по нашему представлению, способствует заключению мирного договора на более выгодной и проработанной основе. Важно – строго держаться применимого международного права и тщательно формулировать положения конкретной договоренности. При выполнении этих условий, можно надеяться, что «пинг-понг» этими территориями²⁴ действительно прекратится, обеспечив им заслуженное развитие во благо как России, так и Японии.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н., Каламаркян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6.
2. Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к Южно-Курильским островам // Московский журнал международного права. 2016. № 2.
3. Енгибарян Р.В. Россия – Украина – Запад 2014 год: Современный вектор отношений // Право и управление. XXI век. 2014. № 3(32).
4. Енгибарян Р.В. Цивилизационно-национальная принадлежность и гражданство – определяющие критерии формирования человека и его поведения // Право и управление. XXI век. 2011. № 4(21).
5. Клименко Б.Н. Мирное решение территориальных споров. М., 1982.
6. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. / Авторы-составители: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников (ответственный секретарь), С.А. Пономарев. М., 2015.
7. Хлестов О.Н. Южнокурильская проблема в российско-японских отношениях // Международное публичное и частное право. 2010. № 4.
8. Brown J.D.J. Japan, Russia and Their Territorial Dispute: The Northern Delusion. London: Routledge, 2016.
9. Crawford J. Chance, Order, Change: The Course of International Law. The Hague: Hague Academy of International Law, 2014.
10. De la Guardia E. La question des îles Kouriles // Annuaire de droit international. Volume 37. 1991.
11. Eveno C. Le contentieux des îles Kouriles // Centre d'Études Supérieures de la Marine.
12. Kazumine A. The Strategic Value of Territorial Islands from the Perspective of National Security. Review of Island Studies. October 9. 2013 // <http://islandstudies.oprf-info.org/research/a00008/>. Translated from "Toshono senryakuteki kachi," Tocho KenkyuJournal. Vol. 1 (June 2012).
13. Lee S. Intertemporal Law, Recent Judgments and Territorial Disputes in Asia // Maritime Boundary Disputes, Settlement Processes, and the Law of the Sea. Publications on Ocean Development. Vol. 65. 2009.
14. Lee S. Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands // Boundary and Territory Briefing. Vol. 3. No. 6. 2001.
15. MacGibbon I.C. Estoppel in International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1958. Vol. 7. No. 3.

²⁴ Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>.

16. Mormanne T. Le problème des Kouriles: pour un retour à Saint-Petersbourg // Cipango, Cahier d'études japonaises. N. 1. Paris, janvier 1992.
17. Munkman A.L.W. Adjudication and Adjustment – International Judicial Decision and the Settlement of Territorial and Boundary Disputes // British Year Book of International Law. 1972-73. Vol. 46.
18. Paik J.-H., Lee S.-W., Tan K.Y.L. Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism. New York: Routledge. 2013.
19. Park H.K. The Law of the Sea and Northeast Asia. Kluwer Law International, 2000.
20. Sharma S.P. Territorial Acquisition, Disputes and International Law. Boston: Nijhoff. 1997.
21. Shaw M.N. Introduction: The International Law of Territory: An Overview // Shaw M.N. (Ed.). Title to Territory. The Cromwell Press, 2005.
22. Shaw M.N. Self-Determination, Human Rights, and the Attribution of Territory // Fastenrath U., Geiger R., Khan D.-E., Paulus A., von Schorlemer S., Vedder C. (eds.). From Bilateralism to Community Interest: Essays in Honour of Bruno Simma. Oxford: Oxford University Press, 2011.
23. Shigeki H. On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan. 28 February 2013. GFL Commentary.
24. Stephan J.J. The Kuril Islands. Russi-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford: Clarendon Press, 1974.
25. Takahashi R.M. The Kuriles: Passage or Obstruction to Regional Peace? // International Law Studies – Volume 68. Readings on International Law from the Naval War College Review. 1978-1994. Reprinted from the Naval War College Review, Autumn 1991.
26. Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute. Hokkaido-Sakhalin Relations. London: Routledge, 2007.
27. Williams B. The criminalisation of Russo-Japanese border trade: Causes and consequences // Europe – Asia Studies. Vol. 55, No. 5 (Jul., 2003).
28. Williams B. The Russo-Japanese Visa-Less Exchange Program: Opportunities and Limits // East Asia. Vol. 20, No. 3 (September, 2003).
29. Торкунов А.В. О парадоксах и опасностях «исторической политики» // Независимая газета. 2008. 18 июля // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
30. Торкунов А.В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 4. М., 2007 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
31. Yengibaryan R. Ethnicity and Citizenship as Key Factors Shaping Human Personality and Behavior // Giornale di Storia Costituzionale. 2014. № 27.

A PUSH TOWARDS THE JOINT DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN KURIL ISLANDS: AN INTERNATIONAL LEGAL COMMENTARY

Introduction. *The article contains a preliminary discussion of the Russian-Japanese agreement on the joint development of the Southern Kuril Islands in the context of a territorial controversy on the sovereignty over them and the objective of executing a peace treaty, from an international legal perspective.*

Materials and Methods. *The research results are based on theoretical and empirical analysis of the existing information on the content of the Russian-Japanese agreement, the opinions of Russian and foreign experts, international legal materials (treaties, practice and doctrine) on the rules governing the relevant aspects of the situation in question in general and the outcome of the Russian-Japanese dispute in particular.*

Results. *In 2016-2017, the leaders of the Russian Federation and Japan reached an agreement on the joint economic development of the Southern Kuril Islands that have been under Russian sovereignty since 1945 pursuant to the wartime agreements, but*

have been claimed by Japan since 1950. The leaders of the two countries expressed a common hope that such activity would allow their states to come closer to executing a peace treaty based on the results of the Second World War. Nonetheless, this prospect has caused concerns, including experts, about the potential loss by Russia of its legal title considering the fact that Japanese investors will be allowed access to these territories, which may allegedly entail the tacit recognition of Japan's claims.

Discussion and Conclusions. *When viewed from the standpoint of the applicable international law, acquiescence of another state's legal title to a territory requires an unequivocal abandonment of sovereignty over it. Moreover, apart from an express statement of the Heads of the two states to the effect that joint development will not affect their positions on the territorial issue, it is presumed on the basis on the practice of Russian-Japanese treaties on the joint development of marine living resources in the areas around the Southern Kuril Islands, that such a risk*

will be ruled out by using a protective clause in the future treaty on such joint development. Furthermore, in response to the concerns voiced, the article proposes recommendations on the recognition of the existence of the dispute within the parties' relations and on the forms of compliance with the rights of the population of the Southern Kuril Islands and the Russian Federation as a whole to self-determination

in case of changes in the territorial status of such territories.

Evgeniya Neverova,
Graduate Researcher, Department of International Law, MGIMO-University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

международное право, российско-японские отношения, мирный договор, Южно-Курильские острова, совместное освоение, эстоппель, молчаливое признание, приобретательская давность

Keywords:

international law, Russian-Japanese relations, peace treaty, Southern Kuril Islands, joint development, estoppel, acquiescence, prescription

References:

1. Vylegzhanin A.N., Kalamarkjan R.A., 2012. Mezhdunarodnyj obyčaj kak osnovnoj istochnik mezhdunarodnogo prava [International Custom as the Primary Source of International Law]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 6.
2. Vylegzhanin A.N., Neverova E.V., 2016. Rossijsko-japonskie dogovorennosti o morskikh rajonah, primykajushhix k Juzhno-Kuril'skim ostrovam [Russian-Japanese Agreements Relating to the Sea Areas Adjacent to the Disputed Southern Kuril Islands]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2.
3. Yengibaryan R.V., 2014. Rossija – Ukraina – Zapad 2014 god: Sovremennij vektor otnoshenij [Russia – Ukraine – the West in 2014: The Current Course of Relations]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 3(32).
4. Yengibaryan R.V., 2011. Civilizacionno-nacional'naja prinadlezhnost' i grazhdanstvo – opredelajushhie kriterii formirovaniya cheloveka i ego povedeniya [Belonging to a Civilization and a Nation, and Nationality as the Determinant Factors of Formation of an Individual and Their Behavior (abstract)]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 4(21).
5. Klimentko B.N., 1982. Mirnoe reshenie territorial'nyh sporov [Peaceful Resolution of Territorial Disputes]. Moscow.
6. Russkie Kurily: istorija i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya rusko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granicy [The Russian Kurils: Documents on the History of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese Boundary]. Zilanov V.K., Koshkin A.A., Plotnikov A.Yu., S.A. Ponomaryov (Eds.). Moscow, 2015.
7. Hlestov O.N., 2010. Juzhnokuril'skaja problema v rossijsko-japonskix otnoshenijah [The Southern Kuril Problem in the Russian-Japanese Relations]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [Public and Private International Law]*. No. 4.
8. Brown J.D.J., 2016. Japan, Russia and Their Territorial Dispute: The Northern Delusion. London: Routledge.
9. Crawford J., 2014. Chance, Order, Change: The Course of International Law. The Hague: Hague Academy of International Law.
10. De la Guardia E., 1991. La question des îles Kouriles [The Kuril Islands Question]. *Annuaire de droit international [International Law Yearbook]*. Volume 37.
11. Eveno C. Le contentieux des îles Kouriles [The Kuril Islands Dispute]. *Centre d'Études Supérieures de la Marine [Centre for Advanced Naval Studies]*.
12. Kazumine A., 2013. The Strategic Value of Territorial Islands from the Perspective of National Security. Review of Island Studies, October 9 // <http://islandstudies.oprf-info.org/research/a00008/>. Translated from "Toshono senryakuteki kachi," *Tosho KenkyuJournal*, Vol. 1 (June 2012).
13. Lee S., 2009. Intertemporal Law, Recent Judgments and Territorial Disputes in Asia. *Maritime Boundary Disputes, Settlement Processes, and the Law of the Sea. Publications on Ocean Development*. Vol. 65.
14. Lee S., 2001. Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands. *Boundary and Territory Briefing*. Vol. 3. No. 6.
15. MacGibbon I.C., 1958. Estoppel in International Law. *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 7. No. 3.
16. Mormanne T., 1992. Le problème des Kouriles: pour un retour à Saint-Pétersbourg [The Kurils Problem: For a Return to Saint-Petersburg]. *Cipango, Cahier d'études japonaises [Japanese Studies Review]*. No. 1. Paris, janvier.
17. Munkman A.L.W., 1972-73. Adjudication and Adjustment – International Judicial Decision and the Settlement of Territorial and Boundary Disputes. *British Year Book of International Law*. Vol. 46.

18. Paik J.-H., Lee S.-W., Tan K.Y.L., 2013. *Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism*. New York: Routledge.
19. Park H.K., 2000. *The Law of the Sea and Northeast Asia*. Kluwer Law International.
20. Sharma S.P., 1997. *Territorial Acquisition, Disputes and International Law*. Boston: Nijhoff.
21. Shaw M.N., 2005. Introduction: The International Law of Territory: An Overview. Shaw M.N. (Ed.). *Title to Territory*. The Cromwell Press.
22. Shaw M.N., 2011. Self-Determination, Human Rights, and the Attribution of Territory, in Fastenrath U., Geiger R., Khan D.-E., Paulus A., von Schorlemer S., Vedder C. (eds.). *From Bilateralism to Community Interest: Essays in Honour of Bruno Simma*. Oxford: Oxford University Press.
23. Shigeki H. On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan. 28 February 2013. GFL Commentary.
24. Stephan J.J., 1974. *The Kuril Islands. Russi-Japanese Frontier in the Pacific*. Oxford: Clarendon Press.
25. Takahashi R.M., 1991. The Kuriles: Passage or Obstruction to Regional Peace? *International Law Studies*. Volume 68. Readings on International Law from the Naval War College Review. 1978-1994. Reprinted from the Naval War College Review.
26. Williams B., 2007. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute. *Hokkaido-Sakhalin Relations*. London: Routledge.
27. Williams B., 2003. The criminalisation of Russo-Japanese border trade: Causes and consequences. *Europe – Asia Studies*. Vol. 55. No. 5 (Jul.).
28. Williams B., 2003. The Russo-Japanese Visa-Less Exchange Program: Opportunities and Limits. *East Asia*. Vol. 20, No. 3 (September).
29. Torkunov A.V. O paradoksakh i opasnostiakh «istoricheskoi politiki» [On Paradoxes and Dangers of "Historical Policy"]. *Nezavisimaia gazeta [Independent Newspaper]*. 2008. 18 iulia [July 18, 2008]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
30. Torkunov A.V. Rossiia v izmeniaiuushcheisii geometrii sovremennogo mira [Russia in the Variable Geometry of the Modern World]. *Nauchnye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Scientific Issues of National Security of the Russian Federation]*. Vol. 4. Moscow, 2007. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
31. Yengibaryan R., Ethnicity and Citizenship as Key Factors Shaping Human Personality and Behavior. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. 2014. № 27.

АНДРЕЙ АРТАМОНОВИЧ МАТВЕЕВ – ГЛАВА ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЗА РУБЕЖОМ (ГОЛЛАНДИЯ)

Вячеслав Сысоев*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-58-67

Введение. Становлению России как Великого государства положило начало ее широкомасштабное установление международных отношений со странами Запада, а затем и Востока. По инициативе Петра I особенно тесные экономические и политические отношения были установлены с Голландией, в то время самым развитым в промышленном отношении государством Европы. Надо было быть большим патриотом своей Родины, чтобы в то время, первоначально в сложнейших условиях, при минимальной материальной базе, выделяемой для дипломатического корпуса, выполнять важнейшие задачи, возложенные на плечи наших дипломатов за рубежом.

Вспомнить добрым словом первого российского штатного дипломата за рубежом, Андрея Артамоновича Матвеева, много сделавшего для становления дипломатической службы России, – это долг благодарных потомков [См.: 22].

Поэтому данная статья посвящена Андрею Артамоновичу Матвееву – государственному деятелю времён Петра I, главе первого российского представительства за рубежом (Голландия), сыну известного политического деятеля и сподвижника отца Петра I – Алексея Михайловича Романова.

В 1674 году, будучи отроком, Андрей Матвеев вошел в число ближних людей, стал комнатным Стольником Петра I, с 1692 по 1694 годы являлся двинским воеводой. Во время этой службы получил чин окольничего.

Уже в то время он был одним из самых образованнейших людей петровской эпохи: знал иностранные языки, говорил по-латыни, имел обширную библиотеку. Не случайно по указу Петра I А.А.Матвеев – постоянный представитель Российского государства (1699-1712 гг.) при Голландских штатах и (1712-1715 гг.) при Австрийском дворе – выполнял дипломатические поручения Петра I в 1705-1706 гг. во Франции и в 1707-1708 гг. в Англии, активно помогал Государю в закреплении России на Балтике.

Как показали дальнейшие события, свои обязанности А.А. Матвеев выполнял добросовестно и во многом преуспел. Немалая толика его трудов есть и в закреплении войск России в 1701–1704 гг. на побережье Финского залива (покорение Дерпта, Нарвы и других крепостей), в победе над шведами под Полтавой в 1709 г., в сражениях флота при Гангуте – 1714 г. и при Гренгаме – 1720 г., и в заключении Ништадского мира в 1721 г.

Петр I высоко ценил усердие А.А. Матвеева: в ноябре 1712 г. произвел его в тайные советники. 20 февраля 1715 г., при отъезде Андрея Артамоновича из

* **Сысоев Вячеслав Дмитриевич**, преподаватель кафедры адвокатуры МГИМО МИД России, Сопредседатель Союза литераторов РФ, Почетный адвокат России.
e-mail: advocat@mgimo.ru.

Вены, австрийский император Карл VI пожаловал ему титул графа Священной Римской империи. По возвращении в Россию, в январе 1716 г., Андрей Матвеев был назначен на престижный и ответственный пост начальника Морской академии, где тоже принес немалую пользу своему отечеству.

В 1717 г. указом царя утвержден Президентом Юстиц-коллегии. На этом посту много сделал для переустройства судебной системы России. Ему принадлежит решающая роль в разработке концепции судебной реформы в России. Приложил немало усилий для обеспечения независимости судей от местных органов управления. В 1723-1726 гг. являлся судьей Вышнего суда.

Материалы и методы. *Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного права: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; сравнительно-правовой метод; формально-логический метод.*

Результаты исследования. *В результате проведенного анализа выявлено, что вся деятельность А.М. Матвеева на государственном поприще была связана с занятием ответственных государственных должностей. Долгое время Андрей Артамонович возглавлял российскую дипломатическую миссию в Голландии и Австрии. Также в статье анализируются неофициальные дипломатические поручения Петра I, которые он выполнял во Франции и Англии. Большое место в работе уделяется деятельности графа Матвеева на посту президента Юстиц-коллегии.*

Обсуждение и заключение. *Автор раскрывает причины, послужившие основаниями для проведения коллегиальной реформы Петра I. На посту президента Юстиц-коллегии Андрей Матвеев прилагал немало усилий для того, чтобы обеспечить независимость судей от местных органов управления, не раз обращал внимание губернаторов на необходимость содействия судам и на недопустимость вмешательства в судебные дела.*

Введение

Матвеев Андрей Артамонович родился 16 августа 1666 г. в семье Артамона Сергеевича Матвеева, сподвижника отца Петра I – царя и великого князя Алексея Михайловича. Артамон Сергеевич в 1666 г. управлял Малороссийским приказом, в 1671 г. возглавил Посольский приказ, с 1674 г. – боярин. В этом же году отрок Андрей Матвеев вошел в число Ближних людей, стал комнатным стольником Петра I. Ближние люди – лица, имевшие придворную должность, обслуживающие царя. Комнатные стольники – дети знатных фамилий, служившие государю за столом, жившие во дворце [1. С. 330]. С 1676 г. по 1682 г. находился со своим отцом в ссылке в Пустозерске. 15 мая 1682 г., на четвертый день после возвращения из ссылки, Артамон Сергеевич был убит стрельцами во время бунта, сам же А.А.Матвеев, которому шел тогда шестнадцатый год, едва избег той же участи, скрываясь вместе с родственниками матери Петра I Нарышкиными в дальних покоях московского Кремля. Впоследствии на склоне лет

А.А.Матвеев составил подробное «Описание» событий 1682 г., где в частности указал на обстоятельства гибели своего отца. По его словам, А.С.Матвеева «бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварским в бердыши все его тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся» [2. С. 22].

12 мая 1682 г. Андрей Матвеев получил придворную должность спальника. Спальники, как и стольники, служили государю во дворце, там и жили, по очереди дежуря в царской опочивальне. Затем А.А. Матвеев с 1692 по 1694 гг. являлся двинским воеводой. Во время этой службы получил чин окольничего. Окольничие – в отличие от бояр, сидевших в присутствии царя, стояли на заседаниях Думы и получали вторые после бояр должности в армии, в московских приказах и на воеводствах, в посольствах, имели более низкие поместные и денежные оклады [1. С. 329].

Андрей Матвеев был хорошо образован: знал латынь, иностранные языки, много читал. Петр I ведал об образованности

А.А. Матвеева не понаслышке, ибо тесно общался с ним на протяжении многих лет. Реформы, требовавшие обновления, не могли обойтись без творческой силы, в которой подразумевалась энергия молодых и знания, тяга к изменениям и к создаваемой новизне. Противоречия между молодостью и старостью стимулируют развитие государства. Из двух противоположных сил царь-реформатор выбрал не утомление, ослабление и замирание, а действие, неутомимость и опору на образованность.

В этой связи не случаен Манифест Петра I от 1702 г. о приглашении на службу в Россию молодых, а главное образованных иностранных специалистов. Однако на ответственные посты государь находил искусных людей среди своих подданных: «Апреля (1699 г. – С.В.) день (день не обозначен) по указу Великого Государя сказано думному дьяку Емельяну Украинцеву в Царьград посланцем. А стольнику Андрею Артамоновичу сыну Матвееву, что быть ему посланником в город Гагу к Статам (в Гаагу к Генеральным штатам) [1. С. 273]. Эти краткие строки означали, что Андрей Матвеев стал главой первого российского постоянного дипломатического представительства за рубежом, которое было организовано в Голландии.

«Голландский двор – биржа всей Европы: надобно там иметь людей, способных и сведущих» [3. Т. 15. С. 41]. Обязанностей у посла А.А. Матвеева, как видно из его писем на имя боярина Ф.А. Головина, ведавшего внешней политикой государства, было великое множество, но были материальные и бытовые трудности, он доносил Федору Головину: «Жить мне здесь очень трудно: любовь их только на комплиментах ко мне, а на деле очень холодны...

Хотя я и без характеру, однако ж, мой государь, здесь еще те пуще себя оказывают за славу своих государей и за честь народную. Здешней двор меня ведет без всякой отмены в лице посолском, и ездят ко мне, и меня зовут, а естли мне запершись сидеть одному и скаречно жить, оставить разве барбарское имя и память о себе и о своем одном нраве гнусную, коего никто б николи не учинил от стран Европских из приезжих министров. Ныне до того дошло, что разве платье с себя продать и последнее, что имею. Естли то буду принужден учинить, опасен государева гневу, чтоб то в противное не было расуждение.

Толко мне есть стало нечего, уж с 400 па-такунов занял у голанца, тем живу, которой

стоит по 3 франков и по 17 копеек. Ныне писал с слезами к господину Бранту о 5000 гулденах в займ до Государева жалованья. Естли он меня не ссудит, последнее платье с себя принужден будут продать...» [4. С. 314-326].

Между тем по отзывам добропорядочных коллег и иностранных дипломатов деятельность А.А. Матвеева за рубежом оценивалась положительно, отмечая его деловые качества, природный ум и образованность [3. Т.14. С. 434]. В его личной библиотеке имелось много книг на разные темы, в т.ч. и по юриспруденции, в частности труды Г. Гроция, С. Пуфендорфа, кодекс Юстиниана и др. [5. С. 225]

Вот краткий перечень полезных дел А.А. Матвеева для Отечества, но хочу напомнить, что в дипломатии семена не сразу всходят. Нужны годы, а порой десятилетия. Как говорил знаменитый французский писатель Андриан Декурсель: «Дипломатия есть самая длинная дорога от одного пункта к другому». Не случайно накануне Великой Северной войны 1700–1721 гг. (Россия в составе Северного союза воевала со Швецией за выход к Балтийскому морю) в Голландию и был послан А.А. Матвеев.

Успешно исполняя обязанности посла с 1669 г. по 1712 г., он в эти же годы выполнял неофициальные дипломатические поручения Петра I в 1705–1706 гг. во Франции и в 1707–1708 гг. в Англии. Франция в то время была одним из сильнейших государств Европы. Было важно наладить с ней связи и укрепить их на долговременной основе, повлиять на ограничение влияния шведских посланников при французском дворе, изучить ее государственный и военный опыт и, конечно, надо было собирать информацию об отношении Франции с другими государствами, а заодно выведывать сведения о политических и военных делах в Европе.

Петр I, посылая своего талантливого дипломата А.А. Матвеева в Англию, которая по сути возглавляла Великий Союз, возлагал на него большие надежды, напутствуя: «Сие дело великое поручаю вам...». Андрею Артамоновичу надлежало добиться заключения англо-русско-голландского союза, на укрепление боевой мощи которого Россия обещала передать 30-тысячную армию и предоставить Англии режим наибольшего благоприятствования в торговле. Со своей стороны Лондон должен был выступить в качестве посредника заключения мира на севере при условии сохранения за Россией Санкт-Петербурга и прилегающих к нему земель. Если же Швеция не проявит склон-

ности к миру, то Англия должна принудить ее к этому посредством посылки в Балтийское море своего флота.

Для достижения позитивных результатов на переговорах А.А. Матвеев не должен был скупиться на подкуп английских министров, в особенности, герцога Мальборо – фактического главы правительства королевы Анны. Но козырной картой русской дипломатии Петр I все же считал заинтересованность Англии в торговле с Россией и, главное, получение от нее сырья и материалов, необходимых для строительства британского флота» [6. С. 47].

Как показали дальнейшие события свои обязанности, в том числе и обязанности посла в Австрии (1712 – 1715 гг.), Матвеев выполнял добросовестно и во многом преуспел. Семена взошли: какие-то почти сразу, а какие-то позднее. Малая толика его трудов есть и в закреплении войск России в 1701 – 1704 гг. на побережье Финского залива (покорение Дерпта, Нарвы и других крепостей), в победе над шведами под Полтавой в 1709 г., в сражениях флота при Гангуте – 1714 г. и при Гренгаме – 1720 г., и в заключении Ништадского мира в 1721 г.

Петр I высоко ценил усердие А.А. Матвеева: в ноябре 1712 г. произвел его в тайные советники. 20 февраля 1715 г., при отъезде Андрея Артамоновича из Вены австрийский император Карл VI пожаловал ему титул графа Священной Римской империи [7. С. 169]. По возвращении в Россию, в январе 1716 г. Андрей Матвеев был назначен на престижный и ответственный пост начальника Морской академии.

Директором академии был французский барон С. Илер, который работал под началом Андрея Артамоновича. Надо ска-

зать, что не все иностранные специалисты добросовестно исполняли свои обязанности. Уже через несколько месяцев совместной работы с С. Илером он убедился в его некомпетентности: в науках не сведущ, выдал за свои регламенты правила французской морской академии, не знает навигаторской науки; считал, что С. Илер не способен руководить академией. Петр I принял решение убрать с должности С. Илера и поручил А.А. Матвееву руководить академией единолично. К слову сказать, это был не первый случай отрешения иностранцев от должности. Приглашая их на службу в Россию, Петр I не давал им первых мест, оставляя судьбу России в русских руках. Так случилось и 15 декабря 1717 г., когда царь принял важный законодательный акт, повлиявший на развитие государственности России и ее судостроительство:

Основание учреждения в форме Указа о назначении его руководителей без детальной регламентации и компетенции вполне соответствовало государственно-правовой традиции того времени. Именно таким образом были созданы в 1700 г. Адмиралтейский, Военный и Прививантский приказы, Царский указ от 22 февраля 1711 г., положивший начало существованию Правительственного Сената, состоял тоже из списка имен новоявленных сенаторов [8. С.197]. В число сенаторов А.А. Матвеев был назначен в 1718 г. – как президент коллегии.

Как уже упоминалось, А.А. Матвеев тщательно изучал опыт устройства правительственных органов Австрии, Голландии, Франции, Англии и Швеции. Особенно внимательно он исследовал деятельность шведской Юстиц-коллегии.

Образование коллегий было не случайным. Государь давно намеревался занять-

Указ Петра I Сенату от 15 декабря 1717 г. об основании коллегий и о назначении в них президентов в вице-президентов

Коллегии	Президенты	Вице-президенты
Иностранных дел-	канцлер граф Головкин;	подканцлер барон Шафиров.
Камар-	князь Дмитрий Голицин;	барон Нирот.
Юстиц-	тайный советник Андрей Матвеев;	из Риги вице-президент Бревер.
Ревизион	генерал пленипотенциар кригс-камисар князь Долгорукой;	-
Воинская-	первой фельдмаршал князь Меншиков, другой – генерал Вейд;	
Адмиралтейская	генерал-адмирал граф Апраксин;	вице-адмирал Крейц.
Камерц-	тайной советник Петр Толстой;	Шмидт.
Штатс-Кантор-	тайной советник граф Мусин-Пушкин;	-
Берг- и Мануфактур- Коллегия	генерал фельдхеймстер Брюс [8. С.220].	-

ся совершенствованием государственного устройства и в первую очередь преобразовать центральное управление, т.е. заменить трудноуправляемые многочисленные приказы (при Петре I их насчитывалось более тридцати) [1. С. 334-337]. Еще в 1712 г. царь принял решение и на основании его указа была образована коллегия для торговли. Улучшить государственное управление путем создания коллегий вместо приказов советовал ему и Готфрид Лейбниц – немецкий ученый энциклопедист:

«Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо, как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмеренностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы» [9. С. 300].

Известный современный историк права Д.О. Серов пишет в своей монографии, что А.А. Матвеев вместе с вице-президентом Г. Бреверном и Г. Фиком – советником Камер-коллегии, добывшем для России немало копий шведских нормативно-правовых актов, в том числе касавшихся уголовного и гражданского права, судопроизводства, исполнения судебных решений и организации суда в Швеции не раз склоняли государя использовать шведский опыт в качестве образца для проведения судебной реформы. Так получилось, что именно им пришлось заниматься судебными преобразованиями.

В начале мая 1718 г. Юстиц-коллегия представила царю «Доклад о коллегии юстиции», состоящий из пяти пунктов. 9 мая того же года Петр I наложил свои резолюции на эти пункты.

По сути это было начало переустройства российской судебной системы. Доклад заключал в себе предложения по важным вопросам деятельности Юстиц-коллегии. Резолюции царя на документе свидетельствуют, что доклад был тщательно изучен: во всех его пунктах Петром I были наложены резолюции. По первому пункту документа, в котором А.А. Матвеев писал: «Ныне покорно требуется от его царского величества решение от Коллегии той Юстиции каким, поместным ли одним или судным делам вместе, как в Швеции, так и в той Коллегии быть и в какой силе, только ли в одном Санкт-Петербурге или по провинциям и

городам? и тем судам провинциальным и городовым где быть расправою ведомым, в той же ли здешней главной Коллегии, или инде по высокому Его Величества рассмотрению?» Петр I решил: «Поместному Приказу быть особливо (для умножения дел); однако ж под управлением Юстиц-Коллегии; а спорные дела для решения приносить в Юстиц-Коллегию. Судам быть по городам, а главным в каждой Губернии по одному, а малые под оным, а главные Губернские под Юстиц-Коллегии» [10. С.25].

Этот период интересен тем, что в резолюциях Государя виден его замысел системы российского судостроительства, в частности, ее низовых звеньев: ее организация должна бы состоять из трех судебных органов: 1) городские суды, 2) губернские суды, 3) Юстиц-коллегия – апелляционный суд.

Понятно, что работа по совершенствованию реформы продолжилась. В ноябре 1718 г. граф Андрей Матвеев представил Сенату проект реорганизации российской судебной системы. Предлагаемое им судостроительство выглядело так: 1) меньший/ (малый) земский суд, 2) губернский начальный (главный) суд, 3) Юстиц-коллегия, 4) Самодержец. Надо сказать, что доклад президента – Юстиц-коллегии явился базисом для проекта закона от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судостроительстве, т.е. именно тогда и началась понастоящему судебная реформа и уже четко вырисовалась четырехступенчатая система судов: 1) нижний суд (городовой, провинциальный), 2) надворный суд, 3) Юстиц-коллегия, 4) Правительствующий Сенат / Самодержец. Таким образом, А.А. Матвееву принадлежит решающая роль в разработке концепции программы, определяющей этап судебной реформы в России [11. С. 164-165, 195-198].

Нелегким было становление коллегий в системе государственного устройства. Об этом свидетельствуют письма президента Юстиц-коллегии. В письме А.В. Макарову – кабинет-секретарю Петра I, Андрей Матвеев сетует: «Я ныне токмо починаю ослабу от болезни своей иметь и, хотя тяготою оной болезни своей одержим, однако ж в повсеременном ныне труде пребываю сам при своде шведского устава с российским Уложением, не покладывая в том ни на кого; и хотя которые приказные люди при том деле есть, но во всем моя несклонная работа умножается, понеже в таких нужных делах на не заобычных людей положиться, ни им управить без меня невозможно» [3. Т. 16. С. 442].

В письме Петру I он писал в 1721 году:

«По указу вашего величества положено на коллегии Юстиции прежних семь приказов, т.е. Поместный, судные все, Сысканой, Земский, и прибавлены еще фискальские дела: бремя несносное! К тому же всякую неделю по три дня всем президентам определен съезд в Сенат, а два дни на расправу коллежскую; членам коллегии одним во время моей отлучки в Сенат решать дела нельзя, отчего в таких многочисленных делах беспрепятственная остановка и на коллегию нарекание» [3. Т. 16. С. 440].

Несмотря на трудности, свои обязанности А.А. Матвеев исполнял не щадя себя. С первых дней своего существования Юстиц-коллегия начала издавать нормативные материалы, в которых, комментируя именные и сенатские указы, разъясняла судейским чиновникам, истцам и ответчикам порядок обращения в апелляционные инстанции, а также порядок направления в свою канцелярию судебных дел, но «бумажный поток» захлестывал коллегию, мешал борьбе с волокитой и крючкотворством.

Следует заметить, что Юстиц-коллегия в соответствии с судебными преобразованиями была апелляционной инстанцией, только в 1719 г. она рассмотрела в апелляционном порядке 46 дел, но она же рассматривала дела и по первой инстанции, например, дело о словесном оскорблении князем Черкасским графа Апраксина, дело о нападении разбойников на Нилову пустынь и др. [12. С. 307-310]

Андрей Матвеев прилагал немало усилий для того, чтобы обеспечить независимость судей от местных органов управления, не раз обращал внимание губернаторов на необходимость содействия судам и на недопустимость вмешательства в судебные дела [11. С. 231].

Следует заметить, что с первых же дней существования Юстиц-коллегии Андрей Артамонович начал тщательно укомплектовывать штаты коллегии опытными работниками, сведущими в «судных и розыскных делах». К 1720 г. в ней уже насчитывалось свыше 355 человек: 8 членов «присутствия», 218 канцелярских служащих и 29 технического персонала [13. С. 208].

Судя по документам Юстиц-коллегии 1718–1722 гг. и по отзывам современников, во время становления нового ведомства его руководителем был опытный государственный деятель. Заступив на пост президента, А.А. Матвеев начал свою деятельность с изучения законов России, ибо Юстиц-коллегия надле-

жало быть главным судебным ведомством, апелляционной инстанцией, рассматривать жалобы на «неправое» решение суда и на «неправый и противный указам розыск». Кроме того, коллегии предстояло самой рассматривать наиболее «важные и спорные» дела, т.е. она становилась и судом первой инстанции. Ей вменялось в обязанность осуществлять также судебно-административное руководство: контролировать деятельность провинциальных нижних, городских и надворных судов, заниматься судебной статистикой, кадровыми вопросами: подбором судей и служащих, вопросами отставки и наказания судей. Коллегии вменялось в обязанность вести розыскные и межевые дела, разбирать доносы фискалов, собирать сведения о заключенных, рассматривать имущественные тяжбы иностранцев. Создание Юстиц-коллегии выражало стремление Петра I отделить суд от администрации и обозначило первый этап судебной реформы.

Почти пять лет возглавлял Матвеев Андрей Артамонович Юстиц-коллегию (будущи сменен на этой должности в апреле 1722 г. П.М. Апраксиным). С января 1723 г. по март 1726 г. граф Андрей Матвеев являлся судьей Вышнего суда – высшего органа правосудия Российской империи (отдаленного прообраза нынешнего Верховного Суда РФ). В 1724 – 1725 гг. он также занимал пост главы Московской конторы Правительствующего Сената.

24 ноября 1725 г. императрица Екатерина I удостоила А.А. Матвеева чина действительного тайного советника. Согласно Табели о рангах от 22 января 1722 г., это был чин II класса, выше него был только чин канцлера.

Вся созидательная жизнь А.А. Матвеева – администратора, судьи, дипломата – была связана с беззаветным служением России. 13 июня 1727 г. граф Андрей Артамонович вышел в отставку, а 16 сентября 1728 г. скончался [14. С.57]. Был погребен в Москве, в церкви Св. Николая Чудотворца в Столпах [15. С.57] (стоявшей на углу Малого Златоустинского и Армянского переулков). В 1938 г. церковь была снесена, и захоронение А.А. Матвеева оказалось утрачено.

Деятельность А.А. Матвеева была отражением эпохи. Эпоха Петра Великого стала временем становления новых судебных институтов. Хотя Петра I часто считают великим модернизатором и западником, он мог бы поставить под сомнение синонимичность этих двух понятий [19], так как не относил себя к западникам в отличие от некоторых

своих современников. Предпосылки формирования западничества в русской интеллектуальной традиции можно проследить еще в правление предшественника Петра I - царя Алексея Михайловича [20]. В современной науке вопросы цивилизационной принадлежности продолжают вызывать интерес ученых [См.: 25, 27, 28].

Реформы правительства, проведенные Петром Великим, привели к внедрению новых административных структур [21]. В основе петровских преобразований лежала популярная в то время в Европе теория «социального контракта». В трактатах европейских и российских просветителей того времени нашли отражение различные модели отношений между властью и обществом. Однако концепция социального договора - это постоянно меняющаяся идеологическая конструкция, «молчаливое соглашение»,

созданное, искаженное и выраженное в разных культурных текстах, в том числе в одической поэзии XVIII века. [18]

В правление Петра наиболее ярко также проявилось стремление России к статусу великой державы [16]. Петру I удалось успешно справиться со шведским вызовом, найти новое решение для польской проблемы, но не получилось удовлетворительно решить проблему Османской империи. Эти три области с того времени становятся неразрывно связанными в российской внешней политике, а кризис в любом из трех государств в дальнейшем почти всегда приводил к проблемам во взаимоотношениях России с другими двумя государствами. [17] Несмотря на все реформы Петра, Запад не признавал Россию полноценной великой державой наравне с европейскими [16].

Литература:

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
2. Балакирева Л.М. Судебная реформа Петра I, Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003.
3. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.
4. Записки русских людей. События времен Петра Великого, СПб., 1841.
5. Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский / Под ред. Б.И. Сыромятникова. М.-Л., 1945. Т. 1.
6. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
7. Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления. М., 2004.
8. Павленко Н.И. Петр I. М., 1976.
9. Российская Юстиц-коллегия (1718–1786): историко-правовые очерки / Под ред. В.Д. Сысоева. М., 2003.
10. Россия и Запад. Горизонты взаимопознания. М., 2000.
11. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / сост. А.П. Богданов. М., 1990.
12. Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008.
13. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.
14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993.
15. Надгробная летопись Москвы / сост. А.А. Мартынов / Русский архив. 1895.
16. Neumann I.B. Russia as a great power, 1815-2007 // Journal of International Relations and Development. No. 11(2). 2008.
17. Ragsdale H. Russian foreign policy, 1725-1815 // The Cambridge history of Russia. 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689-1917.
18. Abramzon T., & Petrov A. Odc versions of the 'social contract' in 18th-century Russia. *Quaestio Rossica*. 2017. No. 5(2).
19. Maier I., & Watson C. Cross-cultural exchange between Western Europe and Muscovy: Questions of modernization and periodization [Interkulturelle Utbyte mellan Vasteuropa och Moskvastaten Frågor om modernisering och periodisering]. *Scandia*. 2015. No. 81(2S).
20. Příhoda M. The problem of Russian Westernism in 17th century (grigorij kotošichin). [K otázce Ruského Západnictví 17. století (Grigorij Kotošichin)] // *Slavia*. 2011. No. 80(1).
21. Platonova N. V. Peter the Great's government reforms and accounting practice in Russia. *Accounting History*. No. 14(4). 2009.
22. Торкунов А.В. Российская дипломатия и культура // Дипломатический ежегодник-2000 / Под ред. Ю.Е. Фокина. М., 2000 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.

23. Торкунов А.В. От Третьего Рима к мировому городу // Международная жизнь. 2006. № 9-10 (специальный выпуск журнала был посвящен городу Москве) // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
24. Торкунов А.В. Религии мира в современных международных отношениях // Выступление на международной конференции в МГИМО, апрель 2007 года // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
25. di Robert V. Yengibaryan. Time chooses us, we choose everything else... // Democrazia e diritto. № 4. 2014.
26. Ampleeva, T.Yu., Karaulova, J.A., Constitutional control in Russia: Issues of evolvement, theory and practice // Giornale di Storia Costituzionale. Volume 33. Issue 1. 2017.
27. Касаткин П.И. Образование в контексте философии культуры: от Древнего мира до эпохи Возрождения // Миссия конфессий. № 23. 2017.
28. Касаткин П.И. Образование в контексте философии культуры: от нового времени к современности // Миссия конфессий. № 24. 2017.

ANDREY ARTAMONOVICH MATVEEV – HEAD OF THE FIRST RUSSIAN MISSION ABROAD (HOLLAND)

Introduction. *Establishment of international relations with the Western countries and then with the Eastern countries laid the foundation of Russia's formation as a Great state.*

At the initiative of Peter the Great the closest economic and political relationships were established with Holland which at that time was the most highly developed industrial country in Europe. The diplomatic staff of the day were great patriots of their Motherland as they had to accomplish paramount tasks assigned to the diplomats abroad at that time, under those circumstances, with minimal resource base available for the diplomatic corps.

It is the duty of grateful descendants to remember Andrey Artamonovich Matveev, the first Russian career diplomat who worked abroad and who did a lot to develop the Russian diplomatic service.

The article is devoted to Andrey Artamonovich Matveev – a statesman of the era of Peter the Great, who was head of the first Russian mission abroad (Holland), son of a famous political figure and supporter of Peter the Great's father – Aleksey Mikhailovich Romanov.

In 1674, when an adolescent, Andrey Matveev joined the close circle of the tsar's associates, became the tsar's chamber steward, in 1692-1694 A. Matveev was a Dvinsk voivode. When serving in this position he was promoted to the rank of okolnichy.

At that time he was already one of the most educated people of the era of Peter the Great: he knew foreign languages, spoke Latin, he had an extensive library. It was not by accident that, on the instruction of Peter the First A.A. Matveev, Permanent Representative of The Russian State (1699-1712) to the Dutch States and (1712-1715) to the Austrian court, carried out the orders of Peter the Great in 1705-1706 in France and in 1707-1708 in England, actively assisted the Sovereign in consolidating Russian positions in the Baltics.

Further developments show that A.A. Matveev honestly carried out his responsibilities and had much success in his service. He made great contribution to consolidating Russian military forces on the coast of the Gulf of Finland in 1701-1704 (conquest of Derpt, Narva and other fortresses), to the victory over the Swedes near Poltava in 1709, to the victorious sea battles at Gangut in 1714 and at Granhamn in 1720, and to conclusion of the Treaty of Nestad in 1721.

Peter the Great highly praised zealousness of A.A. Matveev: in November 1712 he elevated him to First Privy Councilor. On February 20, 1715, when Andrey Artamonovich was leaving Vienna, the Austrian emperor Charles VI conferred the title of the Duke of the Holy Roman Empire on him, in January 1716 Andrey Matveev was assigned to the prestigious and responsible post of the Head of the Naval Academy where he served selflessly for the good of his Motherland.

In 1717 A.A. Matveev was appointed President of Justice-collegium by the tsar's order. In this capacity he contributed greatly to rebuilding the justice system in Russia. He played a crucial role in developing the concept of judicial reform in Russia. A.A. Matveev applied his energies to ensure judges' independence of local authorities. In 1723-1726 he was Judge of Superior Court.

Materials and methods: *Methodological background of the research is based on the following general scientific and specialized methods of cognition of legal phenomena and processes in the sphere of international law: method of system and structural analysis; method of socio-legal phenomena synthesis; comparative method; Aristotelian method.*

Results of the research: *the results of the research show that the whole activity of A.M. Matveev in the field of state service was connected with serving in prominent government posts. For a long*

time Andrey Artamonovich headed the Russian diplomatic mission in Holland and Austria. The article also explores informal diplomatic errands of Peter the Great which he carried out in France and England. The author devotes much consideration to Earl Matveev's activity when he occupied the post of President of Justice-collegium.

Discussion and conclusions: The author shows the reasons which led to the introduction of a collegium reform by Peter the Great. Serving as President of Justice-collegium Andrey Matveev took great

pains to ensure independence of judges of local government authorities. He repeatedly drew attention of governors to the necessity of providing assistance to courts and to impermissibility of interference in judicial cases.

Vyacheslav D. Sysoev,
lecturer, Department of Advocacy,
MGIMO(University) under the MFA of Russia;
Co-Chairman of the Russian Union of Literary
Persons, Honorary Attorney of Russia.

Ключевые слова:

А.А.Матвеев, дипломат, Президент Юстиц-коллегии, сенатор, судья Вышнего суда, действительный тайный советник.

Keywords:

A.A.Matveev, diplomat, President of Justice-collegium, Senator, Judge of Superior Court, Active Privy Councilor.

References:

- Anisimov E.V., 1997. Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo v pervoj chetverti XVIII veka [State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century]. SPb.
- Balakireva L.M., 2003. Sudebnaya reforma Petra I, YUstic-kollegiya [Judicial reform of Peter I, Justicum-Collegium]. Novosibirsk.
- Bobylev V.S., 1990. Vneshnyaya politika Rossii ehpoi Petra I [The Foreign Policy of Russia in the Epoch of Peter I]. Moscow.
- Zapiski russkih lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo [Notes of Russian people. Events of the times of Peter the Great]. SPb., 1841.
- Zakonodatel'nye akty Petra I [Legislative acts of Peter I] / collected by N.A. Voskresenskij; ed. by B.I. Syromyatnikova. M.–L., 1945. T. 1.
- Lupov S.P., 1973. Kniga v Rossii v pervoj chetverti XVIII veka [The book in Russia in the first quarter of the XVIII century]. L.
- Lyubimov S.V., 2004. Titulovannye rody Rossijskoj imperii: opyt podrobnogo perechisleniya [Titvolennye genera of the Russian Empire: the experience of detailed enumeration]. Moscow.
- Pavlenko N.I., 1976. Petr I [Peter the Great]. Moscow.
- Rossijskaya YUstic-kollegiya (1718–1786): istoriko-pravovye ocherki [Justicum-Collegium (1718-1786): historical and legal essays] / ed. by V.D. Sysoev. M., 2003.
- Rossija i Zapad. Gorizonty vzaimopoznaniya [Russia and the West. Horizons of mutual knowledge]. Moscow, 2000.
- Rossija pri carevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkih lyudej [Russia under Princess Sophia and Peter I. Notes of Russian people] / sost. A.P. Bogdanov. Moscow, 1990.
- Serov D.O., 2008. Administraciya Petra I [Administration of Peter the Great]. Moscow.
- Serov D.O., 2009. Sudebnaya reforma Petra I: istoriko-pravovoe issledovanie [Judicial reform of Peter the Great: historical and legal research]. Moscow.
- Solov'ev S.M., 1993. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. Moscow.
- Nadgrobnaya letopis' Moskvy [Tombstone of Moscow] / sost. A.A. Martynov / Russkij arhiv [Russian archive]. 1895.
- Neumann I.B., 2008. Russia as a great power, 1815-2007. *Journal of International Relations and Development*. No. 11(2).
- Ragsdale H., 2006. Russian foreign policy, 1725-1815. *The Cambridge history of Russia*. Vol. 2: Imperial Russia, 1689-1917.
- Abramzon T., & Petrov A., 2017. Odic versions of the 'social contract' in 18th-century Russia. *Quaestio Rossica*. No. 5(2).
- Maier I., & Watson C., 2015. Cross-cultural exchange between Western Europe and Muscovy: Questions of modernization and periodization. [Interkulturellt utbyte mellan Vasteuropa och Moskvastaten Fragar om modernisering och periodisering] *Scandia*. No. 81(2S).
- Příhoda M., 2011. The problem of Russian Westernism in 17th century (grigorij kotošichin). [K otázce Ruského Západnictví 17. století (Grigorij Kotošichin)]. *Slavia*. No. 80(1).

21. Platonova N. V., 2009. Peter the Great's government reforms and accounting practice in Russia. *Accounting History*. No. 14(4).
22. Torkunov A.V. Rossiiskaia diplomatiia i kul'tura [Russian Diplomacy and Culture]. *Diplomaticeskii ezhegodnik-2000 [Diplomatic Yearbook-2000]*. Pod red. [Ed. by]. Iu.E. Fokina. Moscow, 2000. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
23. Torkunov A.V. Ot Tret'ego Rima k mirovomu gorodu [From the Third Rome to the World City]. *Mezhdunarodnaia zhizn' [International Affairs]*. 2006. № 9-10 (spetsial'nyi vypusk zhurnala byl posviashchen gorodu Moskve [The Special Issue of the Journal Dedicated to Moscow]). *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
24. Torkunov A.V. Religii mira v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh [Religions of the World and Modern International Relations]. Vystuplenie na mezhdunarodnoi konferentsii v MGIMO, aprel' 2007 goda [Speech at the International Conference in MGIMO, April, 2007]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
25. di Robert V. Yengibaryan., 2014. Time chooses us, we choose everything else... *Democrazia e diritto [Democracy and Law]*. № 4.
26. Ampleeva, T.Yu., Karaulova, J.A., 2017. Constitutional control in Russia: Issues of evolvement, theory and practice. *Giornale di Storia Costituzionale [Journal of Constitutional History]*. Volume 33. Issue 1.
27. Kasatkin P.I., 2017. Obrazovanie v kontekste filosofii kul'turi: ot drevnego mira do jepohi Vozrozhdenija [Education in the context of the philosophy of culture: from the ancient world to the Renaissance]. *Missiya konfessiy [Mission of confessions]*. № 28. Kasatkin P.I., 2017. Obrazovanie v kontekste filosofii kul'turi: ot novogo vremeni k sovremennosti [Education in the context of the philosophy of culture: from modern age to contemporaneity]. *Missiya konfessiy [Mission of confessions]*. № 23.

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Виктор Володин*

Лилия Рожкова**

Ольга Сальникова***

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-68-80

***Введение.** Проблема «мягкой силы» в международных отношениях и ее роль во внешней политике России представляется актуальным направлением исследований, учитывая ее недостаточную научную проработанность в силу сложившегося общего отношения к проблеме «мягкой силы» в российском политическом дискурсе, где исследуемое явление не считается полноценным направлением внешней политики и было создано на волне популярности «мягкой силы» в мировом сообществе. Необходимость исследования использования «мягкой силы» вызвана продолжающимися сдвигами в международных отношениях и мировой политике, появившимся в результате развития глобализационных процессов, информационной и технологической сферы. В условиях появления новых акторов и быстро меняющихся правил игры на международной арене, странам важно быстро адаптироваться к этим правилам и в полной мере использовать новые инструменты. Однако, ввиду определенных причин, Россия обратила внимание на возможности использования «мягкой силой» с задержкой, а с целью достижения уровня мировых лидеров отрасли, необходим обновленный подход, учитывающий отечественные особенности и ведущие мировые практики. Цель исследования состоит в изучении особенностей концепции «мягкой силы».*

***Материалы и методы.** Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения теоретических зарубежных и отечественных концепций «мягкой силы», анализа рейтингов страновых брендов. Методологическую основу составили метод системно-структурного анализа, статистический метод.*

***Результаты.** В статье рассмотрены основные подходы к пониманию «мягкой силы», представленные в трудах зарубежных и отечественных исследова-*

* **Володин Виктор Михайлович**, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления Пензенского государственного университета
e-mail: ieu@pnzgu.ru.

** **Рожкова Лилия Валерьевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета
e-mail: econm@pnzgu.ru.

*** **Сальникова Ольга Владимировна**, старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета
e-mail: econm@pnzgu.ru.

телей; проведен анализ основных компонентов, источников политики «мягкой силы»; выявлены рейтинги страновых брендов как инструмент измерения «мягкой силы»; выявлены концепции использования «мягкой силы» России.

Обсуждения и заключение. На основе данных статистики, вторичного анализа данных делается вывод о дефиците российской «мягкой силы» в РФ; существующих основаниях в необходимости создания нового имиджа на мировой арене, соответствующего российским национальным интересам и современным реалиям. В сегодняшних условиях реализация российской «мягкой силы» имеет множество проблем, связанных с правовыми, финансовыми, экономическими аспектами.

Появление концепции «мягкой силы» произошло относительно недавно, однако она уже стала неотъемлемой частью новой реальности мировой политики. Отношения между любыми общностями всегда представляют собой попытку получить выгоду, в том или ином виде. Отношения между государствами, вне зависимости от рассматриваемой эпохи, – ярчайший пример взаимодействий ради выигрыша, потому что большинство из них заинтересовано в одних и тех же ценностях и благах на базовом уровне: начиная от расширения территорий на заре государственности и заканчивая привлечением умов для работы на благо страны сегодня. Долгое время основным признанным механизмом достижения целей для государства была его военная мощь, а преимущество в технологическом плане могло стать значительным выигрышем, в том числе и в ведении войн. Однако горький опыт мировых войн и изобретение ядерных бомб привели к осознанию практической невозможности прямых военных столкновений между странами. Кроме того, в быстро изменяющейся международной среде у государств стали появляться интересы, достижение которых невозможно только с использованием военной силы.

Впервые «мягкая сила» официально появилась в концепции внешней политики России лишь в 2013 году, где данный термин трактовался как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [9]. Несмотря на столь позднее «признание», государственные организации, фактически занимающиеся производством «мягкой силы» появились заметно раньше (фонд «Русский мир», Россотрудничество и др.).

«Мягкая сила» – это сила, которая позволяет государству добиваться своих целей на основе привлекательности, симпатии, добровольного участия в отличие от «жесткой силы», предполагающей достижение целей через средства принуждения, такие как, например, война [10]. Сам термин «мягкая сила» является относительно новым в международных отношениях и был введен в научный оборот американским политологом Джозефом Найем в 1990 году [27], хотя само явление в той или иной мере существовало в мире уже долгое время.

Отсутствие устоявшегося значения понятия «мягкой силы» вызывало широкие споры в международной академической среде на уровне его смыслового наполнения. Во-первых, определение самого понятия «силы», центрального для международных отношений, всегда было краеугольным камнем политической теории, и по прошествии многих раундов дебатов вокруг него, было решено, что «сила» гораздо более обширное понятие, чтобы пытаться придумать его единственно верное объяснение. Однозначное понимание силы существует в логике реализма, где де-факто является тождественным классической силе принуждения или «жесткой силе», то есть включает в себя возможности армии, количество человек, ресурсов и др. [26]. Впоследствии новые поколения исследователей критиковали реалистов за заикливание на силе как центральном концепте международных отношений, однако сам термин не был переосмыслен. Поэтому до сих пор возникают вопросы, уместно ли называть «мягкую силу» силой в первую очередь. Во-вторых, существует точка зрения, согласно которой «мягкая сила» совсем не «мягкая», так как в определенной мере опирается на принуждение [25]. Проблема кроется и в другом базовом термине «мягкой силы» – привлекательности. Дж. Б. Маттерн, исследуя его с социолингвистиче-

ской точки зрения, отмечает, что «привлекательность» не существует самостоятельно, но является социально сконструированной формой «реальности», которую вынуждена принять сторона, которая подвергается такому типу воздействия. Принятие другой навязанной «реальности», таким образом, является актом принуждения. Помимо этого, любое межкультурное взаимодействие, включающее в себя споры, с целью убеждения, также является принуждением, вследствие чего автор делает вывод о «жесткой» природе «мягкой силы». Следует отметить, что данные споры во многом вызваны тем, что сам Дж. Най никогда не определял термин «привлекательность». Кроме того, присутствуют и точки зрения, согласно которым «мягкая сила» несостоятельна как таковая (Дэннис МакШейн, Джон Робсон и др.) – результаты неочевидны, источники трудно определяемы и, как правило, неисчислимы – в отличие от классической силы.

Наиболее комплексный теоретический анализ «мягкой силы» представлен П. Паршиным. Первой и одной из основополагающих предпосылок в размышлениях Паршина о мягкой силе выступает его тезис о метафоричности данного термина. Метафоричность термина, введенного Дж. Наем для описания новых способов влияния в эпоху глобализации, стала причиной как теоретической размытости и практической неясности самой концепции, так и разнобоя в интерпретациях, которые располагались по шкале от панацеи в международных отношениях до нулевой значимости нововведения американского ученого. П. Паршин дает два определения «мягкой силы» – терминологическое и нетерминологическое [1. С. 85]. В рамках нетерминологического подхода «мягкая сила» в широком смысле понимается как способность к достижению определенной цели самому или использованием каких-либо инструментов, средств, выбирая такие, относительно которых можно с определенной долей вероятности ожидать от их применения относительно меньшего материального или нематериального ущерба по сравнению с другими средствами, которые потенциально могут быть применимы для достижения конкретной цели. В рамках терминологического (наевский) смысла «мягкая сила» является притягательной силой различных ценностей, которые устойчиво ассоциируются с определенной страной (культурные ценности страны, уровень жизни, качество образования и др.) [13].

Значительное внимание понятию «мягкой силы» уделяется в работах доктора политических наук, профессора РУДН Г.Ю. Филимонова. С его точки зрения «мягкая сила» представляет собой символическое понятие, которое отражает политическое мировоззрение США и его подходы к пониманию невоенных составляющих внешнеполитического могущества страны [20. С. 104-105]. При этом, по мнению Г.Ю. Филимонова, «мягкую силу» в России следует анализировать с точки зрения глобальных политических, экономических, социальных, культурных процессов, которые формируют «...новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений среди международных акторов начинают уступать место сетевым структурам» [20]. Исследователь предлагает и другие, дополнительные или актуализированные варианты определения «мягкой силы». Первое связано с определением «мягкой силы» как сложной многоуровневой системы, позволяющей государству в решении своих тактических и стратегических задач на международной арене в рамках официального (МИД, Россотрудничество и др.) и неофициального (экспорт кинематографической продукции, использование социальных сетей и др.) направлений. Во-вторых, «мягкая сила» является инновационной высокоинтеллектуальной системой управления сознанием, которая призвана усилить среди зарубежных аудиторий поддержку внешнеполитических инициатив страны [19]. Третье и четвертое определение коррелирует с точкой зрения А. И. Сухарева, который полагает, что «мягкая сила» представляет собой, во-первых, одну из форм внешнеполитической стратегии страны, комплексный механизм оказания влияния посредством создания системы «привлекательных предпочтений» [18. С. 44], во-вторых, набор политтехнологических средств, методов. Она оказывает влияние, побуждает оппонентов действовать в определенных заданных политических параметрах.

Отбрасывая академические споры к форме, суть «мягкой силы» звучит как «привлекательность вместо принуждения». В современном мире, переходящем в новую эпоху, прямое столкновение двух крупных держав, как средства достижения целей и национальных интересов, уже не столь актуально и едва ли реализуемо. Поэтому, несмотря на свою новизну, концепция «мягкой силы» быстро начала приниматься различ-

ными странами для выполнения геополитических задач [36].

Сложность в построении теоретической модели «мягкой силы» состоит не только в отсутствии ее чёткого определения, но и заключается в проблемах четкого определения ее источников, критериев и показателей. Дж. Най выделяет следующие источники «мягкой силы»: во-первых, культура (по крайней мере, её привлекательная часть); во-вторых, политические ценности, и в-третьих, зарубежная политика (насколько легитимно и морально обоснованно выглядит) [29]. Кроме того, как и культура, так и ценности, и привлекательность относительны: приоритетны для одних, но не для других. В российской политической науке вопрос источников «мягкой силы» недостаточно изучен. И.А. Чихарев и О.В. Столетов [23], рассматривая проблему источников, опираются в большей степени на обозначенные Дж. Наем, а именно на культуру и ценности, национально-государственной экономической модели развития и политической модели [3]. Отличие в данном случае в том, что они отделяют экономический аспект, а внешнюю политику, наоборот, включают в «политическую модель».

В числе основных каналов реализации политики «мягкой силы» Г.Ю. Филимонов предлагает рассматривать публичную и культурную дипломатию; внешнюю культурную политику; информационную политику с использованием медиа-ресурсов и социальных сетей; международную политику в сфере образования; реализация высоких гуманитарных технологий на уровне неправительственных организаций, например, «цветные революции»; применение страной финансово-экономических инструментов (экономическая помощь, создание экономических преференций в обмен на «управляемость» и лояльность элиты государства-реципиента; привлечение иностранных инвестиций; экспорт продукции потребительской, массовой культуры (музыка, кино и др.) [19]. Исследователь П. Паршин рассматривает и другие факторы «мягкой силы», используемые в рейтинге компании «Ernest and Young» совместно с Московской школой управления «Сколково». Они подразделяются на 3 уровня: глобальный имидж (экспорт медиапродукции, количество завоеванных олимпийских медалей, интерес к изучению языка конкретной страны, «вхождение» граждан страны по версии журнала «Time» в ТОП-100 самых влиятельных людей, «уважаемые» компании); глобальная порядочность

(индекс свободы, законности, избирательная активность, выбросы в атмосферу CO₂); глобальная интеграция (выездной туризм, иммиграция, рейтинг вузов, распространение овладения английским языком) [13, 11]. Анализируя эти показатели, сам исследователь отмечает, что они во многом спорны. Таким образом, практически каждый исследователь обращает внимание на те или иные критерии оценки «мягкой силы», которые ему кажутся более важными, при условии, что эта выборка будет обоснована.

Одним из инструментов измерения «мягкой силы» являются рейтинги страновых брендов, среди которых наиболее универсальный: индекс страновых брендов (CBI), разработан консалтинговой компанией «Future Brand». CBI – это глобальное исследование силы национального бренда, охватывающее 118 стран мира. Это самое широкомасштабное исследование в своей отрасли, и ему доверяют многие национальные агентства территориального развития. В нем используется сложная структура опроса, учитывающая субъективные ощущения респондентов. По данным рейтинга CBI-2015 Россия занимает 31 место [32].

Компания *Portland Communications*, занимающаяся, помимо прочего, исследованием «мягкой силы», в 2017 году выпустила третий ежегодный рейтинг *Softpower30*, в котором указаны 30 наиболее привлекательных стран, по оценкам компании. Оценка производится по семи основным критериям, основным источникам «мягкой силы» – *digital* («цифровые технологии»), *culture* (культура), *enterprise* (предпринимательство), *engagement* (вовлеченность как сила дипломатической сети страны и её вклад в развитие глобальных связей), *education* (образование), *government* (государство как оценка его приверженности свободе, правам человека, демократии и качество политических институтов), *polling* (субъективные взгляды на привлекательность стран в рамках массовых опросов) – рисунок 1.

Франция впервые в 2017 году признана самой влиятельной страной в мире – если мерить влияние не номинальным военно-экономическим потенциалом, а потенциалом «мягкой силы». В 2016 году в этом докладе верхнюю ступеньку пьедестала отдали США, а в позапрошлом – Великобритании. В этом году США опустились на третью ступеньку, а англичане заняли второе место. Извечный соперник Франции, Германия, в этом году занимает четвертую позицию, за ней следуют Канада, Япония, Швейцария,

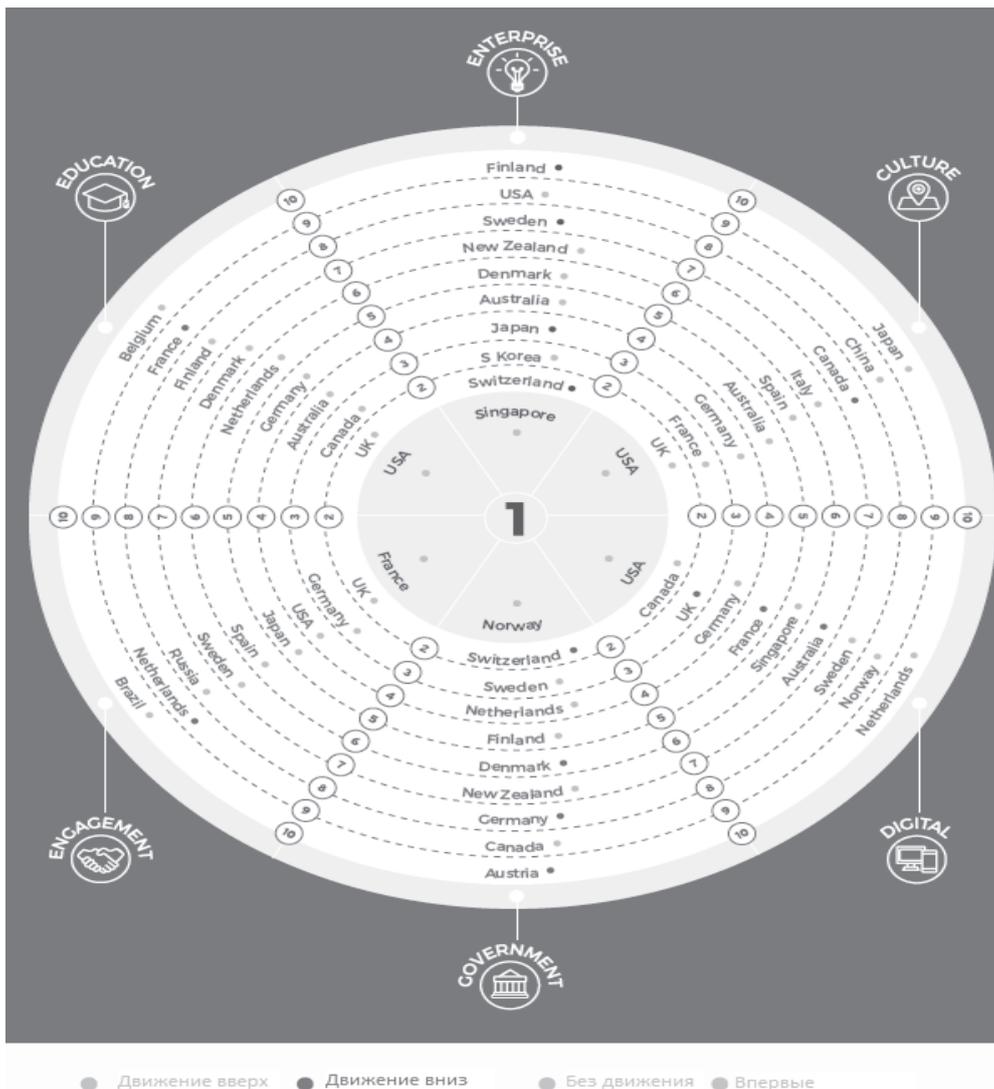

Рисунок 1 – Лидирующие страны по уровню привлекательности [30].

Австралия, скандинавские страны и Нидерланды. Новое лидерство Франции – в небольшой степени результат победы на президентских выборах молодого проевропейского политика Эммануэля Макрона и поражение кандидата Национального фронта Марин Ле Пен. Утрата лидерства Соединенными Штатами – тоже результат выборов, только результат со знаком минус: новый президент США Дональд Трамп вызывает в мире неоднозначную реакцию [35].

В России, как и во многих странах, которые пытаются привлечь «мягкую силу» на службу интересам государства, а не делают это уже естественным образом, это явление подвергается критике, по классическим для «мягкой силы» причинам. Безусловно, на данный момент нельзя говорить о реальной мощи «мягкой силы» России в мире. В рейтинге *Softpower30* Россия заняла 26 место, появившись в рейтинге впервые [28]. По-

следние места наша страна заняла по критерию «государство», а также по опросам. Двадцать седьмое по предпринимательству, двадцатое по образованию, четырнадцатое по культуре, одиннадцатое по цифровым технологиям и восьмое по вовлеченности. Однако это не говорит об отсутствии потенциала. Кроме того, в рейтинге *Elcano's Global Presence Report 2017 Soft presence* Россия заняла 7 место [33], но не попала ни на одно из 25 мест *Monocle's Soft Power Survey 2016/17* [34]. Такой разрыв связан, прежде всего, с разными моделями подсчёта. Как видно из названия, рейтинг *Elcano's* в первую очередь изучает присутствие в мире, а не эффективность. В таблице 1 показаны места РФ, США, Франции, Китая, занимаемых в различных рейтингах.

Несомненно, что одним из важных компонентов формирования «мягкой силы» выступает формирование позитивного имиджа

Таблица 1 – Позиции государств в рейтингах [28, 33, 34].

Страна	<i>Portland Softpower30</i> (30 мест в рейтинге)	<i>Monocle's Soft Power Survey</i> (25 мест)	<i>Elcano's Global Presence</i> (80 мест)
Россия	26	-	7
США	2	1	1
Франция	1	5	5
Китай	25	20	2

страны. Так, например, позитивный имидж Советского Союза формировался на основе прогрессивных научно-технических достижений, фундаментальных ценностей, вклада в установление мира (победа во ВОВ) и мировую культуру. После распада СССР, снятия железного, информационного занавеса, при спаде целенаправленной антисоветской пропаганды, проблемы мирового восприятия российского государства значительно обострились [17. С. 7]. По мнению ряда российских исследователей, Россия практически безвозвратно утратила доставшийся ей после распада свой достаточно большой потенциал «мягкой силы». Это резерв был и частично остается существенным, в том числе российское информационно-культурное влияние на страны постсоветского пространства, возможность распространения отечественной, но не всегда высококачественной продукции кино-, теле-индустрии, музыкальных произведений, научно-образовательная привлекательность вузов России [2. С. 189-190]. Однако, как отмечают российские исследователи А.А. Казанцева, В.Н. Меркушева, потенциал «мягкой силы» России так ослаблен, что вряд ли можно говорить о ее эффективном вкладе в реализацию внешней политики: «когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое» [8].

С точки зрения А. В. Будаева, аргументы, соображения российских исследователей выглядят достаточно убедительно и способствуют более полному раскрытию содержания, слабых и выигрышных сторон российской «мягкой силы» в ее различных интерпретациях. Говоря о сущности и направлениях проявлениях во внешней политике РФ сегодня «мягкой» дипломатии, представляется в основу взять формулировку, предложенную в Концепции внешней политики РФ от 12.12.2013, дополнив ее следующим: важными акторами и трансляторами российской «мягкой силы» выступают российская диаспора за рубежом (свыше 30 млн чел.; второе место после китайцев по численности среди иностранных диаспор), Русская православная церковь (РПЦ) (несущая

высокие духовные и нравственные идеалы и подкрепляющая цивилизационную миссию РФ), иностранные организации бывших выпускников российских (советских) вузов [2].

К основным концепциям и организации «мягкой силы» России относятся следующие. Во-первых, это концепция «Русского мира» Островского и Щедровицкого. Они изначально описывали его как «имидж» для новой России, как что-то объединяющее всех, кого можно называть русскими по всему миру. Здесь появляется резонный вопрос в терминологии – что значит мир и кого называть русским. Мир в данном контексте понимается в античном смысле, подобно греческому или византийскому, как огромные территории, на которые распространяется влияние страны, без опоры на территориальные границы государства [31, 6]. «Русский» оказывается ещё более широким термином. «Мы, русские, многонациональный народ. Русские – это не кровь, русские – это общая судьба» – писали они в своём манифесте [24]. Позже к изначальному элементу «общая судьба», не несущем, по сути, смысла, добавляется культурно-языковой элемент. Однако это не сужает область покрытия понятия, а, скорее наоборот, расширяет, так как происходит приращение слоя людей, которые ещё только изучают язык, или просто заинтересованы в культуре. Имидж Щедровицкий и Островский видели в укреплении связей между разрозненными «русскими» по всему миру, в этом была основная идея [15]. Таким образом, частями бренда «русский мир» сегодня считаются те, кто, говорит на русском, кто интересуется Россией, кто живет на её территории. Однако государство, приняв идею этого имиджа начало развивать её, добавлять новые критерии включения в категорию «русского», сделав «русский мир» частью своей концепции мягкой силы. Например, за счёт попытки слияния двух «русских миров». Второй, православный, имеет гораздо более чёткие критерии, границы и вообще имеет смысл сам по себе. Православный русский мир – это духовная связь всех православных в мире, с центром в Москве.

Таблица 2 – Сходства и отличия в направлении деятельности организаций, занимающихся «мягкой силой» в РФ

Направления деятельности	Фонд Русский мир	Россотрудничество
Занимается вопросом языка	Да	Да
Занимается вопросом культуры	Да	Да
Занимается образованием	Да	Да
Сотрудничает с РПЦ	Да	Да
Создана по государственной инициативе	Да	Да
Имеет собственные активы за рубежом	Да	Да
Является правительственной организацией	Нет	Да

Во-вторых, фонд «Русский мир». Несмотря на то, что нигде официально не указана связь данного фонда с концепцией Островского и Щедровицкого, трактовка основных понятий совпадает в обоих случаях. «Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее [7]. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития. Все перечисленные признаки характерны как для россиян, проживающих в стране, так и для остального Русского мира» – отмечается на его сайте [21]. Фонд является основной некоммерческой организацией, специализирующейся на производстве и концентрации «мягкой силы» Российской Федерации. Будучи по сути единственной в своём роде, она покрывает множество отраслей, включая такие критически важные, как язык, культура и, частично, образование. Достижение поставленных целей и задач Фонда осуществляется посредством следующих проектов. Во-первых, Русские центры и Кабинеты русского языка. Во-вторых, проведение мероприятий (например, ежегодная Ассамблея Русского мира).

В-третьих, Россотрудничество – нижестоящее ведомство МИД РФ. Его деятельность и деятельность его заграничных учреждений направлена на «реализацию государственной политики международного гумани-

тарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России» – отмечается на сайте организации [16]. Россотрудничество имеет 95 представительств в 75 странах мира. В основном деятельность Россотрудничества строится в рамках Подпрограммы 3 «Деятельность в области международного гуманитарного сотрудничества и международной помощи развитию» в рамках Государственной программы по внешнеполитической деятельности. В 2013 году бюджет Россотрудничества оценивался в 2 млрд рублей, и были планы по его увеличению до 9,5 млрд руб в 2020 году. При анализе деятельности фонда Русский мир и Россотрудничества можно выделить много общего (таблица 2).

Проблема реализации «мягкой силы» в России является многомерной. Во-первых, сам подход к исследуемой концепции в государстве. Фактическое отсутствие теоретических исследований и адаптации концепции под российские реалии и слепое перенимание чужого опыта приводит к гораздо менее эффективному развитию «мягкой силы», и, соответственно, менее заметным результатам. Уравнителем в этой ситуации служат финансовые вливания, которые призваны сгладить общую невысокую жизнеспособность подхода [12]. Во-вторых, отсутствие хоть сколько-то устоявшегося имиджа России на международной арене на базовом уровне. Это можно выделить в отдельную проблему – отсутствие т.н. «русской идентичности», которая бы и служила одним из источников «мягкой силы», а также являлась своего рода образцом того, чем гордятся граждане страны и что считают важным. Общий тренд на построение идентичности на противопоставлении «чужим», а не на сходствах «своих», сохранился с зарождения государства до наших дней. Формирование внутри страны образа «загнивающего запада», с разложением норм морали и нрав-

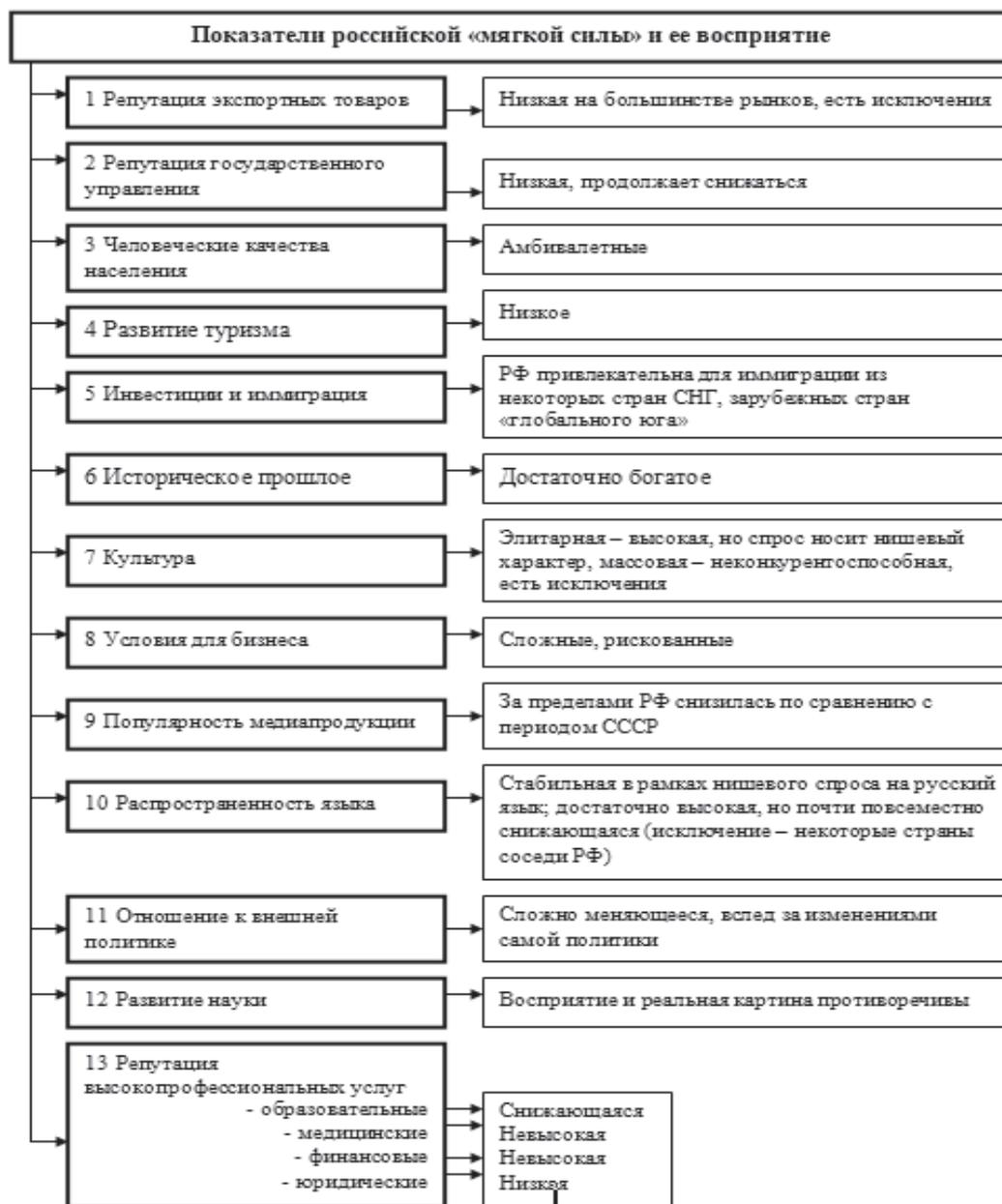

Рисунок 2 – Компоненты «мягкой силы» России и их восприятие [составлено по: 13].

ственности, обусловленные легализациями однополых браков и марихуаны противопоставляется образу «святой России» – консервативной, религиозной и высокодуховной. Причём это происходит как в СМИ, так и в академической среде – подобные темы являются ключевыми в концепции «евразийства» А. Г. Дугина [4]. Однако даже такой подход способен сформировать только виртуальную идентичность, которая в свою очередь не способна стать источником привлекательности. В-третьих, подход к её реализации. Централизованный этатистический подход в данном вопросе, как и большинстве других, скорее вредит, чем помогает. Складывается двоякая ситуация, в которой

государство заявляет о необходимости развития «мягкой силы» и подписывает указы о создании соответствующих организаций, однако остается непонятным, на что должны опираться в первую очередь при формировании имиджа. Язык и культура (в смысле всемирно признанных продуктов культуры, таких как шедевры литературы, изобразительного искусства, классической музыки) несомненно являются источниками «мягкой силы» и не создают каких-либо конфликтов. Однако прочие – будь то традиции, религия или ценности, пропагандируемые государственными организациями, применимы только к этническим русским. Подытоживая, государство зачастую занимается не

подчеркиванием и продвижением того, что может создавать привлекательность в стране, а проецирует образ виртуальной России, который слабо связан с Россией реальной.

Современные исследователи отмечают, что сегодня в России наблюдается значительный дефицит «мягкой силы», что подтверждают данные рейтинга *NBI*, дополненные П. Паршиным позициями 8–13 (рисунок 2).

Сегодня приходится констатировать факт отсутствия притягательности России, и даже снижение, часто продолжающееся, по некоторым компонентам российской «мягкой силы». Наиболее выигрышными показателями имиджевого позиционирования России в зарубежных аудиториях выступают достижения в области спорта, науки, техники, культурный потенциал страны [17. С. 8].

В настоящее время в мире РФ в основном воспринимают, как военную и энергетическую державу, а значение «мягкой силы» страны отходит на второй план. Поэтому есть основания в потребности создания нового имиджа на мировой арене, соответствующего национальным интересам РФ и современным реалиям [22. С. 23]. По мнению В. В. Путина важной задачей является «формирование непредвзятого и благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, культуре и сегодняшнем развитии» [14].

Таким образом, несмотря на имеющийся потенциал, в сегодняшних условиях реализация российской «мягкой силы» имеет множество проблем. Организации страдают от разного рода финансовых проблем – «Русскому миру» не хватает финансирования, в то время как Росотрудничество неэффективно растрчивает огромные средства, выделяемые ему государством, не контролирующим в нужной мере ситуацию. При отсутствии синергии между существующими активами двух организаций, имеющих одинаковые цели, получается гораздо менее эффективная деятельность, чем могла бы. Кроме того, существуют сферы, которые имеют потенциал не только для превращения в источники «мягкой силы», но и становления экономически выгодными. Это туризм, который не развивается, даже несмотря на существующие планы и договора, как в ситуации с Байкалом. Это кинематограф, политика в сфере которого направлена на увеличение относительной массы отечественных фильмов в отечественном же прокате, вместо повышения качества картин и выхода на мировой рынок. Существующая крайне неэффективная система государственной поддержки кинематографа только усугубляет положение и не создает стимулов для повышения качества продукции. Изменение статуса-кво приведет к очевидным выгодам, даже в условиях такого неочевидного явления, как «мягкая сила».

Литература:

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике российской федерации в контексте глобализации: дисс канд. полит наук: 23.00.04. СПб, 2016.
2. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. № 48.
3. Будаев А.В., Демидов А.В., Манойло А.В. и др. «Мягкая сила» в мировой политической динамике. М., 2015.
4. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
5. Западные эксперты пророчат России неизбежный распад // <https://www.pravda.ru>.
6. Камолов С.Г., Подольский В.Э. Количественная оценка конфликтности в иерархической организации // Право и управление. XXI век. 2013. № 1(26).
7. Камолов С.Г. Антиконтфликтология. Вопросы преподавания управленческой конфликтологии в вузах. Монография. М., 2016.
8. Казанцев А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полит. 2008. № 2 // <http://www.politstudies.ru>.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утв. указом Президента РФ 12.02.2013 // <http://www.mid.ru>.
10. Лукин А.В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3.
11. Павлюк А.В., Кабакова С.С. Административно-правовое регулирование внешних трудовых миграционных потоков в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2017 № 5.
12. Павлюк А.В. Административно-правовое регулирование деятельности акционерных обществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2013.

13. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО(У) МИД России. 2013. Вып. 1(63) // <http://ehd.mgimo.ru>.
14. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании совещания послов 12.07.2004 // <http://www.mid.ru>.
15. Россия: страна, которой не было // <http://gtmarket.ru>.
16. Россотрудничество: деятельность // <http://rs.gov.ru>.
17. Сафанчук И., Синегубов А. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Дипломатическая служба. 2014. № 1.
18. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореф. дисс.... докт. полит. наук. М., 2011.
19. Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования стратегии «Мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации (июнь 2013) // <http://georgefilimonov.com>.
20. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1.
21. Фонд «Русский мир»: о Фонде // <http://www.ruskiymir.ru>.
22. Церпицкая О.Л., Маркушина Н.Ю., Ковалевская Н.В. Перспективы формирования «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Научно информационный журнал «Армия и общество». 2015. № 2.
23. Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике: монография. М., 2015.
24. 1111 знаков за 1111 дней до Нового Тысячелетия // <http://gtmarket.ru>.
25. Janice Bialy Mattern. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millenium – Journal of International Studies*. 2005. V. 33. N. 583.
26. Michael Barnett and Raymond Duvall. Power in International Politics // *International Organization (US, IO Foundation: 2005)*.
27. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
28. Portland soft power 30 // <http://softpower30.portland-communications.com>
29. Soft power: think again // <http://foreignpolicy.com>.
30. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*, Eighteenth edition. Dallas, Texas, 2015: SIL International // <http://www.ethnologue.com>
31. Marlene Laruelle. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. *The Center on Global Interests*, 2015.
32. Country Brand Index 2014-15 // <http://www.futurebrand.com>.
33. Elcano's Global Presence Report 2017 // <http://www.realinstitutoelcano.org>.
34. Soft Power Survey 2016/17 // <https://monocle.com>.
35. Yengibaryan R. The institution of presidency in the USA // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 33. Issue 1. 2017.
36. Yengibaryan R. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 27. 2014.
37. Торкунов А.В. Внешнеполитические интересы России: устойчивость и актуализация // Концепция и практика внешней политики Российской Федерации: учебное пособие. Якутск, 2003 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
38. Торкунов А.В. Найти выход из «тупика неэффективности» // Выступление на V Конвенте Российской ассоциации международных исследований 26 сентября 2008 года // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
39. Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Концепции и определения демократии: антология. М., 2006 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
40. Касаткин П.И. Ценностный компонент в образовании: нужен ли он сегодня? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 2 (24).
41. Касаткин П.И., Иноземцев М.И. Актуальные вопросы организации образовательной деятельности по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Высшее образование в России. 2016. № 4.
42. Касаткин П.И. Современное образование: функции и предназначение // Проблемы современного образования. 2017. № 5.
43. Касаткин П.И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. Т. 25. № 8.
44. Государственное антикризисное управление / Под ред. Охотского Е.В. М., 2016.
45. Касаткин П.И., Силантьева М.В. Антропологический аспект глобальных моделей образования: поиски и решения // Полис. Политические исследования. 2017. № 6.
46. Сардарян Г.Т. Конституционная реформа 2001 года в Италии в контексте перехода от сложного унитарного государства к федеративному // Право и управление. XXI век. 2013. № 2.

47. Сардарян Г.Т. О политической этике и мировом демократическом развитии // Политика и Общество. 2014. № 10.
48. Сардарян Г.Т. Влияние органов ЕС на процесс регионализации в Итальянской республике // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.
49. Сардарян Г.Т. Понятие, сущность и основные этапы развития католической социальной доктрины // Политика и общество. 2016. № 5.
50. Сардарян Г.Т. Модернизм и католическая политическая доктрина // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1(52).
51. Сардарян Г.Т. Либеральный разворот католического социального учения в период понтификата Льва XIII // Право и политика. 2016. № 2.

«SOFT POWER» IN THE WORLD COMMUNITY AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Introduction. *The problem of “soft power” in international relations and its role in Russia’s foreign policy seems a topical research direction, considering its insufficient scientific analysis due to the prevailing general attitude to the issue of “soft power” in Russian political discourse, where the researched phenomenon is not considered a full-fledged direction of foreign policy and was created on the wave of the “soft power” popularity in the world community. The need to research the use of “soft power” is caused by the ongoing changes in the international relations and global politics that emerged as a result of globalization processes, information and technology sectors development. In the context of the emergence of new actors and rapidly changing rules of playing on the international stage, it is important for countries to adapt quickly to these rules and make full use of new tools. However, due to certain reasons, Russia paid attention to the resources of using “soft power” with a delay, but in order to achieve the world leaders’ level in this area, renewed approach is needed, taking into account the domestic specifics and leading global practices. The research is aimed at studying the features of the “soft power” concept.*

Materials and methods. *Realization of the research tasks was achieved on the basis of studying theoretical foreign and domestic concepts of “soft power”, analyzing the ratings of the countries’ brands. The methodological basis includes the method of system-structural analysis, the statistical method.*

Results. *The article considers the main approaches to understanding “soft power” presented in papers of foreign and domestic researchers; analysis of the main components and sources of the “soft power” policy; countries’ brand rating as a measurement tool of “soft power”; concepts of using “soft power” of Russia.*

Discussions and conclusion. *Based on statistical data and data secondary analysis, the article comes to the conclusion that Russia lacks “soft power”; that grounds exist to create a new image of Russia on the world stage, corresponding to Russian national interests and contemporary realities. In today’s conditions, implementation of Russian “soft power” has many problems related to law, financial and economic aspects.*

Victor M. Volodin,
 Doctor of Economics, Professor, Dean,
 Faculty of Economics and Management, State
 University of the city of Penza
 Lilia V. Rozhkova,
 Doctor of Sociology, Professor, Department
 of Economic Theory and International Relations,
 State University of the city of Penza
 Olga V. Salnikova,
 Senior Lecturer, Department of Economic
 Theory and International Relations, State University
 of the city of Penza

Ключевые слова:

мягкая сила, внешняя политика, Россия, Русский мир, Россотрудничество.

Keywords:

soft power, foreign policy, Russia, Russian world, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation.

References:

1. Ageeva V.D., 2016. Rol' instrumentov «myagkoj sily» vo vneshnej politike rossijskoj federacii v kontekste globalizacii: diss kand. polit nauk: 23.00.04 [The Role of "Soft Power" Tools for Russian Foreign Policy in-context of Globalization]. Saint-Petersburg.
2. Budaev A.V., 2015. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy ["Soft Power" in Russian Foreign Policy: sources, features, prospect]. *Gosudarstvennoe upravlenie [State Administration]*. № 48.
3. Budaev A.V., Demidov A.V., Manojlo A.V. i dr., 2015. «Myagkaya sila» v mirovoj politicheskoj dinamike ["Soft Power" in World Political Dynamics]. Moscow.
4. Dugin A.G., 2009. Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli [Post-Philosophy. Three Paradigms in History of Thought]. Moscow.
5. Zapadnye ehksperty prorochat Rossii neizbezhnyj raspad [West Experts Predict Inevitable Disintegration for Russia]. URL: <https://www.pravda.ru>.
6. Kamolov S.G., Podol'skij V.E., 2013. Kolichestvennaya ocenka konfliktogennosti v ierarhicheskoj organizacii [A Quantitative Assessment of Conflictogenic Power in a Hierarchical Organization]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1 (26).
7. Kamolov S.G., 2016. Antikonfliktologiya. Voprosy prepodavaniya upravlencheskoj konfliktologii v vuzah. Monografiya [Anticonflictology: Issues of Teaching Conflictology in Management for graduates]. Moscow.
8. Kazancev A.A., 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «myagkoj sily» [Russia and Post-Soviet Area: Prospect of "Soft Power" Usage]. *Polis [Political Studies]*. № 2. URL: <http://www.politstudies.ru>.
9. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. URL: <http://www.mid.ru>.
10. Lukin A.V., 2013. Publichnaya diplomatiya [Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*. № 3.
11. Pavlyuk A.V., Kabakova S.S., 2017. Administrativno-pravovoe regulirovanie vneshnih trudovyh migracionnyh potokov v Rossijskoj Federacii [Administrative-legal Regulation of Foreign Labor Force]. *Social'no-politicheskie nauki [Social and Political Science]*. № 5.
12. Pavlyuk A.V., 2013. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti akcionermyh obshchestv: dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative-legal regulation of activity of joint-stock companies]. 12.00.14. Moscow.
13. Parshin P., 2013. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Subject Matter of "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Analiticheskie doklady IMI MGIMO(U) MID Rossii [Analytical Reports of International Studies Institute of MGIMO (University) of the MFA of Russia]*. Vyp. 1(63). URL: <http://ehd.mgimo.ru>.
14. Putin V.V. Vystuplenie na plenarnom zasedanii soveshchaniya poslov 12.07.2004 [Address to Ambassadors at Plenary Meeting]. URL: <http://www.mid.ru>.
15. Rossiya: strana, kotoroj ne bylo [Russia: Non-existent Country]. URL: <http://gtmarket.ru>.
16. Rossotrudnichestvo: deyatel'nost' [Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation: Activity]. URL: <http://rs.gov.ru>.
17. Safanchuk I., Sinogubov A., 2014. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Subject Matter of "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Diplomatičeskaya sluzhba [Foreign Service]*. № 1.
18. Suharev A.I., 2011. Politicheskoe stanovlenie sub"ektov setevykh gumanitarnykh vzaimodejstvij v mezhdunarodnyh otnošeniyah global'nogo mira: avtoref. diss.... dokt. polit. nauk [Political Formation of Subjects of the Network and Humanitarian Interactions in International Relations of Global World]. Moscow.
19. Filimonov G. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «Myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii (iyun' 2013) [The Topical Issues of Forming "Soft Power" Strategy in Foreign Policy of Russia (June, 2013)]. URL: <http://georgefilimonov.com>.
20. Filimonov G.Yu., 2014. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii [The Topical Issues of Forming "Soft Power" Strategy in Foreign Policy of Russia]. *Mezhdunarodnye otnošeniya [International Relations]*. № 1.
21. Fond «Russkij mir»: o Fonde [Fund "Russian World": Information about Fund]. URL: <http://www.ruskiymir.ru>.
22. Cerpickaya O.L., Markushina N.Yu., Kovalevskaya N.V., 2015. Perspektivy formirovaniya «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii [The Prospect of Forming "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Nauchno informacionnyj zhurnal «Armiya i obshchestvo» [Scientific Information Journal "Army and Society"]*. № 2.
23. Chiharev I.A., Stoletov O.V., 2015. «Myagkaya sila» i «razumnaya sila» v sovremennoj mirovoj politicheskoj dinamike: monografiya ["Soft Power" and "Smart Power" in Political Dynamics of Modern World]. Moscow.
24. 1111 znakov za 1111 dnei do Novogo Tysyacheletiya [1111 Signs before 1111 Days to New Millenium]. URL: <http://gtmarket.ru>.
25. Janice Bially Mattern, 2005. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics". *Millenium – Journal of International Studies*. V. 33. N. 583.

26. Michael Barnett and Raymond Duvall, 2005. "Power in International Politics" in International Organization (US, IO Foundation).
27. Nye J., 1991. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books.
28. Portland soft power 30. URL: <http://softpower30.portland-communications.com>.
29. Soft power: think again. URL: <http://foreignpolicy.com>.
30. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World, Eighteenth edition. Dallas, Texas, 2015: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com>.
31. Marlene Laruelle, 2015. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. The Center on Global Interests.
32. Country Brand Index 2014-15. URL: <http://www.futurebrand.com>.
33. Elcano's Global Presence Report 2017. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org>.
34. Soft Power Survey 2016/17. URL: <https://monocle.com>.
35. Yengibaryan R., 2017. The institution of presidency in the USA. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. Volume 33. Issue 1.
36. Yengibaryan R., 2014. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. Volume 27.
37. Torkunov A.V. Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: ustoichivost' i aktualizatsiia [Foreign-Policy Interests of Russia: Stability and Actualization]. Kontseptsii i praktika vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie [The Concept and Practice of the Russian Federation's Foreign Policy: textbook]. Yakutsk, 2003. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
38. Torkunov A.V. Naiti vykhod iz «tupika neeffektivnosti» [Finding a way out of the blind alley of ineffectiveness"]. Vystuplenie na V Konvente Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnykh issledovaniy 26 sentiabria 2008 goda [Speech at the 5-th Convention of the Russian International Studies Association, 26 September, 2008]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
39. Torkunov A.V. Rossiiskaia model' demokratii i sovremennoe global'noe upravlenie [A Russian Model of Democracy and Modern Global Governance]. Kontseptsii i opredeleniia demokratii: antologiya [Concepts and Definitions of Democracy: Anthology]. Moscow, 2006. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
40. Kasatkin P.I., 2017. Cennostnyj komponent v obrazovanii: nuzhen li on segodnja? [Value component in education: do we need it nowadays]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filosofiya [Voronezh State University Bulletin. Series: Philosophy]*. № 2 (24).
41. Kasatkin P.I., Inozemtsev M.I., 2016. Aktual'nye voprosy organizatsii obrazovatel'noj dejatel'nosti po programmam podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture [Current Issues of Arranging Post-Graduate Education for Academic Staff Training]. *Vishshee obrazovanie v Rossii [High Education in Russia]*. № 4.
42. Kasatkin P.I., 2017. Sovremennoe obrazovanie: funktsii i prednaznachenie [Modern Education: Functions and Mission]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]*. № 5.
43. Kasatkin P.I., 2017. Globalizatsiya kul'tury: problemy i perspektivy [Globalization of Culture: Challenges and Prospects]. *Vlast' [Power]*. Vol. 25. № 8.
44. Gosudarstvennoe antikrizisnoe upravlenie [State anti-crisis management]. Moscow.
45. Kasatkin P.I., Silant'eva M.V., 2017. Antropologicheskii aspekt global'nykh modelei obrazovaniia: poiski i resheniia [The anthropological aspect of global education models: problems and solutions]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political studies]*. № 6.
46. Sardarian G.T., 2013. Konstitutsionnaia reforma 2001 goda v Italii v kontekste perekhoda ot slozhnogo unitarnogo gosudarstva k federativnomu [Constitutional Reform in Italy of 2001 and Transition from Unitary State to Federation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2.
47. Sardarian G.T., 2014. O politicheskoi etike i mirovom demokraticheskom razvitiy [Political ethics and world political development]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]*. № 10.
48. Sardarian G.T., 2014. Vliyanie organov ES na process regionalizatsii v Italiyanskoj respublike [Influence of EU Bodies on the Process of Regionalization in Italian Republic]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*. № 2.
49. Sardarian G.T., 2016. Ponyatie, sushnost i osnovnie etapy razvitiya katolicheskoy socialnoy doktriny [Definition, Essence and Main Stages of Development of Catholic Social Doctrine]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]*. № 5.
50. Sardarian G.T., 2017. Modernizm i katolicheskaja politicheskaja doktrina [Modernism and Catholic Political Doctrine]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Herald of MGIMO-University]*. № 1(52).
51. Sardarian G.T., 2016. Liberal'nyi razvorot katolicheskogo sotsial'nogo ucheniia v period pontifikata L'va XIII [The Liberal Turn of Catholic Social Doctrine During Pontificate of Leo PP. XIII]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. № 2.

КОММУНИКАЦИЯ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Петр Меньшиков*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-81-90

Введение. В статье анализируется эволюция и современное состояние теории политических коммуникаций как одной из функций государственного управления в России и странах Запада. Основной акцент делается на специфике приоритетов регулирования государственной информационной политики в России в условиях новой политической реальности, сложившейся после 2014 г. Рассматриваются основные направления совершенствования информационного законодательства, формы и методы осуществления коммуникации власти и общества.

Материалы и методы. Компаративный анализ результатов разработки ведущими специалистами США и ЕС проблематики медийной политики как управленческой функции современного государства позволяет провести комплексное междисциплинарное исследование современной практики имплементации реализации государственной информационной политики органами государственной власти и управления Российской Федерации, а также общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере российского информационного законодательства: метод системно-структурного анализа, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования. Эволюция коммуникационной политики современного государства развивается в последние годы преимущественно в направлении смещения акцента медийной политики в онлайн пространство глобальной сети Интернет. Очевидна специфика подхода в России, что заключается в активизации законодательного процесса применительно к регламентированию национального сегмента сети Интернет в условиях значительного возрастания значения задачи обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации с учетом ужесточения информационного противоборства на международной арене, информационных войн, проводимых странами Запада в отношении России и, в целом, существенного возрастания значения идеологического фактора в современных международных отношениях. В условиях новой политической реальности, сложившихся преимущественно после 2014 г., происходит закономерный процесс трансформации приоритетов в методах и средствах формирования единого информационного пространства России как пространства знаний.

Обсуждение и заключение. Внешне- и внутривнутриполитические условия деятельности российского государства в информационно-коммуникационной сфере требуют известного переосмысления всего комплекса вопросов, касающихся политического контента, методик и технологий выстраивания коммуника-

* **Меньшиков Петр Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных комплексных исследований Одинцовского филиала МГИМО МИД России.
e-mail: menshikov-petr@hotmail.com.

тивного взаимодействия органов государственной власти и управления РФ всех уровней и населения страны во всей широте охвата составляющих его весьма различных специфических аудиторий общественного мнения. При всей важности учета классических принципов осуществления эффективного механизма коммуникативного взаимодействия власти и общества, встал вопрос создания отвечающей требованиям времени общенациональной медийной политики, выработка которой является одной из приоритетных задач в контексте совершенствования системы деятельности органов государственной власти и управления РФ. Важнейшим компонентом при этом являются действия российского государства по наращиванию масштабных комплексных усилий в сфере информационной безопасности страны.

Введение

Информационная политика России как многофункциональная комплексная политическая и идеологическая по своему характеру задача государственного управления имеет системный характер и направлена на согласование интересов граждан, общества и государства. Ее цель - построение информационного общества как основы социально-экономического, политического и культурного развития страны. Целенаправленное государственное регулирование информационной сферы является характерной отличительной чертой функционирования системы законодательной и исполнительной власти всех без исключения современных промышленно развитых стран.

Информационная политика в целом рассматривается как действенный инструмент политического воздействия и эффективное средство достижения политических целей. Субъекты информационной политики способны с помощью информации оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность как в интересах государства и гражданского общества, так и в собственных интересах. Самая современная технология нейтральна в отношении к человеческим ценностям до тех пор, пока сам человек не определит направление применения такой технологии. Тогда технология обретает ценностные целевые ориентиры ее человеческого создателя. В наиболее полной мере сказанное относится именно к технологиям сбора, обработки и распространения информации.

Исследование

Информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве основного средства цивилизационного прогресса,

соединяя в себе воедино и одновременно для человечества и колоссальное благо, и глобальные угрозы, и совершенно новые вызовы [5. 346]. Новым вызовам посвящены и другие интересные работы [См.: 1, 2, 3, 4].

Благо - открывая совершенно новые горизонты развития инновационной цифровой экономики, трансграничного общения миллиардов людей по всей планете, обеспечения беспрепятственного доступа в режиме реального времени к колоссальным массивам знаний и информации, превращая коммуникацию в действительно всеобъемлющий фактор развития нашей цивилизации.

Угроза - неизбежно порождая те ее все более новые и опасные формы и виды, на которые человечеству еще придется искать адекватные средства противодействия. От проблематики разрушения личного пространства и переживающих качественно новую фазу технологического совершенствования информационных войн до нового феномена XXI столетия - уже ставших реальностью нашего времени массированных кибератак и кибервойн, абсолютно новых форм конфликтов, не регулируемых в должной мере ни существующим международным законодательством, ни эффективными механизмами международного противодействия.

Вызовы - в частности, связанные с развитием искусственного интеллекта и робототехники. Ожидается, к примеру, что к середине 2020 г. 90 процентов всех информационных сообщений в СМИ будут автоматически генерироваться на основе соответствующих алгоритмов, полностью исключая какое-либо участие человека.

Полномасштабное вовлечение государства в целенаправленное регулирование информационной политикой является исторически закономерным, правомерным и необходимым для развития любого со-

временного постиндустриального общества действием в интересах оптимизации государственного управления с целью создания полномасштабного открытого информационного национального пространства. Такая сфера деятельности государства обуславливается в первую очередь национальными интересами, направленными на укрепление информационного суверенитета, обеспечение информационной безопасности, целостности национального информационного пространства, его адекватной интеграции в мировое информационное пространство при строгом соблюдении отмеченных выше национальных интересов и национальной информационной суверенности [1].

Полный или частичный отказ от национального информационного суверенитета, пренебрежение в любой форме требованием неукоснительного соблюдения национальных интересов в информационной сфере неминуемо ведут к потере контроля над национальным суверенитетом в целом. Такова непреложная истина нашего времени, времени прекращения существования биполярного мира и идущего процесса выработки путей перехода к миру подлинно многополярному, времени т.н. «гибридных» войн, санкционной политики, крайней идеологизации всей системы международных отношений, кибертерроризма и киберпреступности [2].

В отечественной и зарубежной научной литературе даются различные определения государственной информационной политики, однако по своему смыслу принципиальных расхождений в подходах к определению ее сути в принципе не наблюдается. В странах Запада регулирующая функция государственного управления общественным сознанием определяется понятием коммуникационная политика, в самое последнее время все шире употребляется термин медийная политика.

Теоретическое осмысление данной тематики основывается преимущественно на двух центральных моментах: каким образом коммуникация воздействует или определяет политические структуры и процессы принятия политических решений и как политика, со своей стороны, воздействует или определяет общественную коммуникацию.

Ряд исследователей исходят из антагонизма, изначально лежащего в основе отношений между политической властью и медийными средствами и ввиду их зависимости по определению от государственной информационной политики. Сто-

ронники т.н. управленческих и системно-теоретических подходов исходят из прямого противопоставления медийной и политико-административной систем. Другие, напротив, отдают приоритет преобладанию факторов их влияния или воздействия на политику. Третьи исходят из взаимозависимости медийных средств и политики [6].

Большинство экспертов, однако, являются приверженцами системы взглядов, в основе которой лежат разработанные «тема отцами» («Founding Fathers») теории политической коммуникации Г.Д. Лассуэллом, П.Ф. Лазарсфельдом и К.И. Ховландом принципов политической коммуникации. Основываясь на классических понятиях, они выделяют такие ее направления, как «polity», «politics» и «policy». «Polity» - медийные средства являются институтом политического участия; «politics» - средством влияния на общественное мнение и процессы волеизъявления; «policy» - сферой политической деятельности, в частности, медийной или коммуникационной политики. Есть ряд принципиальных аспектов, в которых сходятся оценки сторонников всех изложенных выше концепций политических коммуникаций. В первую очередь - о сильной размытости границ понятий политической коммуникации и политического действия, идентичности на практике в большинстве случаев понятий политики и коммуникации или коммуникации как медийного ресурса осуществления политики.

Согласно разрабатываемой в США с 1968 г. концепции «Agenda-setting» (повестки дня), медийные ресурсы оказывают значительное влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что становится предметом их рассмотрения. Воздействие медийных средств на политические процессы, политические взгляды и политическое поведение является ядром политической коммуникации, в процессе чего неминуемо имеет место формирование двух разных реальностей - политической и медийной [7].

При этом обращается внимание на получивший определение «the rhetorical presidency» фактор повышения значения коммуникативных механизмов осуществления власти при параллельном снижении возможностей всех других форм традиционной реализации государственных форм и методов управления (экономических, социально-политических, административных) [8].

Положенное в основу концепции «Agenda-Setting» положение о том, что ме-

дейные ресурсы задают картину мира и воздействуют на социальную конструкцию реальности, лежит в русле сформулированной в 1922 г. в книге В. Липпмана «Public Opinion» теоретической модели политической коммуникации, которая остается в мейнстриме ее теоретических исследований вплоть до нашего времени. В качестве подтверждения западные авторы приводят пример культивирования средствами телевидения создания реальности «электронного окружения», отличного от реального восприятия людьми объективно существующего мира. У. Липпман точно предсказал, что в последующие десятилетия понимание того, как изменять и манипулировать общественным мнением, станет самым важным элементом успеха в политике в демократических странах [9].

Еще одним подтверждением является разработанная в 1980 г. т.н. «теория молчаливой спирали», согласно которой искаженная медийными средствами картина действительности направлена на введение общественного мнения в заблуждение относительно в первую очередь действительно имеющих место в обществе настроений различных образующих его аудиторий [10]. Посредством динамичного взаимодействия между искаженным медийными средствами общественными представлениями, их смоделированного извне восприятия окружающего мира, программируемым властью социальным поведением потребителей медийной информации, на основе псевдорейальной картины мира происходит реально имеющие место изменения в настроениях общества в интересах политической власти [4].

В 1980 г. в США введено в оборот выражение «perception is reality» - реальность есть то, что чувствуется. Его автор, Л. Этуотер, работал в ходе президентских предвыборных кампаний на Р. Рейгана и Д. Буша младшего, добиваясь успеха в т.ч. проведением весьма грязных, в политико-технологическом плане, кампаний и фальсификацией результатов социологических общественных опросов, создавая псевдофакты в интересах воздействия на настроения избирателей и следуя тезису о том, что если люди во что-то верят, то не имеет значения, насколько объект их веры соответствует реальному положению дел.

Во многом аналогичный подход имел место в президентской кампании Д.Трампа, в предвыборных речах которого в любой последовательности перемешивались факты и вымысел. Своей победе на выборах 2016 г.

Д. Трамп обязан в очень большой степени использованию именно т.н. «новых медиа» - социальных сетей Интернета с задействованием технологий big-data в целях анализа общественного мнения.

Характерен и другой факт - в век цифровой информации во все более глобализованном мире нарастает коммуникационная дезориентация инициаторов политической коммуникации. Формируемая ими реальность представляет собой некий мир «де-факто». Мир ностальгии по прошлому, а не поиска путей в будущее. Д. Трамп призывает к «возрождению Великой Америки», авторы Brexit апеллируют к «утерянной Англии», идеология запрещенной в России террористической группировки ИГИЛ - к мифическому «халифату». Вместо критического осмысления действительности - эмоциональная отсылка к прошлому, которая в своих экстремистских проявлениях порождает в умах виртуальную картину псевдоценностей с готовностью отдать за них жизнь, как это практикуется террористами при подготовке шахидов-смертников.

В самое последнее время все большее число сторонников приобретает реально имеющая место в политической коммуникации тенденция оценки информационного общества как общества мыслящего сетевыми категориями, в чем заключается его принципиальное отличие от централизованных властных вертикалей при растущем преобладании в сети информационных потоков над потоками власти [11].

Деятельность государства в сфере информационной политики, информационное взаимодействие между властью и электоратом, информационное обеспечение внутри страны и за рубежом государственной политики, если вынести за скобки сугубо технологические аспекты области информатики, всегда была, есть и будет оставаться на обозримую перспективу политической и идеологической по своей сути функцией государственного управления общественным мнением.

В сегодняшнем мире «гибридных» и «информационных» войн, «оранжевых революций», в повсеместной обстановке не соперничества и конкуренции, а агрессивного информационно-пропагандистского противоборства и открытой информационной конфронтации идей и жизненных ценностей отказ от идеологической направленности ГИП одного государства неминуемо приведет к неизбежным и весьма болезненным ударам по его информационному су-

веренитету. Идеология никогда и нигде не приемлет идеологического вакуума. Конституции большинства стран не допускают наличия официальной государственной идеологии. Однако никто и ничто в реальности не в состоянии воспрепятствовать идеологизации информации на всем протяжении ее жизненного цикла от практики селективного подбора информации, задействования различных форм ее конструирования и обработки, приемов подачи, распространения и тиражирования, программирования форм восприятия, вплоть до применяемых механизмов ее сокрытия, архивации или утаивания до тех пор, пока она не станет отвечать интересам ее распространителей. Вопрос, отвечает ли государственная пропаганда национальным интересам, интересам общества в целом и преследует ли она действительно конструктивные цели.

Информационная политика – государственная, негосударственная, классовая в прошлом, но всегда идеологически ориентированная, является инструментом идеологического воздействия и средством достижения политических целей за счет воздействия коммуникационно-информационными средствами на сознание людей с целью формирования отвечающей национальным интересам идеологической, политической, экономической, социальной и любой другой общественно значимой системы взглядов, мнений, знаний, суждений и оценок людей, влияющих на восприятие массовым общественным мнением политики государства.

Основные направления медийной политики России во внешнеполитической сфере определены в утвержденной Президентом России В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. Указом № 640 Концепции внешней политики Российской Федерации¹. К основным внешнеполитическим приоритетам отнесены усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры; укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные

процессы; содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций. Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. Предотвращение междоцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями призвано обеспечить гармоничное развитие человечества. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития.

В условиях обострения политических, социальных, экономических противоречий и роста нестабильности мировой политической и экономической системы повышается роль фактора силы в международных отношениях. На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные. Навязываемые извне идеологические ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности. Эти тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в частности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве [3].

Россия стремится добиваться объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве путем предоставления им необходимой для этого государственной поддержки, активно участвует в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимает необходимые меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности.

Проблематика информационной безопасности, как важнейшая задача обеспе-

¹ Концепция внешней политики России. Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 02.10.2017).

чения информационного суверенитета страны, составляет содержание Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ В.В. Путина 5 декабря 2016 г. № 646². Доктрина является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России и представляет собой качественно новый этап в регулировании принципиальных вопросов информационной безопасности страны. В документе представлена целостная стратегия действий по обеспечению информационной безопасности в среднесрочной перспективе и даны аргументированные объяснения существующих недостатков эффективности принимаемых мер. Комплексный анализ состояния информационной безопасности, а также ключевых направлений ее обеспечения в документе базируется на стратегических национальных приоритетах, изложенных в Стратегии национальной безопасности России 2015 г.³. Отличительной чертой Доктрины является конкретизация и анализ основных информационных угроз и состояния информационной безопасности страны, а также разнонаправленных факторов, влияющих на ее состояние практически во всех основных областях жизнедеятельности российского общества.

Национальные интересы РФ в информационной сфере определены как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы. Угроза информационной безопасности – как совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере. Информационная безопасность – как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Современная государственная информационная политика России в полной

мере реализует весь приведенный выше спектр задач. Безусловный приоритет придается обеспечению национального суверенитета и национальной безопасности в информационной сфере в самом широком значении этих понятий. ГИП России носит системный комплексный характер, научно обоснована, учитывает специфику духовных ценностей, отвечающих национальным интересам и культурно-историческим традициям страны, ментальные особенности российского многоконфессионального и многонационального общества, как и учитывает представляющие практический интерес передовые наработки зарубежного опыта построения государственной информационной политики. Она включает в себя нормативно-правовые, организационно-технические, экономические, организационные, социально-культурные и научно-образовательные компоненты.

ГИП России обрела свои нынешние черты одного из приоритетных направлений комплексной политико-идеологической деятельности всей вертикали российских органов государственной власти и управления по мере и в прямой взаимосвязи с масштабными процессами укрепления всей российской государственности, осознанием важности разноплановой активности по решительному отстаиванию национальных интересов страны, в том числе, ее информационного суверенитета и информационной безопасности, построением открытого демократического общества и единого открытого информационного пространства наряду с приоритетностью задачи обеспечения защиты конституционных прав и свобод российских граждан.

Нормативно-правовое регулирование является одним из главных инструментов государственной власти. Формирование и совершенствование законодательной базы для развития информационного общества выступает в качестве приоритетного направления государственной информационной политики. К настоящему времени в России создана и успешно функционирует целостная система национального законодательства в области информации как отдельная самостоятельная отрасль российского права. Базис информационной политики, как и по-

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 02.10.2017).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (дата обращения: 10.10.2017).

литики в целом, составляют совокупность норм права и механизмы их реализации. Информационное законодательство является одним из главных условий разработки и реализации государственной информационной политики. Оно создает правовую базу регулирования рынка информационной продукции и услуг, а также развития всего комплекса средств массовой коммуникации, информатизации и связи.

В последнее время наиболее актуальной тенденцией развития в стране национального информационного законодательства в разрезе государственной информационной политики, как и приоритетным направлением государственной информационной политики, безусловно, является разработка и принятие комплекса законов и подзаконных нормативных актов, направленных на обеспечение информационного суверенитета и защиту национальных интересов России в информационно-коммуникационной сфере, включая национальный сегмент Интернета.

Данные нормативные документы ввиду значительно возросших угроз и вызовов информационному суверенитету и национальной безопасности России в т.ч. в информационно-коммуникационной сфере, преимущественно носят ограничительный характер. Речь идет о соотношении декларируемых Конституцией России правах граждан на информацию, о конституционных гарантиях свободы СМИ и запрете цензуры, с одной стороны, и имеющей место практике усиления контрольно-регулирующих функций современной государственной информационной политики России с точки зрения расширения правового инструментария в интересах недопущения и противодействия использования Интернета в противоправных целях, главным образом, террористической и экстремистской направленности.

В международном праве положения о возможности ограничения в известных случаях прав и свобод гражданина, включая право на свободу слова и информации, в разных формах содержатся в т.ч. в принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав и свобод человека (Статьи 12, 29), в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Статья 10), в Международном пакте о гражданских и политических правах (Статьи

19, 20). В современной российской практике определение допустимых ограничений таких прав впервые дано в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и подтверждено приведенными выше нормами Конституции РФ 1993 года.

19 апреля 2001 г. Конституционный Суд РФ установил, что, исходя из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституции), как и иных защищаемых Конституцией ценностей, является обязанностью государства, федеральный законодатель вправе осуществлять надлежащее правовое регулирование, обеспечивающее соблюдение правопорядка, в том числе предусматривать административную ответственность за противоправные деяния. При этом допустимые ограничения прав и свобод строго очерчены Конституцией, ее статьями 17 (часть 3), 29 (часть 2) и 55 (часть 3), из предписаний которых, в частности, следует, что свобода слова и свобода массовой информации не должны использоваться во вред основам конституционного строя, нравственности, правам и законным интересам других лиц, безопасности государства⁴.

Результаты исследования

С учетом новых политических реалий международной обстановки, характеризующейся высокой степенью идеологизации международных отношений, нарастанием угроз и вызовов национальным интересам России, а также исходя из стратегических направлений развития внутренней и внешней политики страны, в т.ч. с точки зрения совершенствования государственной информационной политики, адекватной требованиям и потребностям настоящего времени, происходит известное переосмысление традиционных подходов к методам осуществления политической коммуникации в их классической форме в направлении приведения их в соответствие с реальным положением дел в данной сфере.

Государственная информационная политика охватывает все сферы общественной жизни, является составной частью внешней и внутренней политики России и представляет собой совокупность целей, которые отражают национальные интересы страны в информационной сфере, а также действия исполнительной, законодательной и судебных властей по их реализации. Под по-

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 N 70-О. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31683/ (дата обращения: 02.10.2017).

нятием ГИП подразумевается способность и возможность субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества. В более широком смысле это особая сфера жизнедеятельности, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение взаимного конструктивного диалога.

Анализ результатов

Принципы историзма и следования причинно-следственным взаимосвязям составляют методологическую основу эволюции информационной политики в России в направлении создания Единого информационного пространства знаний. Она носит системный, последовательный, правовой и идеологический характер и выполняет функции государственного управления в информационно-коммуникационной сфере. На каждом отдельно взятом этапе становления российского общества и российской государственности, информационная политика соответствовала адекватным потребностям каждого исторического этапа, требованиям и потребностям общества и государства.

Построение открытого демократического информационного общества и единого открытого информационного пространства знаний неизменно рассматривается в качестве приоритетной задачи обеспечения защиты конституционных прав и свобод российских граждан⁵. Реальные возможности ее реализации в практической дея-

тельности государства на каждом отдельно взятом историческом отрезке времени обуславливались существовавшими в стране реальными техническими возможностями и достигнутым уровнем технологического развития отечественной информационно-коммуникационной сферы.

Заключение

Постоянное информационное взаимодействие между гражданским обществом и государственной властью, между различными административно-территориальными и национальными образованиями, между всеми ветвями и структурами центральной и местной власти является важнейшим условием устойчивого развития государства, сохранения его единства и целостности, что приобретает особое значение в условиях новой политической реальности, характеризующихся, в т.ч., ужесточением информационного противоборства в сфере международных отношений, информационными войнами, ведущимися рядом стран Запада в отношении России, ростом киберугроз информационному суверенитету Российской Федерации.

Адекватное информационное обеспечение государственной власти играет ключевую роль в процессах эффективного функционирования государственного механизма, реализации всех стадий процесса государственного управления, адекватного целям и задачам развития и удовлетворения потребностей современного российского общества в интересах достижения главной цели стратегии развития информационного общества в России – создания условий для формирования в стране общества знаний.

Литература:

1. Енгибарян Р.В. Время выбирает нас, мы - свои цивилизационные приоритеты // Право и управление. XXI век. № 2 (35). 2015.
2. Енгибарян Р.В., Караулова Ю.А., Селезнева В.В. Многоликая демократия - время переоценки ценностей // Право и управление. XXI век. №1 (42). 2017.
3. Енгибарян Р.В. Первая половина XXI столетия: исламский вызов. // Право и управление. XXI век. № 4 (41). 2016.
4. Енгибарян Р.В. Институт Президентства США и России // Право и управление. XXI век. № 3 (40). 2016.
5. Меньшиков П.В. Актуальные аспекты информационного обеспечения российской внешней политики // Научное издание Медиапространство многополярного мира : сборник научных статей. Москва: РУДН. 13 апреля 2017 г. / Под ред. Ел. В. Мартыненко. Москва: РУДН, 2017.

⁵ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 02.10.2017).

6. Landreville, K.D., LaMarre, H.L. Examining the Intertextuality of Fictional Political Comedy and Real-World Political News // *Media Psychology*. № 16(3). 2013.
7. Harrison, K., Hefner, V. Virtually Perfect: Image Retouching and Adolescent Body Image // *Media Psychology*. № 17(2). 2014.
8. Kazakova, S., Cauberghe, V., Pandelaere, M., De Pelsmacker, P. Can't See the Forest for the Trees? The Effect of Media Multitasking on Cognitive Processing Style // *Media Psychology*. № 18(4). 2015.
9. Lippmann W. Public opinion. Transaction Publishers. N.-Y., 1946.
10. Trepte, S., Dienlin, T., Reinecke, L. Influence of Social Support Received in Online and Offline Contexts on Satisfaction With Social Support and Satisfaction With Life: A Longitudinal Study // *Media Psychology*. 18(1). 2015.
11. Strategic Public Diplomacy. Testimony by James K. Glassman. Before the Senate Committee on Foreign Relations at the Hearings on The Future of U.S. Public Diplomacy. W., 2010.

COMMUNICATION AS A MANAGEMENT FUNCTION OF A MODERN STATE

Introduction. *The article examines the evolution and current state of the theory of political communication as one of the functions of state management in Russia and Western nations. The main focus is on the specifics of the regulatory priorities of the state information policy in Russia in the new political reality that emerged after 2014. The main directions for improving information legislation, forms and methods of communication of government and society are considered.*

Materials and methods. *Comparative analysis of results of development by leading experts of the US and the EU of media policy in relation to the management function of the modern state allows conducting a comprehensive interdisciplinary study of the modern practice of implementation of state information policy by public authorities and management of the Russian Federation. The research is based on general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the sphere of Russian information legislation: the method of systemic structural analysis, comparative-legal and formal-logical methods.*

Results. *Both in Western countries and in Russia, the evolution of communication policy of modern States moved in recent years towards shifting the focus of media policy on the online space of the Internet. The apparent specificity of the approach in Russia, is to strengthen the legislative regulation of the national segment of the Internet to ensure the information sovereignty of the Russian Federation when information warfare waged by Western nations against Russia becomes tougher and the importance*

of ideology in modern international relations grows. The new political reality that emerged primarily after 2014 sees a natural process of transformation of the priorities in the methods and means of formation of uniform information space of Russia as a space of knowledge.

Discussion and Conclusion. *The external and internal political conditions of the Russian state's activity in the information and communication sphere require a certain rethinking of the entire range of issues related to political content, methods and technologies for building the communicative interaction between the government bodies of the Russian Federation at all levels and the country's entire population. While it is important to take into account the classical principles of implementing an effective mechanism for communicative interaction between government and society, the challenge has arisen to create a national media policy that meets the requirements of the present day. The development of this policy must be one of the priority tasks in the context of improving performance of the government bodies of the Russian Federation. The most important work for the Russian state in this field is to scale up comprehensive efforts in the sphere of information security of the country.*

Petr Menshikov,
Candidate of Science (General History),
Associate Professor, Department for International Integrated Studies, Odintsovo branch of MGIMO University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

Государственная информационная политика, политическая коммуникация, Единое информационное пространство, информационное законодательство, медийная политика, информационная безопасность, информационные войны, информационный суверенитет.

Keywords:

State information policy, political communication, single information space, information law, media policy, information security, information warfare, information sovereignty.

References:

1. Yengibaryan R.V., 2015. Vremja vybiraet nas, my - svoi civilizacionnye priorityety [Times chooses us, we choose our civilizational Priorities]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2(35).
2. Engibarjan R.V., Karaulova J.A., Selesneva V.V., 2017. Mnogolikaja demokratija - vremja pereocenki cennostej [Multifaceted Democracy - It's Time to Re-Evaluate Values]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1(42).
3. Yengibaryan R.V., 2016. Pervaja polovina XXI stoletija: islamskij vyzov [The first Half of the 21st Century: an Islamic Challenge]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. №4 (41).
4. Yengibaryan R.V., 2016. Institut Prezidentstva SShA I Rossii [The Institution of Presidency in the USA and Russia]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. №3 (40).
5. Men'shikov P.V., 2017. Aktual'nye aspekty informacionnogo obespechenija rossijskoj vneshnej politiki [The Topical Issues of Russian Foreign Policy Informational Support]. *Nauchnoe izdanie Mediaprostranstvo mnogopoljarnogo mira: sbornik nauchnyh statej [Scientific Edition Media Space of Multipolar World: Collected Articles]*. Moskva: RUDN. 13 aprelja 2017 g. / pod red. El. V. Martynenko. Moscow, RUDN.
6. Landreville, K.D., LaMarre, H.L., 2013. Examining the Intertextuality of Fictional Political Comedy and Real-World Political News. *Media Psychology*. 16(3).
7. Harrison, K., Hefner, V., 2014. Virtually Perfect: Image Retouching and Adolescent Body Image. 2014. *Media Psychology*. 17(2).
8. Kazakova, S., Cauberghe, V., Pandelaere, M., De Pelsmacker, P., 2015. Can't See the Forest for the Trees? The Effect of Media Multitasking on Cognitive Processing Style. *Media Psychology*. 18(4).
9. Lippmann W., 1946. Public opinion. Transaction Publishers. N.-Y.
10. Trepte, S., Dienlin, T., Reinecke, L., 2015. Influence of Social Support Received in Online and Offline Contexts on Satisfaction With Social Support and Satisfaction With Life: A Longitudinal Study. *Media Psychology*. 18(1).
11. Strategic Public Diplomacy. Testimony by James K. Glassman. Before the Senate Committee on Foreign Relations at the Hearings on The Future of U.S. Public Diplomacy. W., 2010.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Вероника Новикова*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-91-97

Введение. Статья представляет собой сравнительное исследование формирования и функционирования системы науки и высшего образования в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе с выделением критериев сравнения.

Материалы и методы. Методологически исследование основано на общенаучных и специальных методах познания политических и социально-экономических процессов, в т.ч. анализ, синтез, аналогия, обобщения, сравнение. Использование сравнительного метода позволило разработать параметры для сопоставления научно-образовательных комплексов двух интеграционных группировок.

Результаты исследования. В ходе проведенного анализа выявлено, что научно-образовательные комплексы ЕС и ЕАЭС сравнимы по ряду характеристик, что свидетельствует об их типологическом родстве и наличии схожих принципов функционирования. При этом обнаружены уникальные для ЕАЭС факторы, оказывающие влияние на науку и высшее образование, связанные в первую очередь с исторической, географической и национальной спецификой, которые позволяют объединению эффективно использовать механизмы научно-технической и образовательной кооперации. Кроме того, сравнительный анализ позволил очертить проблемы в организации сотрудничества в исследуемых областях между странами евразийской пятерки, которые возможно устранить с опорой на европейский опыт.

Обсуждение и заключение. В настоящее время в литературе недостаточное внимание уделяется использованию потенциала научного и образовательного взаимодействия для продвижения интеграционных процессов в ЕАЭС. Важно детально прорабатывать модели адаптации опыта Европейского союза по организации и финансированию Европейского исследовательского пространства и Европейского пространства высшего образования для создания и развития аналогичных моделей в ЕАЭС с учетом местных особенностей, а также достижений азиатской системы науки и образования. В этом контексте полезными были бы исследования в области налаживания связей между академическим сообществом и инновационными фирмами государств-членов ЕАЭС и стран Азии, которые могут породить новые форматы общения.

* **Новикова Вероника Михайловна**, соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, третий секретарь МИД России
e-mail: photii@yandex.ru.

Введение

Достижение целей Евразийского экономического союза (ЕАЭС) невозможно без опоры на эффективный и динамично развивающийся научно-образовательный комплекс (НОК). Конкурентоспособность интеграционных объединений на мировой арене, их способность своевременно реагировать на изменения международной финансово-экономической конъюнктуры, возможности адекватно обеспечивать благосостояние населения во многом зависят от степени научно-технического прогресса стран-участников, инновационности их экономики, наличия действенных механизмов коммерциализации научных разработок, а также высококвалифицированных специалистов, уровень и качество образования которых отвечает современным требованиям рынка труда и экономики в целом [См.: 9, 10, 11]. Научно-образовательный комплекс ЕАЭС, являющийся относительно молодой интеграционной группировкой, в отличие от ставшего хрестоматийным примером Европейского союза (ЕС), в настоящее время только формируется, при этом имеет характерные особенности. Выделение критериев сравнения научно-образовательного комплекса двух объединений – ЕС и ЕАЭС и проведение сравнительного анализа [См.: 4. С. 49-55] в соответствии с этими критериями было бы полезно для дальнейшего исследования роли науки и высшего образования в интеграции и выработки практических рекомендаций.

Международно-политические аспекты высшего образования, его интернационализация рассматриваются академиком А.В. Торкуновым [См.: 10, 11], профессором М.М. Лебедевой [См.: 5, 6]. Вопросы финансирования научных исследований, отношения государства и науки, роль и особенности научного сообщества изучает В. Коннов [См.: 1]. Анализ значения высоких технологий и научно-технического развития страны с точки зрения глобальной конкурентоспособности приведен в работах Е.Ямбуренко [См.: 9]. Исследование различных моделей образовательной политики, их влияние на систему высшего образования проводит О.Власова [См.: 3], а российский аспект университетской деятельности в контексте инновационного развития – Г.Резник и М.Курдова [См.: 7].

Исследование

Очевидно, что сравнение науки и высшего образования в ЕС и ЕАЭС по количе-

ственным критериям малопродуктивно, поскольку необходим качественный анализ, отражающий существующие связи между научно-образовательным комплексом и ходом интеграционных процессов. В этом ключе будет выделено семь базовых критериев: 1) исторический контекст зарождения и развития интеграции; 2) наличие и деятельность лидера, продвигающего интеграционное сотрудничество; 3) степень законодательной проработанности проблематики науки и высшего образования; 4) встроенность научно-образовательного комплекса в интеграционные процессы; 5) источники финансирования науки и высшего образования; 6) характер научно-технической и образовательной политики [См.: 3]; 7) политическое значение научно-образовательной среды.

Выделение в качестве первого сравнительного критерия исторической подоплеку и условий зарождения и развития интеграции обусловлено тем серьезным значением, которое эти факторы имеют для всех последующих взаимодействий в рамках объединения. Мотивы государств, заключивших изначальный договор об интеграции, характер отношений между ними, настроения населения по отношению к своим соседям и аналогичные причины продолжают оказывать влияние на вектор развития сотрудничества. При этом такое влияние хоть чаще и неформальное, не закрепленное в нормативно-правовой базе, но достаточно сильное с точки зрения своих последствий.

Наследие Советского союза и сегодня ощутимо сказывается на научно-образовательном комплексе Евразийского экономического союза, созданного на пространстве некогда единого государства. Открыто уникальное окно возможностей по использованию действовавших в советское время экономических, производственных и научно-технологических цепочек, связей между представителями академического сообщества, что позволит не только опираться на проверенные схемы, но и предотвратить повторение ошибок. Кроме того, накопленный опыт позволяет разрабатывать новые алгоритмы осуществления научно-технической кооперации, мобильности студентов, преподавателей и ученых, а также трансграничного взаимодействия инновационных компаний. Важным преимуществом для научных связей на пространстве бывшего СССР выступает языковая общность, поскольку ученые могут свободно общаться на русском языке, в отличие от стран

Евросоюза, где языковые различия являются «базовым аспектом» национальных научных культур европейского континентального ядра (Германии, Франции, Италии) [См.: 1. С. 104-105]. Сдерживающим моментом в ЕАЭС выступают опасения национальных элит относительно якобы «российских имперских амбиций», развеять которые поможет только углубление многопланового взаимовыгодного сотрудничества. В этой связи полезен опыт Евросоюза, построенного на антагонизме стран-членов и стремлении «растворить» противоречия, где наука и высшее образование стали несвязанными с военной областью скрепами, которые помогали эффективно гасить конфликтный потенциал. Наравне с экономикой они легитимировали интеграционное сближение в глазах населения, постепенно получавшего расширенный доступ к обучению и трудоустройству в других странах, новые технологии в быту и повседневной жизни.

Из вышеизложенного проистекает второй критерий – вопрос о лидерстве [См.: 5. С. 389] в интеграционном формировании. Важно отметить, что речь идет именно о лидере то есть о государстве или их группе, которая может инициировать, мягко регулировать и координировать происходящие в научно-образовательной области процессы с тем, чтобы они эффективно способствовали достижению заявленных объединением целей. В ЕАЭС безусловным лидером выступает Российская Федерация, как государство, обладающее наибольшим экономическим, научно-техническим, ресурсным и иным потенциалом. Россия способна стать центром научного развития и качественного высшего образования, что позволит другим странам ЕАЭС проводить эффективную модернизацию собственных структур на основе равноправия и учета интересов друг друга. С опорой на российский опыт и аккумулирующие возможности по продвижению научно-технической кооперации и образовательного сотрудничества ЕАЭС способен занять достойное место в глобальной конкурентной среде. Что касается Европейского союза, то для него характерно распределение лидерских полномочий между несколькими странами (в первую очередь, Великобританией, Германией, Францией, Испанией). Порождаемая такой ситуацией конкуренция способствует повышению заинтересованности государств в развитии собственных научно-образовательных систем, повышению качества образовательных услуг, подготовке инновационно-ориентированных специа-

листов, а также стимулирует фирмы к оптимизации инновационного компонента [См.: 7]. Негативным моментом является риск возникновения соперничества за распределяемыми ресурсами (преимущественно из общеевропейских фондов) и за воздействие на процесс принятия решений. Очевидно, в долгосрочной перспективе в ЕАЭС в исследуемой сфере лидерами станут крупные научные центры и отдельные университеты в разных странах-членах, что будет стимулировать взаимодействие между ними и задавать высокие стандарты, к которым станут стремиться другие научные учреждения и вузы.

Третий критерий связан с юридическим закреплением норм функционирования научно-образовательного комплекса интеграционной группировки. Причем способ их закрепления принципиального значения не имеет: договор, соглашение или стратегия. Для аналитика важно, какой характер носят эти нормы и их соответствие реальности. Декларативность – первый признак выхолащивания интеграции, опережение – говорит о стойком намерении развивать сотрудничество (хотя может являться и декларацией), «опоздание» документального оформления имеет двоякий смысл: быстро текущие процессы на практике или нежелание сторон связывать себя обязательствами. Если для научно-образовательного комплекса ЕС присуща опора на рекомендательные документы Еврокомиссии и различные соглашения о партнерстве, то ЕАЭС пока не хватает такого инструментария, что сужает возможности интеграционного взаимодействия в исследуемой области. На данном этапе полезной была бы совместная работа экспертов из стран-членов ЕАЭС по выработке стратегии кооперации по научно-технической и образовательной линии, возможно с опорой на существующее нормативно-правовое регулирование этой сферы в отдельных странах [См.: 7. С. 451].

Следующий критерий демонстрирует степень сопряженности научно-образовательного комплекса с интеграционными процессами в целом, то есть распространение тех же базовых принципов и норм на сферу науки и образования, что и на другие области. Оценка этого критерия дает понимание того, насколько эффективным может быть НОК при достижении целей объединения. В ЕС по принципам европейской интеграции сформированы Европейское исследовательское пространство и развивается взаимодействие членов Евросоюза

в Европейском пространстве высшего образования [См.: 5. С. 388]. Функционирование построенного таким образом европейского НОК прозрачно, понятно всем участникам и отражает существующие интеграционные тенденции, что активно используется для укрепления сотрудничества. Что касается ЕАЭС, в силу его молодости общие механизмы работы объединения находятся на стадии становления. Это является «бонусом», поскольку имеется шанс организовывать научное и образовательное взаимодействие параллельно с выстраиванием модальностей общения в других сферах.

Пятый критерий отражает распределение источников финансирования и показывает удельный вес основных заинтересованных в научных исследованиях и выпускниках субъектов, в результате чего можно делать прогноз относительно вектора и последствий научно-исследовательской деятельности. Так, если в структуре финансирования доминирует государство, то научными учреждениями выполняются национально значимые исследования в рамках приоритетных направлений развития. Большая доля частного капитала и участия бизнеса в науке и высшем образовании ведет к увеличению числа инновационных фирм [См.: 8. С. 38], облегчению трудоустройства выпускников по специальности [См.: 7. С. 453]. Наличие возможностей для вузов по самостоятельному финансовому обеспечению путем создания специальных фондов сокращает нагрузку на государственную казну [См.: 8. С. 42]. Если в Европейском союзе более половины расходов на НИОКР приходятся на бизнес и только треть на государство [См.: 13], то странах ЕАЭС львиная доля исследований обеспечивается за счет государственных фондов. В последнее время в евразийских странах (особенно в России) предпринимаются меры по стимулированию участия частного сектора в научных разработках для повышения конкурентоспособности малых и средних предприятий. Также ведется работа по внедрению частного капитала в систему высшего образования (совместные с коммерческими структурами программы и частные вузы). Кроме того, ЕАЭС может быть полезен опыт ЕС по реализации Рамочных программ в сфере науки на уровне всего объединения и деятельность Европейского исследовательского совета [См.: 1], что значительно укрепляет интеграционное сотрудничество.

В качестве шестого критерия сравнения можно назвать тип политики в обла-

сти высшего образования, который демонстрирует различное участие тех или иных групп игроков. По поводу Европейского союза О.Власова считает, что там идет процесс универсализации типов политики в сфере образования, характеризующийся слиянием социально-корпоративного (преобладание академического сообщества) и государственно-патерналистского типов [См.: 3]. Эта тенденция выражается в активизации взаимодействия европейской комиссии с научным, экспертным и образовательным сообществом, развитии программы «Эразмус+» [См.: 2. С. 110-111]. В ЕАЭС же преобладает государственно-патерналистский тип, характеризуемый существенной ролью государства в высшем образовании. Более того, именно государство продвигает политику по повышению роли академии посредством придания нового статуса университетам (пример России) и стимулирования их международного сотрудничества.

Последний по счету, но не по значимости, критерий – это наличие политической воли к развитию НОК на уровне интеграционного объединения и значимость, придаваемая этому вопросу, политическим руководством государств и правительствами. Этот критерий во многом является квинтэссенцией воздействия научно-образовательного комплекса на политическую составляющую интеграционных процессов. Понимание значимости науки и высшего образования для конкурентоспособности экономики отдельных стран [См.: 7] и интеграционного объединения в целом подталкивает государственные власти к принятию решений, способствующих развитию этих сфер и соответствующему взаимодействию внутри группировки, а также выходу на внешних игроков с целью обмена опытом, технологиями и знаниями [См.: 6]. В ЕС взаимодействия по линии науки и образования между 28-ю его участниками за долгие годы отлажены, институционализированы и функционируют в штатном порядке. В Евразийском экономическом союзе, напротив, политические лидеры придают большое значение развитию связей в науке и образовании между государственными и частными учреждениями, поднимая эти вопросы на самом высоком уровне.

Результаты исследования

Научно-образовательное измерение интеграционных процессов в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе сравнимо, что свидетельствует о сущност-

ной близости функционирования науки и высшего образования в двух объединениях. Выявленные различия, в особенности в вопросах финансирования, законодательного закрепления обязательств участников и применимость общих принципов интеграционного взаимодействия в сфере науки и высшего образования, является индикатором как открывающихся перспектив, так и существующих проблем. В практическом плане это означает наличие возможности применения опыта друг друга при принятии решений в исследуемой области. С теоретической точки зрения, разработанные критерии сравнения могут служить для анализа аналогичных систем в других интеграционных группировках.

Заключение

Приведенные сравнения по выделенным параметрам позволяют сделать вывод о том, что у ЕАЭС имеется ряд уникальных возможностей по стимулированию интеграционных процессов с помощью развития научно-технического и образовательного потенциала. Страны пятерки могут исполь-

зовать опыт и Евросоюза, и СССР, что дает значительное преимущество для того, чтобы не повторять ошибки и адаптировать уже имеющиеся наработки. Простое копирование моделей ЕС в научной кооперации и высшем образовании не принесет желаемых результатов в силу глубоких структурных и исторических различий. Необходимо изучать реализуемые в ЕС принципы и программы и адаптировать их с учетом реалий ЕАЭС и наследия советского периода. Более того, расположение ЕАЭС между европейской и азиатской научно-образовательными моделями позволяет инкорпорировать в евразийский НОК тренды из обеих систем, что способствует повышению его эффективности и конкурентоспособности [См.: 5]. Представляется, что в перспективе внутри ЕАЭС могло бы быть сформировано единое научно-образовательное пространство (в отличие от двух пространств в ЕС), в рамках которого происходила бы тесная интеграция науки, высшего образования с выходом на экономических операторов различных уровней.

Литература:

1. Балышев А., Коннов В. Глобальная наука и национальные научные культуры // Международные процессы. Том 14. № 3.
2. Балясин М.А., Карвальо Л., Михут Д. Опыт обучающихся: исследование-опрос как новый подход к оценке качества совместных программ магистратуры Erasmus Mundus // Вопросы образования. 2016. № 1.
3. Власова О.Ю. Модели образовательной политики современных европейских государств: сравнительный анализ. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.п.н. Москва, 2013.
4. Кокорин А.А. Сравнительный анализ. М., 2007.
5. Лебедева М.М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 3.
6. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №10.
7. Резник Г.А., Курдова М.А. Функции российского университета в условиях формирования инновационно-ориентированной экономики // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 3.
8. Чернова Е.Г., Ахобадзе Т.Д., Маслова А.С., Салтан А.А. Модели финансирования высшего образования и эффективность деятельности университетов. Эмпирическое исследование европейского опыта и отечественная практика // Вопросы образования. 2017. № 3.
9. Ямбуренко Е. Инновационный аспект междержавной конкуренции // Международные процессы. Том 14. № 4.
10. Торкунов А.В. МГИМО – университет, устремленный в будущее // МГИМО-Университет: традиции и современность (1944-2009). М., 2009 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
11. Торкунов А.В. МГИМО в конкурентной среде образовательного сообщества // Выступление на собрании трудового коллектива МГИМО 29 августа 2008 года // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
12. Торкунов А.В. Российская дипломатия и культура // Дипломатический ежегодник-2000 / Под ред. Ю.Е. Фокина. М., 2000 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
13. R&D Expenditure/ Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/R_%26_D_expenditure

SCIENCE AND HIGHER EDUCATION IN THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION: COMPARATIVE ANALYSIS

Introduction. The article is a comparative study of the formation and functioning of science and higher education system in the European Union and the Eurasian Economic Union, conducted by defining comparison criteria.

Materials and methods. Methodologically, the research is based on general scientific and special methods of cognition of political, social and economic processes, including analysis, synthesis, analogies, generalizations, comparison. The comparative method helped to develop parameters for comparing the scientific and educational complex of the two integration entities.

Results of the study. The analysis revealed that the scientific and educational complex of the EU and the EAEU are comparable by a number of characteristics, which indicates their typological congeniality and the existence of similar principles of functioning. At the same time, there are some factors unique for the EAEU that influence science and higher education. These factors derived from the historical, geographic and national specific background allow the EAEU to effectively use the mechanisms of scientific, technical and educational cooperation. In addition, the comparative analysis unveils problems in this

cooperation, which can be solved by drawing on European experience.

Discussion and conclusion. Current scholarly literature pays insufficient attention to the potential of scientific and educational interaction for promoting integration processes in the EAEU. It is important to elaborate models for adapting the experience of the European Union in organizing and financing the European Research Area and the European Higher Education Area to create and develop similar models in the EAEU, taking into account local specific characteristics, as well as the achievements of the Asian system of science and education. In this regard, it is useful to carry out research in the field of networking between the academic community and innovative companies of the EAEU member states and Asian countries to find out new formats of communication.

Veronika Novikova,

Postgraduate Researcher with the Department of World Politics, MGIMO-University under the MFA of Russia, 3rd Secretary in the MFA of Russia.

Ключевые слова:

ЕС, ЕАЭС, интеграция, наука, образование, научно-образовательный комплекс, университет, сравнительный анализ, образовательная политика, научно-техническая политика, интеграционные процессы.

Keywords:

EU, EAEU, integration, science, higher education, university, comparative analysis, educational policy, scientific and technical policy, integration process.

References:

1. Balyshev A., Konnov V., 2016. Global'naya nauka i natsional'nyye nauki [Global academia and National scholarly cultures]. *Mezhdunarodnyye protsessy [International Trends]*. № 3.
2. Balyasin M.A., Karval'o L., Mikhut D., 2016. Opyt obuchayushchikhsya: issledovaniye-opros kak novyy podkhod k otsenke kachestva programmnykh produktov Erasmus Mundus [Student Experience: A New Approach to Evaluate the Quality of Erasmus Mundus Joint Master Degrees through Survey Research]. *Voprosy obrazovaniya. [Educational Studies]*. № 1.
3. Vlasova O., 2013. Modeli obrazovatel'noy politiki sovremennykh yevropeyskikh gosudarstv: sravnitel'nyy analiz [Modern European States Educational Policy Models: Comparative Analysis]. Moscow.
4. Kokorin A.A., 2007. Sravnitel'nyy analiz. [Comparative Analysis]. Moscow
5. Lebedeva M.M., 2017. Mezhdunarodno-politicheskiye protsessy integratsii obrazovaniya [International political processes of integration of education]. *Integratsiya obrazovaniya. [Integration of Education]*. № 3.
6. Lebedeva M., 2006. Politikoobrazuyushchaya funktsiya vysshego obrazovaniya v sovremennom mire [Policy-forming function of higher education in the modern world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. [World economy and international affairs]*. № 10.

7. Reznik G., Kurdova M., 2017. Funktsii rossiyskogo universiteta v usloviyakh formirovaniya innovatsionno-oriyentirovannoy ekonomiki. [*Functions of Russian University During Formation of Innovation-Based Economy*]. *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*. № 3.
8. Chernova E., Akhobadze T., Maslova A., Saltan A., 2017. Modeli finansirovaniya vysshego obrazovaniya i effektivnosti deyatel'nosti universitetov. Empiricheskoye issledovaniye yevropeyskogo opyta i otechestvennoy praktiki. [Higher Education Funding Models and Institutional Effectiveness: Empirical Research of European Experience and Russian Trends]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. № 3.
9. Yamburenko E., 2016. Innovatsionnyy aspekt mezhderzhavnoy konkurentsii [Cooperation and rivalry of old and new major powers in innovation]. *Mezhdunarodnyye protsessy [International Trends]*. № 4.
10. Torkunov A.V. MGIMO – universitet, ustremlennyi v budushchee [the MGIMO-University - Aspiring to the Future]. MGIMO-Universitet: traditsii i sovremennost' (1944-2009) [MGIMO-University: Traditions and the Present Time]. Moscow, 2009. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
11. Torkunov A.V. MGIMO v konkurentnoi srede obrazovatel'nogo soobshchestva [MGIMO in the Competitive Environment of the Educational Community]. Vystuplenie na sobranii trudovogo kollektiva MGIMO 29 avgusta 2008 goda [Address to the MGIMO Faculty and Staff Meeting, 29 August, 2008]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
12. Torkunov A.V. Rossiiskaia diplomatiia i kul'tura [Russian Diplomacy and Culture]. Diplomaticeskii ezhegodnik-2000 [Diplomatic Yearbook-2000]. Pod red. [Ed. by]. Iu.E. Fokina. Moscow, 2000. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
13. R&D Expenditure/ Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/R_%26_D_expenditure

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имуществом, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата
Направление подготовки
Государственное и муниципальное управление
Федеральное и региональное управление
Управление федеральной и региональной собственностью
Экономическая политика
Управление и маркетинг территорий (реализуется в филиале МГИМО в Одинцово)
Политология
Технологии публичной политики
Политическая конфликтология
GR и международный лоббизм
Национальная и региональная политика (реализуется в филиале МГИМО в Одинцово)
Международные отношения
Мировая политика
Программы очной магистратуры
Направление подготовки
Государственное и муниципальное управление
Управление международными проектами
Управление в государственных корпорациях
International Public and Business Administration (совместно с Университетом в г.Мачерата, Италия)
Политология
Международный политический консалтинг
GR и международный лоббизм
Международные отношения
Гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-43514 от 18.01.2011 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОПИМТ МГИМО (У) МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,375.
Подписано в печать 27.11.2017 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 300 экз. Заказ № 1715

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна